

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 4 • № 3 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMİOTİKESKİE İSSLEDOVANİJA. SEMİOTİK STUDIES

Том 4, № 3, 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru).

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85744
ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*
Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*
Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
М.А. Соколов

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 12.10.2024.

Выход в свет 26.10.2024.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 14,25. Тираж 200 экз. (первый завод – 40 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета.

Адрес типографии: Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Самарский университет, 2024

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

А. Нордманн, д-р филос. наук, имеретированный проф. (Институт философии, Технический университет Дармштадта, Дармштадт, Германия)

А.В. Павлов, д-р филос. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва, РФ)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 4 • no. 3 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 4, no. 3, 2024

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

**The journal has been published since 2021,
4 times a year.**

Subscription index in the United internet-catalog
«Press of Russia» 85744
ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko, M.A. Sokolov*

Business model: financing of the journal is carried out
by the founder, all articles are published free of charge.
0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the
views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used
while creating the cover design.

Passed for printing on 12.10.2024. **The publication**
26.10.2024. Format 60x84/8. Litho paper. Instant
print. Print. sheet. 14,25. Circulation 200 copies (first
printing – 40 copies). Order No.

Printed on the printing house of Samara University.
Printing house address: 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Samara National Research University, 2024

Editorial board

- K. Eimermacher**, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
A. Nordmann, Professor em. (Darmstadt Technical University, Darmstadt, Germany)
A.V. Pavlov, Dr. phil. habil., Professor (Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Шольц Г. ChatGPT и устранение человека	8
Кеосиди И.И. Роль человека в концепции «вычислительного Левиафана»	14
Кускова С.М. Проблема познания будущих явлений.	22
Крылов Н.А. Моделирование креативности в искусственном интеллекте: возможности и границы.	31
Смердова Е.А. «Теория всего»: виды информации и теория интерпретации в «Философии случая» Станислава Лема.	37

Литературоведение

Голубков С.А. Массовый человек и его речевые амплуа простака, балагура, ментора в русской прозе 1920-х годов	46
Некрасова И.В., Устименко А.А. Своеобразие «пушкинского текста» в современной русской литературе	53
Житко Р.Г. Категория Ничто как фактор эстетики и поэтики литературы модернизма	62
Махов Д.А. Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина и романе У. Эко «Имя Розы»	69

Социология

Бурмыкина О.Н. Границы семьи: идентификация и динамика.	74
Сотников С.А. Становление идеи агентности пациентов в институте медицины	84
Майорова-Щеглова С.Н. Дед Мороз как социальный конструкт детства и социума	95
Иваненко А.И. Степень лояльности виртуальных репрезентаций народов Северного Кавказа к России	104

<i>Образец оформления статьи, требования к оформлению статей . . . . .</i>	112
--	-----

CONTENTS

Philosophy

Scholtz G. ChatGPT and the elimination of humans	8
Keosidi I.I. Human role in the concept of "computational Leviathan".	14
Kuskova S.M. The problem of knowing future phenomena	22
Krylov N.A. Modeling creativity in artificial intelligence: possibilities and limits.	31
Smerdowa E.A. «Theory of everything»: types of information and the theory of interpretation in «Philosophy of chance» by Stanisław Lem	37

Literature studies

Golubkov S.A. The mass person and their speech roles of a simpleton, a buffoon, a mentor in the Russian prose of the 1920s	46
Nekrasova I.V., Ustimenko A.A. The peculiarity of Pushkin-related texts in modern Russian literature	53
Zhitko R.G. The category of Nothingness as a factor in the aesthetics and poetics of modernist literature.	62
Makhov D.A. The category of the observer in the works of M.M. Bakhtin and in U. Eco's novel «The Name of the Rose».	69

Sociology

Burmykina O.N. Family boundaries: identification and dynamics.	74
Sotnikov S.A. The formation of the idea of patient agency at the institute of medicine	84
Mayorova-Scheglova S.N. Ded Moroz (Father Frost) as a social construct of childhood and society.	95
Ivanenko A.I. Virtual representations of the Northern Caucasus peoples in terms of degree of their loyalty to Russia.	104

<i>Sample article formatting, requirements to the design and layout of articles . . . . .</i>	112
---	-----

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-8-13

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165:004.8

Дата поступления: 01.06.2024
рецензирования: 01.09.2024
принятия: 01.10.2024

Г. Шольц
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

ChatGPT и устранение человека

Аннотация: искусственный интеллект всё чаще оказывается незаменимым помощником человека, в то же время растёт и страх перед его мощью. Преимущества ChatGPT отнюдь не так велики, как вредные последствия этой системы, связанные с подрывом авторского права, с подменой творческих достижений в искусстве, с недоверием к творческим, школьным и университетским результатам, с сомнением в авторстве. Предпринимаются попытки контролировать эти последствия с помощью новых правил, однако фактически люди становятся всё менее нужными: реальная угроза заключается в ситуации, когда всё более глупеющее общество располагает всё более интеллектуальными машинами.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторское право; образование; творчество; отупение.

Цитирование: Шольц Г. ChatGPT и устранение человека // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 3. С. 8–13. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-8-13>.

Благодарности: перевод выполнен Юлией Владимировной Нестерюк.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шольц Г., 2024 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, д. 150.

© Перевод Нестерюк Ю.В., 2024 – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, исполняющий обязанности заведующей кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G. Scholtz
Ruhr Universität,
Bochum, Germany
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

ChatGPT and the elimination of humans

Abstract: artificial intelligence is increasingly providing us with amazing assistance, but at the same time, fear of its power is developing. The benefits of ChatGPT are not nearly as great as the harmful consequences of the program. Copyright is being undermined, creative achievements in the arts are becoming replaceable or are suspected of being machine products, and the same applies to achievements in schools and universities. Attempts are being made to control these consequences with new rules, but in fact humans are becoming increasingly superfluous and a dumbed-down society with highly intelligent machines is threatening.

Key words: artificial intelligence; copyright; education; creativity; stultification.

Citation: Scholtz, G. (2024), ChatGPT and the elimination of humans, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 8–13, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-8-13>.

Acknowledgments: Translated by Yuliya Vladimirovna Nesteryuk.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Scholtz G., 2024 – Emeritus Professor, Ruhr Universitaet Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesteryuk Yu.V., 2024 – Candidate degree in Philology, Associate Professor, German Philology Department, Acting Head of the German Philology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В начале XVII века Фрэнсис Бэкон заложил основы современного эмпирического естествознания, выдвинув тезис о том, что «знание – это сила». Эта форма знания есть сила, потому что она служит технологиям и освоению природы. О том, насколько это верно, свидетельствует искусственный интеллект (ИИ, англ. *Artificial Intelligence*), который сегодня рассматривается в качестве отправной точки четвертой промышленной революции.

Ф. Бэкон, к сожалению, не дополняет свой весьма верный тезис тем фактом, что также имеет место злоупотребление властью и необходим контроль и ограничения в отношении власти технологий и науки. Его утопический роман о государстве «Новая Атлантида» (*Nova Atlantis*) явно показывает, что он не принимал во внимание данных проблем. В центре его вымышленного государства находится академия, в которой создаются удивительные изобретения, однако при этом проводятся эксперименты над животными, которые сегодня становятся предметом многочисленных споров. Подобно монастырю, этот утопический исследовательский центр является закрытой территорией, и мы не получаем возможности узнать, располагает ли население островного государства сведениями о том, что именно там происходит. Так же и нам никто не сказал, над чем работали компании OpenAI и Microsoft, когда изобретали программы ChatGPT и Bing, и никто не спросил нас, нужны ли нам вообще их результаты.

Между тем еще до основания OpenAI двое очень именитых ученых выразили обеспокоенность тем, что искусственный интеллект может вытеснить человека из мира, и мы также читали об этических опасениях некоторых разработчиков новых программ (Wikipedia 2024). В настоящий момент несколько сотен экспертов подписали декларацию о том, что ИИ так же опасен, как пандемия или ядерная война (Center for AI Safety 2024). Тем не менее некоторые технокапиталисты из Кремниевой долины заявили, что безграничные и форсированные изобретения соответствуют расширяющейся Вселенной. В октябре 2023 года этот круг опубликовал «техно-оптимистический манифест», в котором его члены заявили: «мы верим в победу над природой» (Meckel, Steinacker 2014). Поскольку мы, люди, тоже являемся творением природы, вера эта весьма прискорбна.

Если вы спросите, почему этих акторов не контролируют и не сдерживают на государственном уровне, вы в конечном итоге обнаружите, что речь идет о глобальной политике. США рассматривают себя в качестве конкурирующей стороны по отношению к Китаю, поскольку в 2017 году Си Цзиньпин объявил о плане сделать свою страну ведущей державой в области ИИ на мировом рынке

(Digichina 2017). ИИ может принести огромную пользу цивилизации, например, в области медицины, управления, борьбы с преступностью, устранения экологического ущерба и, прежде всего, в экономике. Каждое государство стремится к тому, чтобы его общество получило экономическую выгоду от ИИ. И хотя компьютеры еще не повысили продуктивность экономики, сейчас, тем не менее, создаются специальные кафедры по ИИ. В связи с тем, что материалом ChatGPT является информация, а не материальные объекты, его распространение в цифровую эпоху в любом случае едва ли можно предотвратить.

По мере роста научно-технической мощи увеличиваются не только возможности извлечь пользу, но возрастают и опасности. В отличие от мании прогресса технократов из Кремниевой долины, с одной стороны, и страха перед уничтожением человечества – с другой, в более современной литературе об ИИ утверждается, что человечество может достичь гораздо более высокого уровня развития при правильном использовании новых цифровых технологий, но при этом необходимо в кратчайшие сроки установить правила с целью контроля над властью ИИ и предотвращения злоупотребления властью (Suleyman, Bhaskar 2024).

Ход исследования

В эпоху абсолютизма король, как суверен государства, обладал всей полнотой власти, а граждане подчинялись его воле. Реакцией эпохи Просвещения стало требование разделения властей, которое наиболее полно обосновал Монтескье. Это была форма контроля и ограничения власти, поскольку исполнительная власть правительства была ограничена законодательной и судебной. Ограничение власти теперь требуется и в отношении ИИ. Ибо если позволить государству использовать все возможности этой технологии без ограничений, оно получит такую власть, что сможет осуществлять полный контроль над каждым гражданином, вплоть до контроля за его частной жизнью. Однако почти столь же ужасает ситуация, при которой власть корпораций не будет ограничена. Они уже пытаются отслеживать наши интересы и создавать «профили клиентов», то есть профили личности, когда мы ищем информацию в Интернете. Еще больше данных поступает из так называемых социальных сетей, которые могут использоваться не только в коммерческих целях, но и для идеологического влияния.

Из-за возможности манипулирования сознанием и поведением новые изобретения представляют угрозу для демократии. Это относится и к ChatGPT, происхождение информации которого до сих пор не раскрывают, а ее точность не гарантируется компанией OpenAI. Система также, что доказано, распространяет ложные утверждения,

которые были введены случайно или преднамеренно. Таким образом, она усиливает распространение так называемых фейковых новостей, которые уже широко циркулируют в интернете и оказывают влияние на некоторых пользователей. Именно поэтому для работы с этой программой разрабатываются этические правила, отдельная этика ИИ. Уже законы робототехники автора научной фантастики середины XX века Айзека Азимова были такой этикой (Asimov 1952).

С этической точки зрения ввиду новой медиавласти возникает необходимость прежде всего в «прозрачности», то есть люди должны знать, кто какую информацию о них собирает и откуда берутся данные чат-ботов. Новые правила Европейского союза для чат-ботов также содержат требование прозрачности. Все производители чат-ботов должны раскрывать свои источники информации. Они также не должны распространять незаконный контент, поскольку необходимо учитывать предостережение о том, что, например, террористы могут легко получить информацию о самых эффективных ядах. У меня возникают сомнения в отношении того, будут ли крупные компании, ведущие международную деятельность, выполнять эти требования, рискуя при этом потерять большое количество пользователей. Я также не знаю, не смогли ли преступники уже заполучить желаемые знания через Интернет.

Искусственный интеллект являет собой вершину процесса рационализации современного общества, описанного Максом Вебером около 100 лет назад. Подобно тому, как наука стремится к рациональному пониманию всего сущего, все виды деятельности в этом обществе также подвергаются рациональному регулированию. Этот процесс включает в себя, прежде всего, автоматизацию, которая постепенно заменяет человеческий труд на машинный. ChatGPT был разработан и выведен на рынок одной из отраслей экономики, и эта программа может быть особенно полезна в сфере экономики, так как выполняет текстовые производственные задачи, которым часто присущ алгоритм повторения, что позволяет экономить рабочее время и затраты. Компании могут использовать ее, например, для рекламы, для консультирования клиентов, для договоров, для своих административных задач и так далее. Ее также можно использовать для исправления лингвистических ошибок в текстах. Статьи в некоторых журналах и даже целые книги и рецензии уже пишутся чат-ботом.

Для человека это сопряжено с двойной опасностью: во-первых, он может стать объектом машинного контроля, а во-вторых, потерять свою работу и признание себя в качестве свободной, творческой личности.

Если кто-то с помощью этих данных раскрывает что-то о своей личности, то такие данные в на-

шей стране защищаются законом, и никто не вправе использовать их без согласия, они подлежат политике конфиденциальности и защите данных. Это относится, например, к информации о состоянии здоровья человека, а также к его идеологическим и политическим убеждениям, которые он случайно и непреднамеренно раскрыл. Речь идет о праве на неприкосновенность личности. Оно защищает частную и интимную сферу, в том числе и фотографии граждан, что не позволяет кому бы то ни было публиковать снимки частных лиц без их согласия. ChatGPT опасен и с этой точки зрения, поскольку вся введенная информация используется и распространяется системой. Однако, как я читал, есть возможность запретить системе в целом сохранять частные данные, для этого необходимо отключить историю чата в разделе «Настройки» – «Управление данными» (Hoeren 2023). Именно поэтому повсеместно запущен процесс установления правил использования программы и ознакомления с ними.

В связи с риском нарушения прав личности Европейский союз поставил во главу угла запрет на электронное распознавание лиц и категорирование людей. Это наиболее рискованная область ИИ. Однако вряд ли удастся запретить компаниям собирать данные о соискателях и затем спрашивать у машины, какой человек лучше всего подойдет для определенной работы. В этом случае принятие решения будет передано машине. Также сомнительным представляется использование врачом ИИ для установления диагноза больного человека и предоставление машине права выносить вердикт о состоянии его здоровья и трудоспособности.

Тот факт, что интеллектуальные продукты, такие как тексты и изображения, теперь могут производиться исключительно машинным способом, приводит к еще большим трудностям. Здесь авторское право становится предметом вызова и оказывается под сомнением, поскольку ChatGPT постоянно дополняется и обучается благодаря огромным массивам информации, происхождение которой остаётся неизвестным. Если мы будем считать созданный машиной языковой продукт своим, как говорят, «украсив себя чужими перьями», то мы не только обманываем своих читателей, но и совершаем своего рода хищение. Ведь мы используем чужие формулировки и идеи и тем самым нарушаем авторское право. Для многих это право является важным основанием для принципиального отказа от чат-ботов.

В греко-римской античности авторское право еще не было известно. Однако для кражи интеллектуальной собственности использовался термин «плагиат», происходящий от латинского *plagiarius* – работорговец, похититель людей. Таким образом, выдавать чужие стихи за свои считалось амораль-

ным уже в те времена. Впрочем, в Новое время авторское право не было введено одновременно с появлением книгопечатания. Только когда люди захотели признания своего индивидуального способа самовыражения и смогли зарабатывать деньги с помощью письменных произведений, моральное требование уважать интеллектуальную собственность так же, как и материальную, и не пытаться ее украсть стало правовым обязательством. Таким образом, современный мир характеризуется не только процессом рационализации, который зачастую вытесняет отдельного человека и делает его ненужным, но и процессом индивидуализации. Эти две тенденции могут вступить в конфликт, и это без особых затруднений происходит благодаря новым медиа и технологиям.

Возникнув в XVIII веке, авторское право с тех пор превратилось в широко разветвленную и очень сложную систему, обусловленную многообразием средств массовой информации и международными связями (Dommann 2014). В целом оно получило международное признание (как и знак *copyright*), но имеют место и свои национальные особенности. Сегодня, как правило, две противоборствующие стороны борются за правовые нормы в этой области. Одни стремятся к тому, чтобы интеллектуальные продукты, которые могут быть быстро распространены через Интернет, стали на бесплатной основе максимально доступны для многих пользователей, и выступают за смягчение этого права. Другие защищают авторов, которые с помощью своих произведений хотят получить признание или заработать деньги, и требуют, чтобы защита от кражи и неправомерного использования распространялась на интеллектуальную собственность так же, как и на материальную. Самые острые конфликты возникли в сфере поп-культуры. В конце концов, мораль, послужившая основанием для критического понятия «плагиат» еще в античности, является настолько самоочевидной и сегодня, что мы поражаемся тому, как много людей уже споткнулись об этот моральный порог при написании своих диссертаций. ChatGPT может быть ловушкой, попав в которую, человек, сам того не подозревая, нарушит авторские права.

Из-за существования авторских прав компании OpenAI и Microsoft сейчас сами вовлечены в крупные судебные процессы. Эти компании обучали ChatGPT и Bing с помощью газеты «The New York Times» и большого количества другой литературы, то есть использовали тексты без разрешения. Теперь газета, союз американских писателей и многие авторы подали в суд на эти две компании за нарушение авторских прав, требуя возмещения ущерба в размере миллионов долларов. На этом фоне весьма неприятно читать, что немецкая газета «BILD» заключила следующее соглашение с OpenAI: вся газета может быть использована для

обучения чат-ботов, а с помощью новой языковой технологии будет также создаваться краткое содержание статей. Легко понять интересы обеих сторон: OpenAI получила новое обширное поле для обучения своего чат-бота, а газета «BILD» расширяет сферу своего влияния в отношении своего подчас противоречивого взгляда (на события). Один лингвист в целом выступает против ChatGPT, поскольку он способствует распространению определенных способов выражения и мышления и тем самым формирует определенные предубеждения.

В настоящее время почти все *ведомства* ищут или разрабатывают правила работы с этой системой, прежде всего речь идет об обязательных правовых нормах. Однако юридические представления и решения явно не поспевают за научно-техническим прогрессом. В то время как все новые и новые изобретения определяют работу и поведение в современном обществе, это общество также охватывается все более густой и все более сложной сетью правовых систем. Традиционные обычаи, как и правовые традиции не в состоянии справиться с новыми вызовами.

Юристы сходятся во мнении, что даже если человек написал свой текст с помощью машины, юридически он является автором текста и несет ответственность за его содержание (Hoegen 2023, Fußnote 7). Если бы это было так, то, на мой взгляд, такой текст можно было бы использовать и для сдачи академических экзаменов, и для извлечения прибыли. Однако было бы странно, что в этом случае автор не имеет авторских прав. Поскольку, согласно нашему законодательству, произведение, охраняемое авторским правом, должно быть «личным интеллектуальным творением». В этом отношении, на мой взгляд, проблема еще не решена. Предложение о том, что тексты, создаваемые машиной, должны быть снабжены соответствующей маркировкой (*символом*), также представляется мне трудновыполнимым. Кто будет это делать, если нельзя даже указать адрес, как в случае с цитатами из Интернета? Однако если тексты чат-ботов будут помечаться специальным знаком, как это было предложено, то рано или поздно другая машина, несомненно, сможет удалить эту маркировку.

Сложности с авторским правом возникают прежде всего ввиду объединения человеческой и машинной деятельности. Подобные комбинации уже существуют. Я читал, что в таких произведениях авторским правом охраняется только творческая часть работы художника или писателя. Но кому это решать? На фотоконкурсе в 2022 году победил снимок, созданный с помощью искусственного интеллекта. Фотограф сообщил о том, как проходила его работа над созданием снимка, и отказался от приза (речь идет о фотографии Бо-

риса Эльдагсена "Pseudomnesia: The Electrician"). По его словам, своей работой, сочетающей ИИ и фото, он лишь намеревался инициировать дискуссию о том, что сегодня можно считать искусством фотографии. Этот вопрос возник, однако, не только в результате появления новых программ ИИ, поскольку фотографии подвергались редактированию намного раньше.

Технические инновации часто приводили к исчезновению целых профессиональных отраслей. Изобретение механических ткацких станков в XIX веке лишило ткачей, производивших текстиль на дому, работы и заработка, поэтому они порой выражали свой протест, уничтожая станки. Теперь ChatGPT угрожает совершенно другим профессиям. Некоторые газетные издательства увольняют сотрудников, потому что их работу может выполнять машина. Поскольку искусственный интеллект может использоваться даже для создания произведений, которые раньше создавались только очень талантливыми, неординарными людьми – рассказов, стихов, киносценариев, картин, музыки и т. д., – представители творческих профессий видят в этом угрозу в отношении своих средств к существованию и также уже начали активно протестовать. Все новые произведения искусства теперь подозреваются в том, что они созданы с помощью искусственного интеллекта. Только когда актеры и музыканты представляют интерпретации старых произведений на сцене, они защищены от подозрений.

Надежда на то, что виды искусства не погибнут, потому что люди все равно более креативны, чем машины, которые могут лишь перерабатывать то, что уже существует, не кажется мне убедительной. За свою историю искусство уже породило столько форм, что в распоряжении машин достаточно материала для создания того, что еще никто не видел, не слышал и не читал. Более того, широкая публика зачастую не приветствует то, что совершенно ново и непривычно. Вероятно, некоторые поп-песни уже были созданы машинами.

Также мы иногда слышим о появлении новых сфер деятельности и возможностей заработка. Например, сейчас ищут инженеров, которые смогут правильно обслуживать и опрашивать языковые машины. Но в то же время есть опасение, что в будущем такие задачи будут выполнять программы, так что машины будут управлять сами собой.

Все это указывает на серьезнейшую опасность: исчезновение индивидуального человека по причине господства машин. Эта опасность также представляет особую угрозу для школ и университетов, задача которых состоит в воспитании конкретных, индивидуальных людей. Именно поэтому ChatGPT и в этой области стал предметом серьезных разногласий. Все согласны лишь с тем, что программу нельзя игнорировать, а необходи-

мо информировать о ее возможностях и опасностях, поскольку ИИ все в большей степени будет менять общество.

Там, где речь идет в основном о представлении фактов, которые никто не оспаривает и которые уже были опубликованы, машина может заменить и студента, и преподавателя. Первый может легко получить экзаменационную работу от ChatGPT, а второй – лекцию от ChatGPT. Это особенно справедливо по отношению к естественным наукам, а также к чисто историческим исследованиям. В науках о культуре, однако, машинные продукты могут стать предметом критики на уроках, что сейчас и происходит в некоторых школах.

То, что говорит команда профессоров о пользе ChatGPT для преподавания и исследований в университете, меня не убеждает. Любой университетский профессор, которому нужна машина для формулирования гипотез и организации учебных курсов или экзаменов, выбрал не ту профессию. Говорят, что ChatGPT может облегчить исследовательскую работу. Но это тоже представляется мне заблуждением. В то время как уже известные нам поисковые системы почти всегда предлагают несколько ответов с указанием источников, ChatGPT выдает только один ответ без указания его происхождения. Подчас ответы оказываются вольными измышлениями (*выдумками*).

Профессор кафедры преподавания математики написал, что сегодня простые арифметические действия можно было бы доверить компьютерам и сосредоточиться на более интересных математических задачах (Oldenburg 2023). Однако профессор по информатике и коммуникациям сообщает, что ChatGPT оказался неспособен умножить два четырехзначных числа. Он призывает тренировать не только новые машины, но и человеческий разум (Car 2023). Подобно тому, как при занятиях в фитнес-центре физические движения не выполняются мотором, должна тренироваться и умственная деятельность. Этот тезис кажется мне очень важным. Работу по обучению каждый должен выполнять сам, нельзя перепоручать ее машине. Если об этом будут забывать, то в результате мы получим высокоинтеллектуальные машины в полноте отупевшем обществе (Wolfangel 2017).

Заключение

Многие технические новшества способствовали возвращению к элементарным навыкам и старым изобретениям. Изобретение автомобилей и мотоциклов, казалось бы, превратило велосипед в ненужную вещь. Но поскольку двигатели загрязняют окружающую среду, а велосипеды полезны для здоровья, производство велосипедов в Европе выросло на 11,5 % в 2020/21 году. Если возникают разговоры о необходимости новых форм организации экзаменов в школах и университетах, то

ChatGPT, вероятно, приведет к тому, что устные ответы станут более значимыми, нежели письменные работы. Платон был бы рад этому, поскольку в диалоге «Федр» он выражает свое скептическое отношение к письму и книгам: они препятствуют собственному, глубокому мышлению, ухудшают память и способствуют получению лишь поверхностных знаний (Platon). Никогда еще эта опасность не была так велика, как в случае с ChatGPT. Сейчас OpenAI пытается разработать «автономного персонального ассистента», который будет делать за человека всю работу и даже планировать отпуск.

В связи с тем, что без собственного мышления человек перестает быть человеком, а чат-боты лишь выдают готовые фразы, звучит практически единодушный призыв к развитию саморефлексии и способности критического отношения к себе. Упомянутый выше специалист в области дидактики в качестве «основной задачи» будущего преподавания видит «предоставление всестороннего философского образования, позволяющего принимать участие в рациональном обсуждении норм. При этом речь должна идти не только о моральных, но и о гносеологических нормах». Автор справедливо призывает к дискуссии, ведь компьютеры с легкостью выплевывают множество уже утвержденных норм, которые впоследствии оказываются лишь фактами и не имеют никакой значимости.

Помимо поощрения студентов к самостоятельному мышлению, на университетских экзаменах, возможно, будет сделан акцент на рукописных работах и, тем самым, на тех вещах, которые человек не может передать машине и с помощью которых он проявляет свою индивидуальность. Вместе с тем возникают опасения, что умение излагать собственные мысли в деталях больше не будет практиковаться в достаточной степени. Это пагубно скажется на наших языковых навыках и на нашем мышлении. Мы используем язык для того, чтобы упорядочить свой опыт. Книги и сочинения являются неотъемлемой частью нашей культуры. Мы благодарны Платону за то, что он, несмотря на критику письменности, оставил нам свою философию в письменном виде.

Настоящая дискуссия показывает, насколько акцентируется внимание на деятельности отдельного индивида по мере того, как она все больше делегируется машинам. В англосаксонских странах представители гуманитарных наук, к которым относятся и деятели искусства, всегда выступали против возрастающего доминирования естественных наук. Сегодня программы искусственного интеллекта доступны даже для удовлетворения эмоциональных потребностей. Теперь мы можем

завести себе виртуального партнера, который машинным способом будет завораживать нас любовными стихами. Вот почему почти все участники дискуссии возвращаются к важности критического мышления, а иногда и к навыкам ручного труда, потому что починить сломанный унитаз сможет скорее сантехник, а не ИИ.

References

Wikipedia (2024), *Open AI*, [Online], available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/OpenAI> (Accessed 08 May 2024).

Center for AI Safety (2024), *Statement on AI Risk*, [Online], available at: <https://www.safe.ai/statement-on-ai-risk> (Accessed 08 May 2024).

Meckel, M. and Steinacker, L. (2014), *Alles überall auf einmal: Wie künstliche Intelligenz unsere Welt verändert und was wir dabei gewinnen können*, Hamburg.

Digichina (2017), *China's New Generation AI Development Plan*, [Online], available at: <https://digichina.stanford.edu/work/full-translation-chinas-new-generation-artificial-intelligence-development-plan-2017/> (Accessed 08 May 2024).

Suleyman, M. and Bhaskar, M. (2024), *The Coming Wave. Künstliche Intelligenz, Macht und das größte Dilemma des 21. Jahrhunderts*, München, Germany.

Asimov, I. (1952), *Ich, der Robot*, Düsseldorf, Germany.

Hoeren, T. (2023), ChatGPT und das Recht. Eine juristische Einschätzung zur Anwendung von KI-Textgeneratoren an den Hochschulen, *Forschung und Lehre*, 30. Jg., 11/23, pp. 846–848.

Dommann, M. (2014), *Autoren und Apparate. Die Geschichte des Copyrights im Medienwandel*, Frankfurt/Main, Germany.

Oldenburg, R. (2023), Künstliche und natürliche Intelligenz. Zur Gestaltung einer zukünftigen Bildung, *Forschung und Lehre*, 30, Jg. 5/23, pp. 346–347.

Cap, C.H. (2023), „Der neue Gott ist nackt!“ ChatGPT im Bildungswesen, *Forschung und Lehre*, 30, Jg. 5/23, pp. 344–345.

Wolfangel, E. (2017), *Wie weit liefern sich Menschen den Computern aus?* [Online], Badische Zeitung, Available at: <https://www.badische-zeitung.de/computer-medien-1/wie-weit-liefern-sich-menschen-den-computern-aus--133623684.html> (Accessed 08 May 2024).

Platon: *Phaidros*, 274e–275b.

Submitted: 01.06.2024

Revised: 01.09.2024

Accepted: 01.10.2024

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-14-21

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165:004.8+17.037Дата поступления: 29.05.2024
рецензирования: 03.09.2024
принятия: 25.09.2024**И.И. Кеосиди**Институт подготовки кадров Высшей
квалификации (ИПКВК),
Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск, Российская Федерация
E-mail: keosidi10@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6702-4365>

Роль человека в концепции «вычислительного Левиафана»

Аннотация: вычислительная социология – это один из подразделов социальной философии, рассматривающая социальные отношения в контексте их сравнения с компьютером. «Вычислительный Левиафан» – это концепция вычислительной социологии, проводящая аналогию между структурами социальных отношений и совокупностью органов гигантского животного, находящихся в постоянном взаимодействии. Взаимодействие заключается в обмене информацией, производстве и потреблении ресурсов и прочих взаимополезных процессах.

Как и системы организма, компоненты «вычислительного Левиафана» не могут обойтись друг без друга, находясь во взаимной зависимости. Прекращение или нарушение работы одного из компонентов незамедлительно сказывается на деятельности остальных, что, в свою очередь, приводит к фундаментальным изменениям функционирования «Левиафана» или к смерти, то есть к концу цивилизации человека.

Цель данной статьи – раскрытие роли отдельного индивида в концепции «вычислительного Левиафана».

Методы исследования: теоретические, среди которых анализ информации (исследована литература и сделаны выводы); синтез суждений и наблюдений (на основе разрозненной информации сформированы собственные суждения); аналогия и моделирование (на основе существующих исследований смоделированы гипотетические ситуации и сделаны выводы); эмпирические, среди которых сравнение, перекрестное исследование, анализ текста, метод экспертных оценок, индукция, дедукция.

Источники исследования: литература (существующие исследования в области эмерджентности, концепции «Левиафан»), наблюдение, логические рассуждения на основе литературы и эмпирических знаний.

Научная новизна: уточнена роль отдельного человека в концепции «вычислительного Левиафана».

Ключевые слова: вычислительный Левиафан; информационное общество; социальные процессы; алгоритм; алгоритмизация общества; искусственный интеллект.

Цитирование: Кеосиди И.И. Роль человека в концепции «вычислительного Левиафана» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 14–21. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-14-21>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кеосиди И.И., 2024 – аспирант философского факультета, Институт подготовки кадров Высшей квалификации (ИПКВК), Пятигорский Государственный Университет, 357532, Российская Федерация, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.I. Keosidi Institute for Training of Higher Qualifications,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russian Federation
E-mail: keosidi10@gmail.com,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6702-4365>

Human role in the concept of "computational Leviathan"

Abstract: computational sociology is a subfield of social philosophy that views social relations in the context of comparing them to a computer. "Computational Leviathan" is a concept of computational sociology that draws an analogy between society and social relations and a set of organs of a giant animal in constant

interaction. The interaction consists of information exchange, production and consumption of resources, and other mutually beneficial processes.

Like organs in an organism, the components of the “computational Leviathan” cannot do without each other, being in mutual dependence. The cessation or disruption of one of the components immediately affects the activity of the others, which, in turn, leads to fundamental changes in the functioning of the “Leviathan” or to death, i.e. to the end of human civilization.

The purpose of this article is to reveal the role of the individual in the concept of “computational Leviathan.”

Research methods: theoretical: information analysis, synthesis of judgments and observations, analogy; modeling; empirical: comparison, cross-sectional study, text analysis, method of expert evaluations.

Sources of research: literature, observation, experience, logical reasoning.

Scientific novelty: the role of an individual in the concept of “computational Leviathan” has been clarified.

Key words: computational Leviathan; information society; social processes; algorithm; algorithmization of society; artificial intelligence; neural network.

Citation: Keosidi, I.I. (2024), Human role in the concept of "computational Leviathan", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 14–21, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-14-21>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Keosidi I.I., 2024 – PhD student, Institute for Training of Higher Qualifications, Pyatigorsk State University, 9, Kalinina prospect, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation.

Введение

Сравнение общества с Левиафаном впервые было предложено Т. Гоббсом в книге «Левиафан» (Томас Гоббс 2016) в XVII в. Компьютеров еще не существовало, однако некоторые исследователи уже тогда воспринимали общество как комплекс взаимозависимых элементов. Позднее, не обязательно употребляя термин «Левиафан», эти идеи развивались в работах других исследователей: Н. Луман (Луман 2011, с. 397), Н. Чейтер (Chater 2022), М. Вебер (Вебер 2021), Э. Дюркгейм (Дюркгейм 1996), С. Хаммонд (Hammond 2023). Объединяет труды вышеперечисленных исследователей то, что они указывали на социальное взаимодействие, структурированность, взаимозависимость, а также на коллективное поведение.

В 1977 г. было проведено исследование (McCroskey 1977), показывающее прямую зависимость между любовью к устной коммуникации и самооценкой. Однако объяснение причинно-следственной связи найдено не было. В 2012 г. математически-алгоритмическая модель, названная в честь исследуемой концепции, «Левиафан» позволила найти научное обоснование данного факта, сформировав простейший закон получения неоднородной вероятности, что в очередной раз подтвердило взаимозависимость элементов общества (Deffuant, Carletti, Huet 2023).

Модель «Левиафан» представляет собой агентно-ориентированную модель, которая используется для анализа динамики социальных систем. В этой модели агенты представляют индивидуумов в обществе, которые могут взаимодействовать друг с другом и изменять свое поведение на основе определенных правил. Ключевой концепцией модели «Левиафан» является идея «преследования цели». Агенты в модели стремятся достичь

определенной цели, которая может быть связана с принятием решений, соблюдением правил или другими аспектами поведения. В процессе взаимодействия агенты могут изменять свои цели и стратегии, что приводит к эволюции системы во времени. Модель «Левиафан» позволяет исследовать различные аспекты социальных систем, такие как формирование групповых динамик, эффекты массовой психологии и распространение информации. Она также может использоваться для изучения эффектов социального влияния и динамики общественных движений.

«Левиафан» представляет собой модель динамики мнений, которая находит зависимость между уровнем тщеславия и стремлением к распространению собственного мнения. Для анализа используются случайно выбранные пары. Во время взаимодействия агенты распространяют свое мнение о себе и о других людях, которых они знают. Было обнаружено, что каждый индивид подвержен тщеславию: если кажется, что собеседник ценит его высоко, то он, в свою очередь, повышает свое мнение об этом собеседнике. И напротив, люди были склонны думать более негативно о тех, кто, как им кажется, их недооценивает. Данный вывод был сделан с помощью математической модели «Левиафан», однако стоит отметить, что и Т. Гоббс в своей книге пишет «...людям не доставляет удовольствия (а наоборот, доставляет много огорчений) находиться в компании, где нет силы, способной их всех усмирить. Ибо каждый человек стремится к тому, чтобы его собеседник ценил бы его так же, как он ценит себя, и на все признаки пренебрежения или недооценки, естественно, старается, насколько осмеливается, выторговать у своих собеседников высшую оценку» (Hobbes 1996).

Сочетание этой динамики с гипотезой о том, что распространение мнения более эффективно, когда оно исходит от индивидов, имеющих высокую репутацию, приводит к различным закономерностям при изменении параметров. Например, положительные связи между индивидами порождают сеть малого мира. Абсолютное доминирование одного агента чередуется с состоянием всеобщего недоверия, когда все остальные агенты имеют очень низкое мнение обо всех остальных, включая себя.

Таким образом, и теоретическая концепция «вычислительный Левиафан», и современные математические модели показывают, что между субъектами общества, регулярно взаимодействующими напрямую, существует взаимная зависимость.

Ход исследования

Кем является отдельный индивид в концепции «вычислительного Левиафана»?

Социальные системы похожи на вычислительные машины, которые, благодаря заложенным в них программам, могут обрабатывать информацию и принимать решения. С. Хаммонд создаёт сценарии возможного будущего, которые могут наступить при определённом характере развития искусственного интеллекта. В данном контексте уместно упоминание «эффекта бабочки», где изменение поведения одного субъекта общества оказывает влияние на жизнь всего общества. В настоящее время применение концепции «вычислительного Левиафана» в управлении социальными процессами наиболее часто проявляется в анализе, прогнозировании, принятии решений, оптимизации ресурсов.

Коллективная динамика (Hedström, Bearman 2011), являясь неотъемлемой частью концепции «вычислительного Левиафана», представляет собой подход к анализу и пониманию динамики взаимодействия и коммуникации в коллективе, основанный на идее о том, что группа людей обладает собственным направлением движения и специфическими закономерностями функционирования. Согласно концепции Хэдстрёма, коллективная динамика определяется взаимодействием между индивидами в группе, их взаимозависимостью, коммуникацией, конфликтами, а также общими целями и ценностями. Ключевыми понятиями в рамках этой концепции являются «коллективное неосознанное» (collective unconscious) и «коллективное сознание» (collective consciousness). «Коллективное неосознанное» представляет собой набор произвольных процессов, стереотипов поведения, предпочтений и установок, которые формируются в результате взаимодействия членов группы. «Коллективное сознание» отражает об-

щие ценности, мотивации и цели, которые объединяют участников коллектива (Hedström, Bearman 2011).

Для качественного понимания концепции коллективной динамики Хэдстрём описывает ключевые составляющие понятия «механизм» (Hedström, Bearman 2011):

1. Механизм является целенаправленным и может быть определён в соответствии с эффектом, который он производит.

2. Механизм – это понятие, неразрывно связанное с контекстом процесса, в котором он существует.

3. Внутри механизма всегда имеется структура, даже если она не видима пользователю.

4. Механизм имеет иерархию. Для существования механизма, использующего в своей работе некоторые сущности или понятия, должны существовать механизмы предшествующего уровня, описывающие эти сущности или понятия. Например, алгоритм Евклида для выявления простых чисел опирается на свойства делимости чисел, используя их как данность. В свою очередь, свойства делимости описываются другими теоремами. Аналогичные рассуждения применимы и для социальных процессов: коллектив участников дорожного движения по умолчанию распознаёт красный сигнал светофора как запрещающий, и каждый участник движения ждёт такого же поведения от всех остальных участников.

5. Как следствие, механизмы могут быть объединены для создания механизма следующего уровня.

Хэдстрём использует понятие «атомарные» (atomic) механизмы для описания простейших механизмов, которые не могут быть разложены на более простые.

Концепция «вычислительного Левиафана» утверждает, что современное общество функционирует как огромная система, подобная механизму, в которой каждый индивидуум играет определённую функциональную роль. Человек в этой концепции, мы полагаем, воспринимается как узел в социальной сети, выполняющий определённые функции и роли в рамках общественных отношений. Он является частью системы, которая функционирует благодаря взаимодействию множества индивидуальных элементов.

Человек является частью механизма, его атомизируемой частицей. В более широком смысле человек, безусловно, не является простейшим механизмом, поскольку каждый человек может быть исследован, например, с точки зрения потребностей, мотивации, стремлений. Однако в контексте социального анализа в концепции «вычислительного Левиафана» человек – это простейшее звено социальной структуры. Таким образом, роль человека в концепции «вычислительного Левиафана»

заключается в его участии в формировании и поддержании социальных структур, обеспечивающих стабильное функционирование общества как единого механизма.

Проблема эмерджентности

Эмерджентность – это способ возникновения сложных систем и моделей из множества относительно простых взаимодействий (Obolensky 2010). Для более полного раскрытия сущности эмерджентности укажем характеристики сложных систем (Goldstein 1999).

Для организации и выживания сложной системы необходимо поступление энергии. Такое взаимодействие затрудняет определение границы сложной системы. Как следствие, границы системы обычно определяются целью описания системы и позицией наблюдателя и задаются вручную. Этот процесс называют фреймингом или фреймированием (frame – рамка с англ.).

Поскольку сложные системы изменяются со временем, они обладают историей. Прошлые события и действия системы влияют на её сегодняшнее поведение. Любой анализ сложной системы, основанный на статических данных за конкретный заданный период, является неполным и представляет собой лишь «снимок» диахронического процесса.

Эмерджентность возникает благодаря динамическому взаимодействию компонентов системы (Cilliers и др. 2013).

Социальная структура неоднородна, и возникает необходимость ответить на вопрос: «Как меняется роль человека в социальной структуре в зависимости от степени эмерджентности этой структуры?». Как следствие, необходимо определить степень эмерджентности, то есть измерить её.

Рассмотрим подробнее концепцию социальных механизмов.

В некоторых своих публикациях 1970-х годов Р. Будон доказывал важность «генеративных моделей» для объяснения социальных результатов (Boudon 1979) и использовал для этого компьютерные симуляции (Boudon 1974). Будон отмечал, что объяснения работы механизмов достигаются не простым оцениванием параметров общих статистических моделей, а путем разработки генеративных моделей, которые эксплицируют работу механизмов, то есть раскладывают их на более простые механизмы до того уровня, когда они становятся понятны пользователю.

Рассказ Мертона (Merton 1968, p. 473) о самоисполняющихся пророчествах представляет собой наглядный пример социального механизма. Заведомо ложное утверждение влечёт за собой коллективное поведение, приводящее к реализации ложного убеждения. Мертон формулирует это в так называемой теореме Томаса: «Если люди опре-

деляют ситуации как реальные, то и последствия будут реальными» (Merton 1968, p. 475). Мертон показывает, как эндогенный и самоусиливающийся процесс может привести к коллективному результату, который не был запланирован всеми. Каноническим примером, который он использует, является арест банка. Как только появляется слух о неплатежеспособности, некоторые вкладчики, скорее всего, заберут свои сбережения. Их изъятие укрепляет веру других в то, что банк испытывает финансовые трудности. Это приводит к еще большему количеству снятий, что еще больше укрепляет веру, и этот процесс результируется в том, что банк от недостатка оборотных средств действительно становится неплатежеспособным.

Социальные механизмы, лежащие в основе концепции «коллективной динамики», которая, в свою очередь, присутствует в концепции «вычислительного Левиафана», порождают феномен эмерджентности, эффект, при котором совокупность компонентов, работающих вместе, является большей величиной, чем их сумма. Это выражается в коллективном поведении, коллективной самокоррекции, коллективном познании, результаты которого зачастую превосходят результаты отдельных личностей, составляющих этот коллектив (Nau, McCardle 1991).

Эмерджентность в социальных процессах относится к явлению, когда сложные системы или структуры возникают из простых элементов или взаимодействий. Новые свойства, структуры или поведенческие паттерны могут возникать на уровне общества или группы людей, которые не могут быть объяснены только суммой индивидуальных действий. Концепция эмерджентности используется для объяснения возникновения новых социальных норм, ценностей или институтов, которые не могут быть сведены к действиям отдельных индивидов.

Мы полагаем, что в контексте социальных отношений разница между суммой компонентов и их совместной деятельностью достигается за счёт приращения, вызванного взаимодействием, коллаборацией:

$$\sum_1^n r > r_1 + r_2 + \dots + r_n, \text{ или}$$

$$\sum_1^n r = r_1 + r_2 + \dots + r_n + X,$$

где r_1 – разум каждого отдельного члена общества, X – совокупность всех взаимосвязей между членами общества.

Перевод рационального объяснения эмерджентности в формальный язык позволяет приблизиться к задаче измерения степени эмерджентности. Современные учёные, изучающие проблему измерения степени эмерджентности:

– Стивен Джонсон изучает эмерджентные свойства сложных систем (Johnson 2004). Он объ-

ясняет, как сложные системы могут возникать из простых элементов и взаимодействий между ними. Джонсон рассматривает различные примеры таких систем, включая поведение муравьев, функционирование мозга, развитие городов и программное обеспечение.

– Дж. Х. Клиппингер, сооснователь BioFarm Labs, исследует эмерджентные свойства цифровых технологий и социальных сетей в контексте взаимосвязи науки и природы (Holt 2023). Его взгляды заключаются в том, что цифровые технологии и интернет могут способствовать возникновению новых форм организации и взаимодействия, которые обладают эмерджентными свойствами. Клиппингер считает, что благодаря цифровым технологиям люди могут создавать децентрализованные системы, в которых участники могут взаимодействовать напрямую друг с другом, минуя посредников. Это может привести к возникновению новых форм социальной организации, экономических моделей и политических структур.

– Майкл Мейсен (Supasitthumrong и др. 2024) работает в области биологии и изучает эмерджентные свойства поведения животных и эволюции. Мейсен считает, что эмерджентные свойства поведения животных могут играть ключевую роль в эволюции видов. Он исследует, как различные формы поведения животных могут возникать в результате сложных взаимодействий между генетическими, нейрофизиологическими и окружающими условиями. Это может приводить к появлению новых стратегий выживания, социальных структур и адаптаций, которые способствуют успешной адаптации к изменяющейся среде.

– Э. Фулмер (Fulmer, Ostroff 2016) исследует эмерджентные свойства социальных сетей и процессов в организациях. Его мнение об эмерджентности связано с идеей о том, что сложные системы, такие как социальные сети и организации, могут проявлять новые и неожиданные свойства, которые возникают в результате взаимодействия их элементов. Фулмер считает, что эмерджентные свойства социальных сетей и процессов в организациях могут играть важную роль в их развитии и успехе. Он исследует, как различные факторы, такие как коммуникация, взаимодействие между сотрудниками, структура организации и культура компании, могут приводить к появлению новых форм поведения, стратегий и инноваций.

– Г. Фиоретти (Fioretti 2016) занимается исследованиями в области социальной сетевой динамики и эмерджентности взаимосвязей между людьми. Он рассматривает эмерджентность как ключевой аспект в изучении социальных сетей и процессов. Фиоретти считает, что сложные социальные системы могут проявлять новые свойства и качества, которые не могут быть объяснены или предсказаны на уровне отдельных элементов

системы. Он считает, что взаимодействие между людьми в рамках социальных сетей может приводить к появлению новых структур, поведения и явлений, которые возникают спонтанно и не могут быть предсказаны заранее.

Наиболее используемые методы измерения степени эмерджентности в настоящее время (Agent-Based Simulation of Organizational Behavior: New Frontiers of Social Science Research 2016):

1. Сетевой анализ: анализ сетей, связей между участниками или элементами социального процесса может помочь определить степень эмерджентности. Например, изучение изменения связей в сети со временем позволяет оценить, как новые связи воздействуют на процесс взаимодействия.

2. Качественные исследования: проведение интервью, фокус-групп, наблюдений и других качественных методов исследования может помочь выявить эмерджентные аспекты социальных процессов, которые не всегда можно измерить количественно.

3. Анализ данных: использование статистических методов для анализа данных о социальных процессах, например, временных рядов.

4. Экспертные оценки.

Можно заключить, что степень эмерджентности может быть разной. Как следствие, взаимодействие и взаимозависимость людей в социальных структурах может иметь различную степень. В этом и заключается одна из задач, стоящих перед исследователями эмерджентности – научиться оценивать её силу и, как следствие, увеличивать точность прогнозирования моделей, описывающих социальные процессы.

Человек как генератор данных

Центральное предположение когнитивной науки заключается в том, что мозг – это система обработки информации: познание – это вычисления. Так как в концепции «вычислительного Левиафана» общество представляется в виде гигантской вычислительной системы, каждый компонент общества представляет собой динамичный набор данных. Каждый такой набор данных постоянно пополняется, изменяется, часть данных может стираться, чтобы освободить место для новой информации или в силу ненужности. В концепции «вычислительного Левиафана» человек рассматривается как генератор данных, который постоянно создает информацию о себе, своих предпочтениях, действиях и взаимодействиях с окружающим миром. Эти данные собираются и анализируются цифровыми платформами, такими как социальные сети, интернет-магазины, мобильные приложения и другие сервисы, чтобы создать детальный профиль и предсказать поведение человека. Полученные данные используют алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта для анализа огром-

ных объемов данных, собранных о человеке, и предсказания его дальнейших действий. Эти прогнозы могут быть использованы для персонализации рекламы, рекомендаций продуктов, предложений услуг и других аспектов взаимодействия с человеком. Человек в концепции «вычислительного Левиафана» становится частью цифрового следа, который он оставляет в интернете и других цифровых платформах. Этот след используется для создания цифрового двойника человека, который может быть использован для управления его поведением и принятия решений.

Минимальная, но крайне важная форма распределенных вычислений – это распределение через социальное взаимодействие двух или более людей (Chater 2022). Когнитивная наука все чаще рассматривает социальное взаимодействие, включая общение, как совместный вычислительный процесс, в котором люди генерируют общие убеждения, планы и интерпретации для координации своих мыслей и поведения. Эти совместные ментальные состояния являются открытыми и очень гибкими, будь то разговор, импровизированный партнерский танец, совместное приготовление пищи или совместное создание научной теории. Участие в таком совместном понимании, планах и действиях также представляет огромные вычислительные проблемы для каждого отдельного агента, особенно при вычислении того, что является или не является общим для агентов, и координации мыслей и поведения путем рассуждений об этом общем. Один из подходов заключается в том, чтобы рассматривать участников подобных взаимодействий как агентов, совместно заключающих сиюминутные соглашения или пакты (Brennan, Clark 1996), которые регулируют совместное поведение в течение коротких периодов времени, но которые затем могут укорениться с течением времени. Человек может влиять на формирование социальных норм через свои действия, высказывания, убеждения и участие в различных сообществах. Информация, которую он генерирует, может быть важным элементом в этом процессе, поскольку она может влиять на мнения других людей и формировать их представления о различных аспектах жизни. Одним из примеров вышеописанного воздействия члена общества на саму суть управления обществом может служить развитие любого языка. Импровизированная коммуникация и грамматикализация на протяжении многих поколений, по мнению Н. Чейтера и М. Кристиансена, объясняют сложную смесь порядка и беспорядка, возникающую в человеческом языке, без постулирования врожденной универсальной грамматики (Christiansen, Chater 2022).

Другим примером может являться результат недавнего исследования в области обучения нейросети английскому языку. Было обнаружено (Hern

2024), что стиль текстов на английском языке, генерируемых нейросетью, отличается от типичных стилей, используемых в США и Великобритании. Это произошло в результате обучения искусственного интеллекта с помощью носителей языка из стран Африки. Широкое распространение нейросетей способствует распространению «африканского» английского. Если на предыдущих этапах развития человечества культура, скорее, распространялась «изнутри» – с помощью колонизации, завоеваний, расширения территорий стран, то данный пример показывает распространение культуры «извне» – путём проникновения с помощью средств создания массовой информации. Это доказывает значение степени эмерджентности – взаимозависимости американских граждан и граждан африканских стран в XXI в. выше, чем, например, в XIX в.

Таким образом, каждый человек является единицей, не только генерирующей набор данных для последующей централизованной обработки, но и участвующей в создании правил взаимодействия и, как следствие, методов обработки информации, производимой им и другими членами общества.

Заключение

В результате проведенного исследования мы можем заключить, что человек в концепции «вычислительного Левиафана» играет следующую роль в социальной структуре:

1. Участвует в формировании и поддержании социальных структур, обеспечивающих стабильное функционирование общества как единого механизма.
2. В зависимости от степени эмерджентности той социальной группы, в которой он осуществляет деятельность в конкретный момент, человек в разной степени влияет на направление и характер действий всей социальной группы в настоящем и будущем.
3. Являясь источником генерации данных для анализа, человек в то же время формирует социальные нормы и связи, что, в свою очередь, и составляет основу общества.

Таким образом, человек как неделимая атомарная частица общества является источником его постоянного развития.

Библиографический список

- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: АСТ, 2021. 352 с.
- Гоббс Т. Левиафан. Москва: РИПОЛ классик, 2016. 670 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва: АСТ, 1996. 432 с.
- Луман Н. Общество общества. Дифференциация. Самоописание. Москва: Логос, 2011. 640 с.

Boudon, R. (1974), *Education, opportunity, and social inequality: changing prospects in Western society*, Wiley, New York, USA.

Boudon, R. (1979), Generating Models as a Research Strategy, Merton, R.K. Coleman, J.S. & Rossi, P.H. (Eds.), *Qualitative and Quantitative Social Research: Papers in Honor of Paul F. Lazarsfeld*, The Free Press, pp. 51–64.

Brennan, S.E. and Clark, H.H. (1996), Conceptual pacts and lexical choice in conversation, *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cog.*, vol. 22, no. 6, pp. 1482–1493.

Chater, N. (2022), The computational society, *Trends Cogn. Sci.*, vol. 26, no. 12, pp. 1015–1017.

Christiansen, M.H. and Chater, N. (2022), *The language game: how improvisation created language and changed the world*, Basic Books, New York, USA.

Cilliers, P. (2013), Complexity, Modeling, and Natural Resource Management, *Ecol. Soc.*, vol. 18, no. 3, pp. art 1.

Deffuant, G., Carletti, T., Huet, S. (2023), *The Leviathan Model: Absolute Dominance, Generalised Distrust, Small Worlds and Other Patterns Emerging from Combining Vanity with Opinion Propagation*, pp. 37.

Fioretti, G. (2016), Emergent Organizations, *Agent-Based Simulation of Organizational Behavior*, Secchi, D., Neumann, M. (ed.), Springer International Publishing, Cham, pp. 19–41.

Fulmer, C.A. and Ostroff, C. (2016), Convergence and emergence in organizations: An integrative framework and review, *J. Organ. Behav.*, vol. 37, no. S1.

Goldstein, J. (1999), Emergence as a Construct: History and Issues, *Emergence*, vol. 1, no. 1, pp. 49–72.

Hammond, S. *AI and Leviathan: Part I*, [Online], available at: <https://www.secondbest.ca/p/ai-and-leviathan-part-i> (Accessed 27 December 2023).

Hedström, P. and Bearman, P. (2011), What is Analytical Sociology All About? An Introductory Essay, *The Oxford Handbook of Analytical Sociology*, Bearman, P., Hedström, P. (ed.), Oxford University Press, Oxford, UK.

Hern, A. (2024), *TechScape: How cheap, outsourced labour in Africa is shaping AI English*, [Online], available at: <https://www.theguardian.com/technology/2024/apr/16/techscape-ai-gadgest-humane-ai-pin-chatgpt>.

Hobbes, T. (1996), *Hobbes: Leviathan: Revised student edition*, Tuck, R. (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Holt, D., *The Shift Toward Natural AI: Dr. John Henry Clippinger on Active Inference and the Future of AI*, [Online], available at: <https://medium.com/aimonks/the-shift-toward-natural-ai-dr-john-henry-clippinger-on-active-inference-and-the-future-of-ai-e364a225f006> (Accessed 01 April 2024).

Johnson, S. (2004), *Emergence: the connected lives of ants, brains, cities and software*, Scribner, New York, USA.

McCroskey, J.C. (1977), Oral communication apprehension: a summary of recent theory and research, *Hum. Commun. Res.*, vol. 4, no. 1, pp. 78–96.

Merton, R. (1968), *Social Theory and Social Structure*, Free Press, Enlarged Edition.

Nau, R.F. and McCardle, K.F. (1991), Arbitrage, rationality, and equilibrium, *Theory Decis.*, vol. 31, no. 2–3, pp. 199–240.

Obolensky, N. (2010), *Complex adaptive leadership: embracing paradox and uncertainty*, Farnham, England, UK; Gower, Burlington, USA.

Supasitthumrong, T. (2024), Predictors of increased affective symptoms and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic: results from a large-scale study of 14 271 Thai adults, *BMJ Ment. Health*, vol. 27, no. 1, pp. e300982.

Agent-Based Simulation of Organizational Behavior: New Frontiers of Social Science Research, Secchi, D., Neumann, M. (ed.), Springer International Publishing, Cham, UK.

References

Veber, M. (2021), *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, AST, Moscow, Russia.

Hobbes, T. (2016), *Leviathan*, RIPOL classic, Moscow, Russia.

Durkeim, E. (1996), *The Division of Labor in Society*, AST, Moscow, Russia.

Luhmann, N. (2011), *The society of the society. Differentiation. Autography*, Logos, Moscow, Russia.

Boudon, R. (1974), *Education, opportunity, and social inequality: changing prospects in Western society*, Wiley, New York, USA.

Boudon, R. (1979), Generating Models as a Research Strategy, Merton, R.K. Coleman, J.S. & Rossi, P.H. (Eds.), *Qualitative and Quantitative Social Research: Papers in Honor of Paul F. Lazarsfeld*, The Free Press, pp. 51–64.

Brennan, S.E. and Clark, H.H. (1996), Conceptual pacts and lexical choice in conversation, *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cog.*, vol. 22, no. 6, pp. 1482–1493.

Chater, N. (2022), The computational society, *Trends Cogn. Sci.*, vol. 26, no. 12, pp. 1015–1017.

Christiansen, M.H. and Chater, N. (2022), *The language game: how improvisation created language and changed the world*, Basic Books, New York, USA.

Cilliers, P. (2013), Complexity, Modeling, and Natural Resource Management, *Ecol. Soc.*, vol. 18, no. 3, pp. art 1.

Deffuant, G., Carletti, T., Huet, S. (2023), *The Leviathan Model: Absolute Dominance, Generalised Distrust, Small Worlds and Other Patterns Emerging from Combining Vanity with Opinion Propagation*, pp. 37.

Fioretti, G. (2016), Emergent Organizations, *Agent-Based Simulation of Organizational Behavior*,

Secchi, D., Neumann, M. (ed.), Springer International Publishing, Cham, pp. 19–41.

Fulmer, C.A. and Ostroff, C. (2016), Convergence and emergence in organizations: An integrative framework and review, *J. Organ. Behav.*, vol. 37, no. S1.

Goldstein, J. (1999), Emergence as a Construct: History and Issues, *Emergence*, vol. 1, no. 1, pp. 49–72.

Hammond, S. *AI and Leviathan: Part I*, [Online], available at: <https://www.secondbest.ca/p/ai-and-leviathan-part-i> (Accessed 27 December 2023).

Hedström, P. and Bearman, P. (2011), What is Analytical Sociology All About? An Introductory Essay, *The Oxford Handbook of Analytical Sociology*, Bearman, P., Hedström, P. (ed.), Oxford University Press, Oxford, UK.

Hern, A. (2024), *TechScape: How cheap, outsourced labour in Africa is shaping AI English*, [Online], available at: <https://www.theguardian.com/technology/2024/apr/16/techscape-ai-gadgest-humane-ai-pin-chatgpt>.

Hobbes, T. (1996), *Hobbes: Leviathan: Revised student edition*, Tuck, R. (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Holt, D., *The Shift Toward Natural AI: Dr. John Henry Clippinger on Active Inference and the Future of AI*, [Online], available at: <https://medium.com/aimonks/the-shift-toward-natural-ai-dr-john-henry-clippinger-on-active-inference-and-the-future-of-ai-e364a225f006> (Accessed 01 April 2024).

Johnson, S. (2004), *Emergence: the connected lives of ants, brains, cities and software*, Scribner, New York, USA.

McCroskey, J.C. (1977), Oral communication apprehension: a summary of recent theory and research, *Hum. Commun. Res.*, vol. 4, no. 1, pp. 78–96.

Merton, R. (1968), *Social Theory and Social Structure*, Free Press, Enlarged Edition.

Nau, R.F. and McCardle, K.F. (1991), Arbitrage, rationality, and equilibrium, *Theory Decis.*, vol. 31, no. 2–3, pp. 199–240.

Obolensky, N. (2010), *Complex adaptive leadership: embracing paradox and uncertainty*, Farnham, England, UK; Gower, Burlington, USA.

Supasitthumrong, T. (2024), Predictors of increased affective symptoms and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic: results from a large-scale study of 14 271 Thai adults, *BMJ Ment. Health*, vol. 27, no. 1, pp. e300982.

Agent-Based Simulation of Organizational Behavior: New Frontiers of Social Science Research, Secchi, D., Neumann, M. (ed.), Springer International Publishing, Cham, UK.

Submitted: 29.05.2024

Revised: 03.09.2024

Accepted: 25.09.2024

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-22-30

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165+115

Дата поступления: 07.06.2024
рецензирования: 29.08.2024
принятия: 29.09.2024

С.М. Кускова

Московский институт психоанализа,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: adiafora@tut.byORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6511-1874>

Проблема познания будущих явлений

Аннотация: статья посвящена проблеме эпистемологических условий познания будущих явлений.

Проблема в том, что познаваемые аспекты информации опираются на эволюционные механизмы адаптации организма, которые у людей редуцированы, и на рациональные принципы человеческого познания, которые смешиваются с иррациональными пророчествами. Пути решения – отграничение эвристических возможностей теории от эмпирических догадок и рассмотрение структур теоретического познания, обрабатывающих информацию о том, что будет и чего не будет.

Цель работы – обнаружение умственного акта, направленного на будущее, не сводимого к экстраполяции прошлого и к варьированию альтернатив. Расщепляются условия возможности знания о данности будущего как модуса времени и представления о конкретном событии в будущем.

Гипотеза – познание будущего основано на мышлении о возможных и необходимых отношениях объекта к целостной системе, включающей субъекта.

Отношение ума к будущему не есть когнитивный акт как получение информации, источник которой проблематичен. Это не животное предвидение, не прорицание, не планирование. Познание понимается не как отображение объективных свойств явления, а как его конструирование по правилам организации сознания. В общем виде будущее непознаваемо, но есть типы явлений и отличные от каузальной концепции познания, оправдывающие информацию о будущем. Знание о предрасположенностях ситуации, включающей объект, носит опережающий характер. Предмет предсказания есть не только истина о будущем, но и суждение о том, чего точно не будет. Это экономит мышление, сужая область возможных альтернатив. Элементарные акты осознания того, что событие еще не происходит, исследованы феноменологией буддизма. Они направлены на стадии одного процесса. Заключение от наполнения одного интервала времени к наполнению другого интервала времени основано на теоретических конструкциях, не имеющих пространственно-временных характеристик. Информация о будущем ограничена теоретическим знанием целостной ситуации и свойствами объекта, возникающими вследствие его включения в эту ситуацию.

Ключевые слова: будущее; предвидение; предсказание; опережающее отражение; теоретическое знание; эволюционная эпистемология; условия возможности явлений.

Цитирование: Кускова С.М. Проблема познания будущих явлений // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 22–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-22-30>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кускова С.М., 2024 – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института психоанализа, 121170, Российская Федерация, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.M. Kuskova

Moscow Institute of Psychoanalysis,

Moscow, Russian Federation

E-mail: adiafora@tut.byORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6511-1874>

The problem of knowing future phenomena

Abstract: the paper is devoted to the problem of epistemic conditions of cognition of future phenomena.

The problem is that the cognizable aspects of information are based on the evolutionary mechanisms of adaptation of the body, which are reduced in humans, and on the rational principles of human cognition,

which are mixed with irrational prophecies. The solution is to separate the heuristic possibilities of theory from empirical guesses and consider the structures of theoretical knowledge that process information about possible and impossible facts.

The aim of the paper is to discover a mental act directed at the future, which cannot be reduced to extrapolating the past and varying alternatives. The conditions of the possibility of knowing about the reality of the future as a mode of time, and the idea of a specific event in the future are split.

The following hypothesis is considered: cognition of the future is based on thinking about the possible and necessary relations of an object to an integral system including a subject.

The attitude of the mind towards the future is not a cognitive act like receiving information, the source of which is problematic. This is not animal foresight, not divination, not planning. Cognition is understood not as a perception of the objective properties of a phenomenon, but as its construction according to the rules of the organization of consciousness. In general, the future is not knowable, but there are types of phenomena other than the causal concept of cognition that justify information about the future. Theoretical knowledge of the predispositions of a situation involving an object is proactive. The subject of prediction is not only the truth about the future, but also a judgment about what exactly will not happen. This limitation narrows the scope of possible alternatives. The elementary acts of realizing that an event is not yet happening have been investigated by the phenomenology of Buddhism. They are directed at the stages of the same process. The conclusion from content of one temporal interval to content of another interval is based on theoretical constructions that do not have spatiotemporal characteristics. Information about the future is limited by theoretical knowledge of the holistic situation and the properties of the object that arise as a result of its inclusion in this situation.

Key words: future; foresight; prediction; anticipatory reflection; theoretical knowledge; evolutionary epistemology; terms of the possibility of phenomena.

Citation: Kuskova, S.M. (2024), The problem of knowing future phenomena, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 22–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-22-30>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Kuskova S.M., 2024** – PhD, Moscow Institute of Psychoanalysis, 34, building 14, Kutuzovsky prospect, Moscow, 121170, Russian Federation.

Введение

Интерес к будущему продиктован не только прагматическим стремлением человека улучшить свою жизнь и избежать опасностей, но и необходимостью уточнить, что именно можно знать о будущем и чем характеризуется человеческое знание будущего. Где проходит граница между научным предвидением и иррациональным прорицанием, предвосхищением и планированием, предположением и достоверным суждением о будущем?

Цель настоящей работы – выявить условия возможности и границы нашего знания будущего. Для этого выделяются эволюционные предпосылки целесообразного поведения живых систем, трансцендентальные структуры познавательной деятельности, обеспечивающие адекватность информации о будущем, требования к её научному характеру, а также специфика актов ума, направленных на те или иные аспекты будущих феноменов.

1. Психофизиологические предпосылки предвидения

Рассмотрим вклад эволюции опережающего отражения, присущего животным, в развитие наших способов предвидения. Поведение животного детерминировано не только предшествующими воздействиями на него, но и результатом его

активности. Например, птица вьет гнездо, белка прячет орехи на зиму. Эта схема поведения не является результатом индивидуального опыта, но для вида она типична и сформировалась повторением ситуаций в прошлом. П.К. Анохин показал, что поведенческий акт определяется его результатом на основе наблюдения активации нейронных структур мозга животного, которая однозначно не зависит только от стимула, но главным образом зависит от потребного результата. «В тех случаях, когда один и тот же по физическим параметрам стимул "запускает" разные поведенческие акты (например, пищедобывательный или оборонительный), разными в этих актах оказываются не только характеристики активности нейронов, но даже и сам набор вовлеченных клеток, в том числе и в "специфических" по отношению к стимулу областях мозга (например, в зрительной коре при предъявлении зрительного стимула)» (Александров 2003, с. 46).

Организм содержит предварительное знание о потенциально значимых аспектах ситуации, развивается путем проб и ошибок. Развитие органа чувств предшествует опытным данным и воплощает предварительное знание о возможных ситуациях, фиксируемых органами чувств. Живые системы развивались, приспособляясь к воздействиям пространственно-временного континуума, соединяющего значимые для них события. «Имен-

но эти воздействия как результат изначальных свойств пространственно-временной структуры неорганического мира обусловили собой всю анатомическую организацию и приспособительные функции всех живых существ. В этом отношении организация живых существ представляет собой в подлинном смысле слова отражение пространственно-временных параметров их конкретной среды обитания» (Анохин 1978, с. 13). Согласно П.К. Анохину, опережающее отражение присуще всякой живой системе, а у высокоразвитых организмов оно проявляется в поведении.

Поведенческий акт – это не изолированное событие, каковым оно предстает перед исследователем, а часть объемлющей системы взаимодействия организма со средой. Поэтому предсказуемыми оказываются такие действия организма, которые участвуют в функционировании вида или биоценоза. Механизм целенаправленной активности основан на возбуждении нейрона в малом промежутке времени, изменении химического состава среды, в свою очередь, приводящего к возбуждению другого нейрона без специального внешнего стимула. Химические процессы перекрывают друг друга, и последовательности сигналов возбуждения могут перекрываться так, что следующий по порядку сигнал окажется раньше по времени. «Именно биологически значимые или эмоциогенные раздражения, скрепляющие следовые реакции от прежних раздражений, составляют необходимое условие, подготавливающее путь для будущих опережающих реакций под действием какого-то отдаленного звена пространственно-временного континуума» (Анохин 1978, с. 42). Так, будущие состояния организма могут управлять его текущим состоянием.

Человеческое сознание выработало дополнительный к животному способ предвидения.

Человек создает новые состояния своей психики, позволяющие ему практически преобразовывать внешние явления. Как показывает Д.И. Дубровский, ментальные состояния под действием свободного решения вызывают изменения в нейродинамических структурах мозга, так, что новые пути нейронных сигналов обуславливают новые психические состояния. Например, занятия музыкой активизируют нейронные связи, необходимые для решения естественнонаучной задачи.

«Когда человек, действуя по своей воле, добивается выдающегося результата в психосоматической регуляции, то это означает, что он по своей воле формирует у себя такие новые паттерны мозговой нейродинамики, такую новую цепь кодовых преобразований, которые "пробивают" новые эффекторные пути и захватывают вегетативный и другие нижележащие уровни регуляции, обычно полностью закрытые для произвольного, сознательного управления» (Дубровский 2002,

с. 333). Так, человек воздействует информацией на свой мозг, побуждая его работу по достижению новой цели.

Материальная структура мозга, на которой реализовано сознание, допускает включение информации о будущем в детерминацию настоящего поведения. Но это лишь свойство живого существа, но не разума вообще. Генетическая программа, управляющая таким предсказывающим поведением, не есть информация о будущем в строгом смысле слова. Людей интересуют принципиально новые события, а не только инстинктивные или традиционные действия. Поэтому важно не столько психофизиологическое оборудование, получающее информацию о будущем, сколько логика познания как такового, независимая от случайной живой системы, на которой она реализуется, т.е. эпистемологические характеристики познания будущего.

Человеческое прогнозирование наследует такие черты предсказывающего поведения животных, как разделение всех факторов на полезные и вредные для выживания, адаптацию к временной структуре мира, повторяемость явлений внешнего мира и их значимость для индивида. Более того, трудности предсказания общие для опережающего отражения живого существа и прогноза существа разумного: пренебрежение непрерывными характеристиками системы, в которую включено явление, и взятие этого явления как изолированного индивида, будущие события которого не предсказуемы из его прошлой истории. Но вербальное мышление становится новым инструментом познания. Поэтому нас интересуют возможности познания будущего посредством абстрактного мышления и языка, а не биологической организации мозга.

2. Теоретическое мышление и предсказание

В общем виде получение информации о будущих событиях представляется невозможным, в том числе из-за из представления как дискретной последовательности атомарных фактов, однако имеются особые типы явлений и их аспекты, допускающие познание их будущих состояний, и особая трактовка познавательного процесса, выходящего за пределы опыта.

Развивая философию техники, Ф. Дессауэр указывает пространственно-временные особенности изобретательской деятельности человека. Техника характеризует особое положение человека в космосе, как существа, реализующего конкретную возможность будущей рекомбинации материальных структур. Животное воспроизводит прошлое, человек в собственном смысле производит будущее фактическое событие из возможного теоретического положения дел. Соответствие технических приборов своим задачам подтверждает истинность

знаний о будущем, используемых при проектировании этих приборов. «Очевидно, что способу существования человека в качестве исследователя, первооткрывателя, обработчика должен по аналогии соответствовать космический способ бытия, не исполненный, не организованный, не наличествующий, но содержащий в себе возможность, потенцию «так-бытия» решений... иначе эти решения нельзя было найти, «изобрести»... До изобретения микроскопа не было микроскопа. Но «чтойность», так-бытие объектов, например, микроскопа, уже была в космосе. – иначе он не смог бы оказаться изобретенным» (Дессауэр 2016, с. 395). Техническое творчество связано со знанием, логической аргументацией и рефлексией, которые оказываются космическими факторами познаваемого отличия будущих форм от прошлых. «Кроме готовых, оформленных прямо или косвенно доступных чувству действительных вещей, космос содержит необозримый запас определенных в их свойствах, но еще не существующих объектов, корреспондирующих с человеческими потребностями» (Дессауэр 2016, с. 399). Финализм технического объекта проявляется в его подчинении законам природы и соответствии его задаче, вытекающей из человеческой цели. Иерархия задач включает технический объект в систему вещей, используемых человеком для его целей как будущих возможных состояний более объемлющей системы «человек – мир».

Техническое изделие, приходящее из будущего, на самом деле приходит из идей. «Технические объекты и технологии становятся из идей, появляются исторически, однажды появившись, устойчиво пребывают и обладают каждой своей, свойственной ему специфической силой» (Дессауэр 2016, с. 397). Эта сила направляет ход истории и меняет лик Земли, то есть выбирает одну из возможных реализаций будущего. Дессауэр отвергает предрассудок, будто технические новации вызваны экономическими потребностями. По нашему мнению, это означало бы, что человек приспосабливается к среде, как животное, но иными средствами, и техническая деятельность была бы по сути воспроизведением прошлых способов борьбы с нуждой. Но позиция Дессауэра о метафизическом смысле и гуманистической ценности техники подтверждает, что она есть проявление знания будущего, обусловленное внутренней структурой мышления.

Предвидение означает получение информации о событиях, не данных эмпирически, не исключительно о будущих, но и просто о неизвестных и возможных событиях. Человек опирается на эмпирическую информацию о настоящем положении дел и концептуальное знание об устройстве мира вообще. Настоящее событие связано с будущим неким теоретическим принципом, выраженным в мифе или в науке. Предпосылкой предсказания

выступает структурированность мира, наличие повторяемых явлений и отношение порядка между ними, в частности, каузального. В мире и в субъекте есть факторы, ограничивающие степени свободы, так, что определенные события невозможны и невозможно получение субъектом определенной информации. Например, физическая теория предсказывает свойства объекта, существенные для её законов, выступающие значениями параметров этих законов, но не предсказывает иных типов параметров. «Так, Лавуазье мог вычислить массу планеты Нептун, параметры орбиты ее движения, но никак не размеры планеты или, например, наличие на ней жизни, физические параметры ее поверхности, поскольку ничего этого не заложено в теории гравитации. И нельзя требовать от теории того, чего она не может дать в принципе. От физики, к примеру, можно потребовать объяснения того, как летает самолет, но не предсказания его будущего рейса или конструкции самолета будущего» (Селиванов 2015, с. 15). Язык теории, формулировки её законов и фактических предложений ограничивают спектр явлений и характеристик, которые подлежат предсказанию. Эти явления и свойства включены в более широкую ситуацию, которую описывает научная картина мира.

Предвидение принципиально неполно, оно не требует знания всех деталей процесса, а лишь тех, что имеют отношение к целям и способностям субъекта. Станислав Лем доказывал, что технологический прогресс человечества есть развертывание глобальной космической эволюции в тех направлениях, в каких она без разумного существа не реализовалась бы. Человеческие изобретения не подражают природе, а решают задачу, каковая решается в принципе силами природы, но иным способом. Так, у животных не было движений, подобных качению колеса. Человек разрабатывает альтернативные природной реализации конструктивные решения. Он предвидит систему связей будущей структуры с его целями и общими законами природы, но не конкретный способ решения задачи. Это существенно для возможности предвидения наименьшими усилиями поиска и обработки информации. «В результате для данной определённой цели существует некоторый *оптимум* информации, необходимый для достижения этой цели; этот оптимум отнюдь не совпадает с *максимумом*». (Лем 2023, с. 166). Логически мыслимо спонтанное возникновение автомобиля в природе, а человек делает его более вероятным. «Конструкторское распределение вероятностей в случае Природы полностью отличается от распределения в случае человеческого созидания, хотя второе должно содержаться в первом. Распределение вероятностей по нормальному закону, характерное для Природы, приводит во всем Космосе к ничтожным вероятностям возникновения в ре-

зультате спонтанных событий кастрюль или вычислительных машин» (Лем 2003, с. 169). Человеческое открытие не только вовлекает, но и исключает нерелевантную фактическую информацию.

Научное предсказание на основе законов природы основано не только на естественнонаучных, но и на философских концепциях времени. Классическое ньютоновское понимание линейного времени получило философское обоснование в учении И. Канта об априорных формах созерцания. Для Канта время логически предшествует движениям тел, но, в отличие от Ньютона, Кант считал время не свойством вещей самих по себе, а формой упорядочения внутренних созерцаний. Познание – не отображение объективных свойств явления, а его конструирование по правилам организации сознания. Субъект может предсказать такие аспекты объекта, какие могут быть построены по априорным правилам познавательной деятельности. Характеристики объекта, которые естественный исследователь считает присущими объектам самим по себе, с трансцендентальной точки зрения оказываются результатами схематизации или категоризации субъекта. Будущее время явления подводится под категорию «возможного». Будущий поступок субъекта определяется как «должный».

Объект же понимается как результат конструирования, структурирования данных по схеме субъекта, в том числе по схеме сознания времени. Его свойства определяются действиями субъекта, выделяющего, сравнивающего, отличающего объект и связывающего его с другими объектами. Поэтому объект имеет не только внутреннюю, но и внешнюю структуру: свойства, возникающие в ходе включения объекта в систему отношений с другими объектами, местность отношений, в которые вступает объект. Примерами реляционных свойств служат валентность химического элемента, социальные качества человека как ансамбль общественных отношений. Особо выделяются свойства объекта по отношению к субъекту познания, которые должны быть или могут быть обнаружены в ходе применения тех или иных методов исследования. Объект обладает диспозиционными свойствами, которые проявляются при его взаимодействии с другими объектами и с познающим субъектом. Например, горючесть, растворимость, радиоактивность, а также доказуемость, вычислимость, наблюдаемость. Они-то и являются предсказуемыми, поскольку субъект предсказывает свое новое знание. Знание о них носит опережающий характер и включает представление о реализации потенциальных возможностей изменения осведомленности субъекта.

Предсказанию подлежит изменение нашей информации по внутренней логике развития системы знания, проецируемой на предметную область. Это информация, которую мы должны выявить,

которую в принципе можем получить и которую никогда нельзя получить. Каждый из трех видов информации сличается с данными наблюдения, в случае расхождения корректируется целая система знаний. Опережающее знание выступает фактором эволюции научных представлений о предметной области.

В эволюционной эпистемологии К.Р. Поппера наблюдению факта предшествует знание возможных явлений, сформулированное в терминах старой теории или даже мифа, если научное познание только начинается. Теория определяет, что именно может быть познано, а чего точно не будет. Теории обладают эвристическим потенциалом, их положения составляют частичную информацию о возможном будущем наблюдении как предпосылку вопроса, ответом на который будет описание наблюдаемых фактов. Теория задает область возможных значений параметров объекта, ограничивает область поиска, запрещает противоречащие законам альтернативы, руководит нашими ожиданиями и направляет поиск ответов.

Заметим, что теория предсказывает не физический факт сам по себе, а событие его наблюдения, в котором участвует потенциальный наблюдатель. Знание же о самом физическом факте является выводом из наблюдения и законов теории. Предсказывает не человек, а теория, сформулированная в научном языке, а человек выступает объектом предсказания.

Вопрос о будущем сводится к вопросу о возможном и невозможном, то есть эмпирические характеристики явления устанавливаются по логическим характеристикам репрезентаций этих явлений в системе знания. Возможное и невозможное – это не параметры эмпирических фактов, а логические категории рассудка. Они обеспечивают доступ интеллекта к модусам времени, когда возможное интерпретируется как происходящее в какое-то время, необходимое – как происходящее всегда, а невозможное – как не происходящее никогда. Суждение бывает необходимым, возможным или невозможным в определенной системе суждений. Поэтому для выводов о прошлом, настоящем и будущем нужна сложная форма знания – теория.

Таким образом, человеческое предсказание отличается от опережающего отражения у животных тем, что опирается на логические категории и теоретическое знание. Объектом знания выступает не атомарный факт, а система явлений, включающая познавательную деятельность субъекта.

Система может изменяться разными способами, что создает познавательную неопределенность. В уменьшении познавательной неопределенности состоит ценность предсказания. Варианты развития событий не равноценны: есть высоковероятные, есть маловероятные сценарии. Распространено мнение, что мы можем знать только

значение вероятности для каждого исхода, но какой именно исход реализуется на практике, знать не можем. Рассматриваемый подход опровергает абсолютность этого незнания. Некоторую информацию о будущем исходе знать всё-таки можно, хотя и недостаточно для практических целей.

Познание возможных событий Поппер сводит к познанию предрасположенностей системы к осуществлению той или иной альтернативы. Статистический метод позволяет эмпирически оценить, взвесить разные исходы. «Это и есть объективная интерпретация теории вероятности. Предполагается, что предрасположенности – не просто возможности, а физические реальности. Они так же реальны, как силы и силовые поля. И наоборот, силы – это предрасположенности... приводить тела в движение. Силы – это предрасположенности ускорять, а силовые поля – это предрасположенности, распределенные по некоторой области пространства» (Поппер 2000, с. 184).

Система имеющихся знаний о фрагменте реальности предрасположена к тем или иным выводам о будущем состоянии этой реальности. Мы заключаем от предрасположенности системы знаний к предрасположенности системы объектов. Система знаний основана на априорных постулатах типа всеобщей причинной обусловленности явлений, постоянства свойств естественных видов, независимости параметров, повторяемости явлений при одинаковых условиях.

Допуская, что условия останутся теми же, мы экстраполируем эти вероятности на будущие события. Разные тенденции стремятся себя реализовать, чаще реализуется та, что имеет больший вес. Реализованная возможность обнуляет альтернативы. Если в начале перед системой открыто несколько возможных вариантов с разными вероятностями, то в итоге одни вероятности достигают значения 1, прочие принимают значения 0. По нашему мнению, это частный случай общего закона направленности природных процессов: фиксации стабильных дискретных состояний и уничтожения переходных форм. В процессе развития устраняется градуализм, а положение дел становится более пригодным для его репрезентации в двузначной логике. Положение дел приходит в соответствие с категориальным аппаратом рассудка и поэтому более предсказуемым.

Это положение указывает на активность субъекта в процессе познания, предписывание природе свойств деятельности рассудка. Единицей познания как конструирования выступает не отдельный предмет, а целостная система явлений, упорядоченная познавательной деятельностью.

Поппер подчеркивает, «что предрасположенности следует рассматривать не как свойства, внутренне присущие объекту, такому, как игральная кость или монета, а как свойства, внутренне

присущие ситуации (частью которой, безусловно, является объект)» (Поппер 2000, с. 184). Не отдельный результат, но и процесс бросания кости в данной обстановке с определенными намерениями испытателя обладает некоторыми предсказуемыми возможностями.

Таким образом, изменяется во времени ситуация в целом, а не отдельный объект, с которым под влиянием субъекта нечто происходит, но он остается самим собой. Частный случай предрасположенности – это предпочтение одного действия другому для человека или животного. Субъект обнаруживает возможность, которой ранее не видел, потому что поменялись условия. Отсюда Поппер выводит отказ от детерминизма. «Само наше понимание мира изменяет условия в меняющемся мире; аналогичным образом действуют наши желания, наши предпочтения, наши мотивации, наши надежды, наши мечты, наши гипотезы, наши теории. Даже наши ошибочные теории могут изменить мир, хотя наши правильные (correct) теории, как правило, оказывают на мир более долгосрочное воздействие. Все это означает, что детерминизм попросту ошибочен: все его традиционные аргументы увяли, индетерминизм и свобода воли стали частью физических и биологических наук» (Поппер 2000, с. 185).

Хотя с нашей точки зрения термин «индетерминизм» не отражает адекватно нелинейного порядка взвешенных предрасположенностей, а «свобода воли» не характеризует физических процессов, отметим попытку Поппера унифицировать познание изменяющихся физических и социальных систем. Научное познание будущего состояния системы должно базироваться на принципах, инвариантных к сложности системы. Поэтому равно неправильно подходить к социальному прогнозированию с эталоном успешного предсказания физических событий, и радикально противопоставлять предсказуемость физических событий непредсказуемости событий социальных. На наш взгляд, более сложная деятельность прогнозирования социальных процессов проливает свет на некоторые аспекты физического предсказания, на которые не обращают внимания из-за эффективности экспериментальной проверки теории.

Познание как отражение считается универсальным свойством материи на уровне социальной, живой и неживой природы. Можно считать познаваемость предрасположенностей универсальным свойством ситуаций, включающих наблюдателя со средствами воздействия на объект и обстановку.

Социальное проектирование – это наиболее развитая форма предвидения, когда человек в большей степени создает, чем предугадывает, свое будущее поведение и состояние. Аналог этого процесса в примитивной форме может обнаружиться

на нижележащих уровнях материи, в живой и неживой природе. Человеческий поступок исключает или сводит к нулю одни предрасположенности, создавая другие возможности, которых раньше не было. Ликвидировать одну возможность и создать другую человек может преднамеренно или непреднамеренно. Непреднамеренные побочные эффекты связаны с нашими действиями причинно-следственной связью, поэтому предсказуемы на основе теорий соответствующих природных явлений. Для их предсказания не надо учитывать свободу воли человека. В преднамеренном результате выделяется аспект связи двух физических событий, предсказуемых на основе причинного закона, и аспект человеческого решения, предсказуемого из логики ситуации при допущении рациональности субъекта.

Все организмы имеют ожидания, удовлетворяемые одними предрасположенностями и не удовлетворяемые другими. Организм содержит предварительное знание о потенциально значимых аспектах ситуации, которое развивается путем проб и ошибок. Развитие органа чувств предшествует опытным данным и воплощает предварительное знание о возможных ситуациях, которые будут фиксироваться органами чувств.

Прошлые ситуации не предопределяют однозначно будущих ситуаций, а определяют меняющиеся предрасположенности, которые влияют на будущие ситуации. Например, человек, желающий лететь в другой город, не может своими желаниями повлиять на один фактор ситуации (ясная летняя погода), но может повлиять на другой фактор (успеть на самолёт).

Другой онтологический вывод Поппера «все ненулевые возможности, даже те, которым соответствуют лишь ничтожно малые ненулевые предрасположенности, со временем реализуются, если им хватит на это времени, иначе говоря, если условия будут повторяться достаточно часто или будут неизменными в течении достаточно долгого времени» (Поппер 2000, с. 189). Но условия могут измениться прежде, чем наименее вероятные возможности успеют реализовать свой шанс. Обычно маловероятное не происходит никогда, потому что высоковероятное событие, реализуясь, меняет ситуацию.

Чем ближе ситуация к одному определенному аттрактору, тем меньше предрасположенности к альтернативным исходам, вероятность которых стремится к нулю. Оставшаяся предрасположенности с вероятностью единица становится актуальной. Но в эпистемологии Поппера субъект не обладает никакой информацией о том, какая предрасположенность имеет больше шансов реализоваться. Заранее нельзя оценить вес каждой гипотезы, выдвигаемой для решения познавательной проблемы, так как их отбор делает среда, предва-

рительное знание которой включено в старую теорию, породившую эту познавательную проблему.

Скорее можно получить знание о том, чего не будет, что исключено, чем знание о том, что будет. Если теория научная, то можно определить потенциальные фальсификаторы – факты, которых не должно быть при истинности теории. Таким образом, возможно предсказание «не будущего», уменьшающее спектр оставшихся возможностей и облегчающее поиск наиболее вероятной возможности.

Как показывает С.В. Пирожкова, возможности и границы рационального предсказания обусловлены свойствами универсалий и их способностью репрезентировать единичные явления.

«Поскольку универсалии имеют характер опережающего знания, постольку их образование представляет собой выход за пределы имеющегося у нас опыта. Поэтому мы осуществляем переход от известного к неизвестному, не только предвидя единичные события на основе универсалий, но и при образовании самих универсалий» (Пирожкова 2009, с. 161). Универсалии выступают посредниками между информацией о настоящих событиях, воспринимаемых органами чувств, и информацией о будущих событиях, делают процесс предсказания осознанным. В архаичных культурах даром предсказания наделялись люди в бессознательном состоянии, безумцы, обрабатывавшие информацию древним животным способом. Современная цивилизация относит предсказание к высшей познавательной функции – научному мышлению. В свете учения Поппера предсказание выступает преобразованием информации в структурах объективного третьего мира и не нуждается в психологических качествах эмпирического субъекта.

3. Феноменологический подход к познанию будущего

Сознание предсказывает собственную деятельность, в лучшем случае – явления, в которых оно выступает одним из факторов, но не объект сам по себе, не имеющий отношения к сознанию.

Поэтому условия возможности познания будущего предполагают определенную эпистемологию и онтологию.

Если явление не просто логически возможно, а согласуется с формальными условиями опыта, характеризуется терминами теории, то может быть познано будущее этого явления, или само это будущее явление, или существование этого явления в будущем, потому что теория запрещает некоторые сценарии.

Мы считаем плодотворной для понимания наших способностей заключать о будущем буддийскую традицию исследования сознания. Информация о будущих состояниях сущего относится к

уму как таковому, а не к его предметам самим по себе. Оптимистичная позиция школы саутрантики в отношении достоверного познания изложена буддологами Геше Сонам Ринченем и Александром Берзиным. Признается способность познания не данных восприятию и несуществующих объектов, изменчивых и исчезающих. Различаются два способа достоверного познания: обнажённое (непосредственное) и познание, основанное на выводах. К первому способу относятся чувственное восприятие, схватывание сущности умом, интуиция. Ко второму способу относятся умозаключения, познание на примере или на основе авторитетного учения.

В буддизме рассматривается достоверное осознание того, что «событие В ещё не происходит». Эта информация получена либо непосредственно, либо из выводов. Познание отрицательного факта корректирует ожидание события В, наступающего вслед за событием А. Если достоверно, что происходит событие А, то событие В еще не происходит. Если событие А уже не происходит, то в настоящем происходит В.

Мы можем различать разные формы несуществования объекта: предваряющее несуществование, когда объекта пока нет, несуществование из-за прекращения, взаимное несуществование (несовместимость объекта с другим, данным лицом) и полное несуществование (противоречивые свойства). Предваряющее несуществование постигается с информацией о том, что в будущем объект появится.

«Когда молоко происходит в настоящем, есть предваряющее несуществование (предваряющее отсутствие) ещё не происходящего йогурта. Оно тоже является происходящим в настоящем как явление-приписывание на основе происходящего в настоящем молока, которое служит *причиной получения...* йогурта. Причина получения – это то, из чего будет получен результат и что при этом перестанет существовать, как, например, семя служит причиной получения ростка. Отсутствие ещё не происходящего йогурта продолжается в качестве явления-приписывания до тех пор, пока происходящее в настоящем молоко не свернётся» (Rinchen, Berzin 2005).

Имеется знание, что йогурта еще нет, и отсюда вывод, что йогурт будет.

Мы знаем общее правило, что молоко сворачивается, поэтому с тем же успехом, наблюдая йогурт, заключаем, что молока уже нет.

В основе этих рассуждений лежит сильное допущение, что события А и В – стадии одного процесса. Это иллюстрирует пример достоверного заключения от знания «в горшке есть молоко» к знанию «йогурт в горшке еще не происходит», где молоко и йогурт – не отдельные предметы, а стадии единого биохимического процесса. Современная наука установила, что главные агенты – бактерии – находятся в свежем молоке, питаются, размножаются, при благоприятной температуре выделяют кислоты, вызывающие свертывание белка и образование йогурта. Предсказание прокисания молока относится ко второму периоду жизни микроорганизмов.

Здесь важно, что молоко, йогурт, условие окисления воспринимаются как индивиды только в различающем сознании, имеют лишь феноменальный статус. Они связаны за счет общей единой структуры, проявляющейся в аспектах молока и йогурта последовательно во времени. Такая структура есть предмет выводного знания.

Те будущие явления, о которых возможно знание, должны быть не самостоятельными явлениями, а частями более обширных явлений, внутренние связи которых известны. Иными словами, познание направлено не столько на будущее явление, сколько на лежащую по ту сторону опыта систему, связывающую настоящий и будущий моменты. В основе этой системы знаний лежит закономерная последовательность ментальных состояний, целенаправленно регулируемая определенными ценностями. Так, если проектируется будущее состояние ума более осознанное и просветленное, чем настоящее, к которому применяется духовная работа, то можно предсказать, что среди будущих внешних феноменов нам не встретятся обстоятельства, провоцирующие неразумные решения. В будущем нас не ожидают большие трагедии и соблазны, поскольку уровень развития ума возрастет. Ведь внешние феномены – это корреляты состояний ума.

Подобным образом, предсказывая новое внешнее событие, мы не делаем прямого заключения от настоящего обыденного наблюдения (свежего молока) к будущему обыденному наблюдению (кислое молоко). Мы обращаемся к теоретическому конструкту (бактериям) за пределами феноменов. Необходимым условием связывания будущих феноменов с настоящими выступает ум. Предсказуемые состояния целостной системы, элементы которой скрепляет ум. Нет ума – нет будущего.

Заключение
Информация о будущем содержит модальные понятия о должном, возможном и необходимом, существующие только в уме, устанавливаемом их отношении к фактически данному.

Таким образом, возможно предварительное знание некоторых аспектов будущего. Человеческое познание будущего накладывается на присутствие всякому животному механизмы предсказывающего поведения, однако основано на новых принципах. Поэтому древние способы предвидения у человека ослаблены и не используются.

Имеются формальные условия возможности информации о будущем. Природа устроена так,

что объекты похожи друг на друга и объединяются в естественные виды: все собаки, все металлы обладают сходными свойствами. Мир каузально замкнут, каждое явление выступает звеном причинных цепей. И выделяются дискретные последовательности объектов, отношения между которыми пригодны для обозначения других последовательностей объектов. Поэтому в настоящем есть знаки будущего: образы, индексы и символы. Прогнозирование опирается на тот или иной тип знаков. Для животных это образы и индексы, для человека в первую очередь символы, ярко выраженные в первобытных гаданиях. По мере развития естествознания выводы о будущем опираются на причинные связи. Эволюция животных создала оборудование, на котором реализуется информационный процесс, но дальнейшее развитие способов получения информации о будущем осуществляется чисто человеческими средствами.

Предсказание опирается на теоретическое мышление, логический вывод и способности подведения данных под понятия. Мы воспринимаем такую информацию о будущем, которая представлена в концептуальном аппарате наших теорий и техник мышления. Предсказуемы явления не обязательно значимы с точки зрения выживания организма. Они значимы с точки зрения расширения знаний за пределы имеющихся теоретических схем.

Предсказание направлено не на отдельное событие, а на систему процессов, включающую деятельность самого субъекта.

Главным образом, субъект предсказывает свои состояния знания.

Библиографический список

Александров Ю.И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века. Москва: Пер Се, 2003. С. 4. 864 с.

Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. Москва: Наука, 1978. 400 с.

Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – Термин и сущность. Пер. с нем. А.Ю. Нестерова // Онтология проектирования. 2016. Том 6. № 3 (21).

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. Москва: Канон+, 2002. 368 с.

Лем Ст. Сумма технологии. Москва: АСТ, 2023. 800 с.

Пирожкова С.В. Проблема научного предвидения в философии К. Поппера // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 160–176.

Поппер К.Р. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика соци-

альных наук. Карл Поппер и его критики. Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с.

Селиванов А.И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социс. 2015. № 4. С. 11–17.

Ринчен С. Геше, Берзин А. Подробное рассмотрение способов познания, часть 14: количество достоверных способов познания [Электронный источник]. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyu-uroven/nauka-ob-ume/sposoby-poznaniya/podrobnoe-rassmotrenie-sposobov-poznaniya-chast-14-kolichestvo-dostovernyh-sposobov-poznaniya>.

References

Aleksandrov, Y.I. (2003), Introduction to the system Psychophysiology, *Psychology of XXI century*, Per Se, Moscow, Russia.

Anohin, P.K. (1978), *Collected Papers. Philosophical aspects of the theory of a functional system*, Nauka, Moscow, USSR.

Dessauer, F. (2016), Zur Philosophie der Technik. Was ist Technik? – Wort und Wesen, Nesterov, A.Y. (transl.), *Ontologia proektirovaniya*, vol. 6, № 3(21), Moscow, Russia (in Russian).

Dubrovskiy, D.I. (2002), *The Problem of Ideal. Subjective Reality*, Canon+, Moscow, Russia.

Lem, St. (2023), *Summa Technologia*, Moscow, Russia (in Russian).

Pirozhkova, S.V. (2009), The problem of scientific foresight in K. Popper's philosophy, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 160–176.

Popper, K.R. (2000), The world of predispositions, *Evolutionary epistemology and the logic of the social sciences*, Karl Popper and his critics, Lahuti D.G. (transl.), Moscow, URSS (in Russian).

Selivanov, A.I. (2015), Cognition of the future of developing social objects, *Socis*, no.4, pp. 11–17.

Rinchen, Sonam Geshe, Berzin A. (2005), *Detailed consideration of the ways of cognition, part 14: the number of reliable ways of cognition*, [Online], available at: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyu-uroven/nauka-ob-ume/sposoby-poznaniya/podrobnoe-rassmotrenie-sposobov-poznaniya-chast-14-kolichestvo-dostovernyh-sposobov-poznaniya> (Accessed 28 June 2024).

Submitted: 07.06.2024

Revised: 29.08.2024

Accepted: 29.09.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165:004.8

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-31-36

Дата поступления: 15.06.2024
рецензирования: 01.09.2024
принятия: 01.10.2024

Н.А. Крылов

Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Российская Федерация
E-mail: krylovna@vogu35.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1378-0548>

Моделирование креативности в искусственном интеллекте: возможности и границы

Аннотация: статья посвящена возможностям и границам разработки креативного искусственного интеллекта, в частности, способности машин определять уровень креативности производимых ими объектов. Для оценки креативности предложена трёхступенчатая модель новизны, включающая онтологический, субъективный и семантический уровни. Выделяется три признака креативных идей или артефактов: новизна, неожиданность и ценность. Описывается модель состязательной генеративной сети «CAN: Creative Adversarial Networks», которая создает новые художественные стили и оценивает их новизну. Обсуждаются возможности и границы моделирования юмора в креативном искусственном интеллекте. Анализируются примеры успешной работы нейронных сетей, генерирующих шутки и пишущих сценарии, показывается, что ограниченность таких систем проявляется в отсутствии у машины чувства контекста, ощущения пространства и времени. Кроме того, важнейшим условием успешного написания шуток является способность смеяться над ними. Люди осознанно выбирают тему и формат юмора, а у машин отсутствует собственное целеполагание. Показано, что разработанные к настоящему времени технологии можно обобщить термином «слабый креативный искусственный интеллект», так как они могут создавать новые объекты, но не способны к целеполаганию и рефлексии. Несмотря на это, возможности искусственного интеллекта постоянно расширяются, что меняет наше представление о границах моделируемости естественного интеллекта.

Ключевые слова: философия техники; искусственный интеллект; понятие креативности; границы искусственного интеллекта.

Цитирование: Крылов Н.А. Моделирование креативности в искусственном интеллекте: возможности и границы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 31–36. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-31-36>.

Благодарности: автор выражает благодарность доктору философских наук Н.А. Ястреб за оказанную помощь и мотивацию к научной деятельности.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Крылов Н.А., 2024 – аспирант, преподаватель кафедры философии, заместитель директора института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, 160035, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.A. Krylov

Vologda State University,
Vologda, Russian Federation
E-mail: krylovna@vogu35.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1378-0548>

Modeling creativity in artificial intelligence: possibilities and limits

Abstract: the article is dedicated to exploring the possibilities and limitations of developing creative artificial intelligence, particularly the ability of machines to determine the level of creativity in the objects they produce. To assess creativity, a three-step model of novelty is proposed, including ontological, subjective, and semantic levels. Three features of creative ideas or artifacts are identified: novelty, unexpectedness, and value. The article describes the model of a competitive generative network called "CAN: Creative Adversarial Networks," which creates new artistic styles and evaluates their novelty. The possibilities and limitations of modeling humor in creative artificial intelligence are discussed. The article analyzes examples of successful

work by neural networks that generate jokes and write scripts, showing that the limitation of such systems is the machine's lack of a sense of context, space, and time. Additionally, a crucial condition for successfully writing jokes is the ability to laugh at them; humans can consciously choose the topic and format of humor, while machines lack their own goal-setting. It is shown that the technologies developed to date can be generalized as "weak creative artificial intelligence" since they can create new objects but are not capable of goal-setting and reflection. However, the possibilities of artificial intelligence are constantly expanding, changing our understanding of the limits of modeling natural intelligence.

Key words: philosophy of technology; artificial intelligence; concept of creativity; limits of artificial intelligence.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Doctor of Philosophy N. Yastreb for the provided assistance and motivation for scientific activity.

Citation: Krylov, N.A. (2024), Modeling creativity in artificial intelligence: possibilities and limits, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 31–36, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-31-36>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Krylov N.A., 2024** – PhD student, a lecturer at the Department of Philosophy, Vologda State University, 15, Lenina str, Vologda, 160035, Russian Federation.

Введение

Ключевым вопросом философии искусственного интеллекта является обозначение границы моделируемости естественного интеллекта в искусственных системах (Ястреб 2021). В связи с постоянными открытиями в области искусственного интеллекта в последние десятилетия представления об этой границе значительно изменились. В истории искусственного интеллекта период оптимизма, вдохновленный созданием перцептрона, программ «Логик-теоретик» и «Логик-математик», сначала сменился этапом застоя и разочарования («зима» искусственного интеллекта), а затем, начиная с 1980-х гг., периодом постепенного возрождения. Появление в XXI веке больших лингвистических моделей открыло новые возможности для моделирования человеческого интеллекта. В структуру естественного интеллекта входят как функции, которые успешно моделируются, например, распознавание образов, так и те, которые пока нереализуемы в системах искусственного интеллекта, прежде всего, творческая и креативная деятельность. Эту проблему поставила ещё Ада Лавлейс, которая утверждала, что главным критерием наличия интеллекта является креативность (Stein 1985). Создание нейросетей, которые генерируют изображения, музыку и тексты, заставляет нас по-новому взглянуть на проблему творческой деятельности и возможности её передачи машине.

Соотношение понятий «творчество» и «креативность» в контексте искусственного интеллекта

Категория «творчество» вводится Аристотелем, который определяет его как способность человека к нахождению новых решений и созданию новых вещей (Аристотель 1927). Для него способность к творчеству была неотъемлемой частью человеческой природы, и он считал, что она может

проявляться в различных сферах жизни, включая искусство, науку, философию и технологии. Это дало начало широкой трактовке понятия творчество, в рамках которой творческая деятельность определяется «как процессы порождения нового» (Нестеров, Дёмина 2020, с. 84). В рамках данного подхода смысл творческой деятельности видится в «увеличении многообразия человеческого мира в процессе культурной миграции» (Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009, с. 954). Творческая деятельность не ограничивается действиями субъекта и распространяется на общество и культуру в целом.

Постановка задачи моделирования творчества требует его конкретизации. И.А. Бескова и И.Т. Касавин связывают творчество с уровнем и качеством познавательной деятельности индивида и определяют его как «иерархическое структурированное единство способностей, которое определяет уровень и качество мыслительных процессов, направленных на приспособление к изменяющимся и неизвестным условиям в сенсомоторных, наглядных, оперативно-деятельностных и логико-теоретических формах» (там же). Исследование и моделирование творческой деятельности субъекта в когнитивных науках потребовало разграничения понимания творчества как культурного феномена и вида когнитивной деятельности.

Креативность как научный термин вводится психологом Д. Симпсоном, который определяет её как «способность человека отказываться от стереотипных и исторически сложившихся способов мышления» (Симпсон 1948, с. 172). Дж. Гилфорд в работе «Природа человеческого интеллекта», разрабатывая концепцию креативности, предлагает похожий подход и описывает её как «способность порождать новые идеи, отличающиеся от традиционных схем мышления, а также навыки, способствующие решению проблемных ситуаций» (Guilford 1967, p. 197). В данной работе мы будем

опираться на определение, которое дала М. Боден, определившая креативность как «способность придумывать идеи и артефакты, которые считаются новыми, неожиданными и ценными» (Boden 2004, p. 16). Обобщая данные определения, можно отметить, что креативность рассматривается как построение новых возможностей для субъекта, а творчество – как создание новых возможностей для культуры.

Ключевой проблемой в определении креативности является понимание того, что считать новым и какой новый объект должен появиться, чтобы мы считали его результатом креативной деятельности. Для решения этой проблемы можно выделить три уровня новизны: онтологический, субъективный и семантический.

К *онтологическому уровню* новизны можно отнести всё то, чего не было ранее. При таком подходе любой объект, которого ранее не было в пространстве и времени, будет считаться новым вне зависимости от степени новизны своих характеристик. В этом смысле можно считать новым любое изображение, сгенерированное нейросетью. Обучившись на некоторой совокупности примеров, нейросеть фактически продолжает последовательность, имеющуюся в обучающей выборке. В этом случае речь не идет о создании новых смыслов или качественных изменений чего-либо, а происходит продолжение в новых объектах того, что уже существует. Второй, *субъективный*, уровень новизны заключается в том, что создается нечто новое и неожиданное для субъекта, но при этом в результате более тщательного анализа субъект может описать алгоритм получения такого результата. Зная этот алгоритм, другой субъект может прийти в такому же или похожему результату, вне зависимости от его сложности. На самом высоком, *семантическом*, уровне находятся процессы создания объектов, не поддающиеся на данный момент описанию и алгоритмизации. В этом случае мы не понимаем, как они получены, и не можем «разложить на атомы» эти процессы. Похожую мысль высказывал Г. Хакен, который определял креативность как «рождение идей, которые не рождались никогда прежде и более того – рождение которых в высшей степени маловероятно» (Хакен 2001, с. 313–314). Для данного уровня характерно нахождение нестандартных способов решения проблем. Сложность моделирования такой деятельности связана с её уникальностью и невоспроизводимостью. Креативная деятельность этого уровня не может быть реализована в алгоритмических, программируемых моделях.

Моделирование креативности: постановка проблемы

Как уже было упомянуто во введении, проблему создания машин, способных к творческой

деятельности, поставила ещё Ада Лавлейс. В современных исследованиях искусственного интеллекта сформировалась целая область, специализирующаяся на разработке креативных моделей и систем. Под креативным искусственным интеллектом в данной работе понимается *направление в искусственном интеллекте, в котором методы машинного обучения используются для генерации новых объектов на основе закономерностей, обнаруженных в имеющихся данных*. Основные методы и подходы к созданию креативных систем искусственного интеллекта были разработаны достаточно давно, но только в последние годы разработчики получили, с одной стороны, возможность использовать достаточно большие вычислительные мощности, а с другой – появилась стремительно развивающаяся сфера креативных индустрий, для решения задач которой эти модели необходимы.

В круг основных задач систем креативного искусственного интеллекта входят генерирование изображений, кода, звуковых эффектов, написание историй, стихов, эссе, статей, диалогов, переработка и перефразирование текста в различных жанрах, создание карикатур, комиксов, юмористических иллюстраций, мелодий, аранжировок, песен в разных жанрах (например, Jukebox), генерация видео и трехмерных моделей объектов, то есть практически все основные виды творческой деятельности человека.

Для оценки креативности искусственного интеллекта широко используется видоизменённый тест Тьюринга (Тьюринг 1960). В настоящее время существует множество его вариантов, в частности: музыкальный, юмористический, креативный тест Тьюринга. Для прохождения теста машинам ставится задача создать произведение, которое будет неотличимо от результатов творческой деятельности человека. Далее экспертному сообществу предлагается определить, какие из произведений созданы человеком, а какие – машиной (Winters, Nys, De Schreye 2018). Примером может служить проведенный нами опрос, в ходе которого респондентам были предложены две шутки, одна из которых написана человеком, а вторая – чатом GPT-4. В результате 35 % опрошенных высказали мнение о том, что вторая шутка написана человеком. Существуют и более успешные примеры прохождения машинами креативных тестов Тьюринга. Поскольку в таких тестах достаточно часто побеждают машины, необходимо признать, что либо мы должны согласиться с тем, что искусственный интеллект стал креативным, либо пересмотреть сам тест Тьюринга.

Важным вопросом разработки креативного искусственного интеллекта является то, сможет ли сам искусственный интеллект определять уровень креативности производимых им объектов. В

указанном выше определении сформулированы три признака креативных идей или артефактов, а именно новизна, неожиданность и ценность. Первый параметр новизны может быть оценён машиной через соотнесение с имеющимися аналогами. Наиболее высокий уровень генерируемых продуктов в настоящее время предоставляют состязательные системы креативного искусственного интеллекта (GAN – Generative Adversarial Networks). Их целью является создание на основе обучающей выборки таких новых данных (изображений, текстов, аудио и т.д.), которые были бы неотличимы от реальных. Примером может служить состязательная генеративная сеть «CAN: Creative Adversarial Networks» (<https://arxiv.org/abs/1706.07068>), предназначенная для создания новых художественных стилей и оценки их новизны. Она состоит из двух нейросетей – генератора и дискриминатора. Задача генератора состоит в том, чтобы на основе имеющихся примеров создать новый стиль изобразительного искусства и добавить его в имеющуюся базу данных. Вторая часть системы, дискриминатор, анализирует данные и пытается выявить, какие из стилей были предложены машиной. Данная модель одновременно способна генерировать новые объекты и оценивать их новизну. Генератор и дискриминатор обучаются в соревновательной среде, что способствует их более быстрому и эффективному обучению, так как с каждым циклом обучения генератор становится лучше в создании реалистичных данных, а дискриминатор становится лучше в их отличии от реальных. Состязательный характер обучения позволяет генератору «экспериментировать» с данными и создавать нестандартные решения, которые могут быть рассмотрены субъектом как «творческие».

Параметр неожиданности носит субъективный характер и определяется эмоциональной реакцией удивления человека. Ценность также представляет собой параметр, который привносится субъектом. Система креативного искусственного интеллекта может оценивать степень отличия полученного результата от аналогов, то есть новизну в формальном смысле, однако наделение сгенерированного объекта смыслом осуществляется только человеком.

Сфера применения креативного искусственного интеллекта включает не только традиционные типы творческой деятельности, такие как написание музыки, стихотворений, создание изображений, но и создание прогнозов развития болезней, дизайн протезов в медицине, управление денежными активами на фондовых биржах. Но все эти системы не способны к целеполаганию и не могут инициировать креативную деятельность. Поэтому зачастую такие системы используются в качестве креативных помощников. Постановка

цели, задачи и оценка результатов осуществляется человеком, а использование искусственного интеллекта позволяет расширить возможности субъекта.

Задача разработки креативного искусственного интеллекта порождает множество этических и юридических проблем. Центральными из них являются вопросы определения авторства продуктов и защиты авторских прав. Традиционное авторское право признает автором человека, однако в случае систем искусственного интеллекта возникает неопределенность. Кто может претендовать на право собственности: разработчик системы, ее владелец или пользователь, который ввел задание? Отдельную сложность представляет проблема оценки оригинальности продукта. Поскольку системы креативного искусственного интеллекта обучаются на большом количестве примеров, можно ли считать созданные ими произведения достаточно оригинальными, чтобы они могли быть защищены авторским правом? Имеют ли авторы произведений, использовавшихся для обучения модели, право претендовать на авторство создаваемых ею результатов? Этические проблемы связаны с возможным причинением вреда репутации, благополучию или чувствам людей. В этом случае проблема авторства тесно переплетается с проблемой моральной ответственности (Ястреб 2024). Без решения этих проблем дальнейшее развитие креативного искусственного интеллекта несет в себе большие риски для экономики, культуры и общества в целом.

Возможности и границы моделирования юмора в креативном искусственном интеллекте

Одним из направлений развития креативного искусственного интеллекта стало моделирование юмора. Способность шутить и понимать юмор всегда считалась исключительно человеческой чертой. Проблема моделирования юмора помогает более точно понимать границу между тем, чему мы можем научить машину, и между тем, что остается исключительной чертой человеческого интеллекта. Юмористическую деятельность сложно моделировать, так как она носит комплексный характер. Генерация юмора требует высокого уровня владения языком, гибкости и подвижности мышления, креативных способностей, умения выявлять противоречия, знания законов логического мышления и возможности их нарушать, способности реагировать на актуальные события и понимать социальный контекст в целом.

Несмотря на сложность моделирования юмора, современные нейронные сети успешно справляются с рядом задач в этой сфере. Так, машины генерируют шутки, роботы стендап-комики создают монологи и выступают с ними, генеративные системы, такие как GPT, пишут сценарий

юмористических выступлений, придумывают анекдоты и каламбуры (<https://openai.com/gpt-4>). В исследовании (Nijholt 2018) проводилось сравнение восприятия шуток, написанных людьми-волонтерами, и системой искусственного интеллекта GAG. В результате проведенного эксперимента выяснилось, что шутки, которые были написаны машиной, в два раза чаще воспринимались как смешные, чем те, которые были написаны людьми. Ключевым преимуществом таких систем является способность к обучению. Следовательно, нейросеть, подобно человеку, способна учиться на своих ошибках и совершенствовать свои возможности генерации юмора. Примеры генеративных систем показывают, что нейронные сети способны корректно воспроизводить структуру шуток, выявлять противоречия и парадоксы, использовать такой инструмент, как языковые игры.

В то же время нейронные сети обладают рядом существенных ограничений. Ключевой проблемой является отсутствие у машины чувства контекста, ощущения пространства и времени. Кроме того, важнейшим условием успешного написания шуток является способность смеяться над ними. Люди осознанно выбирают тему и формат юмора, а у машин отсутствует собственное целеполагание. В качестве вывода приведем ответ, который дал нам чат GPT-4, на вопрос о том, каковы возможности и границы машинной генерации юмора: «что касается моих возможностей – я могу предложить шутки и анекдоты на различные темы, но у меня нет чувства юмора, поэтому я не могу смеяться или оценивать шутки».

Заключение

В русскоязычной литературе принято разделять понятия «творчество» как деятельность, направленная на развитие общества и культуры в целом, и «креативность» как построение новых возможностей для субъекта. Применительно к искусственному интеллекту корректным является использование термина «креативность». Под креативным искусственным интеллектом понимается направление в искусственном интеллекте, в котором методы машинного обучения используются для генерации новых объектов на основе закономерностей, обнаруженных в имеющихся данных. В современном креативном искусственном интеллекте выделяются две основных задачи. Прагматическая задача состоит в расширении креативных способностей человека за счет создания инструментов. Исследовательская задача состоит в моделировании креативности человека. Разработанные к настоящему времени технологии можно обобщить термином «слабый креативный искусственный интеллект», так как они могут создавать новые объекты, но не способны к целеполаганию и рефлексии. Примером могут служить системы

генерации юмора, которые могут создавать шутки, но не имеют чувства юмора. Несмотря на это, возможности искусственного интеллекта постоянно расширяются, что меняет наше представление о границах моделируемости естественного интеллекта.

Библиографический список

- Boden, M.A. (1996), *Dimensions of creativity, Artificial Intelligence. Handbook of Perception and Cognition*, MIT Press, Cambridge, UK, DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-012161964-0/50011-X>.
- Boden, M.A. (2004), *The creative mind: myths and mechanisms*, 2nd edn, Routledge, London, UK.
- Guilford, J.P. (1967), *The nature of human intelligence*, McGraw-Hill, New York, USA.
- Nijholt, A. (2018), *Robotic stand-sp comedy: state-of-the-art, Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Cham, UK.
- Stein, D. (1985), *Ada: a life and a legacy*, MIT Press, Cambridge, MA, UK.
- Winters, T., Nys, V., De Schreye, D. (2018), *Automatic joke generation: learning humor from examples, Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Cham, UK.
- Аристотель. Поэтика. Ленинград: АКАДЕМИА, 1927. 121 с.
- Барышников П.Н. Методологические возможности и границы вычислительных моделей сознания. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 310 с.
- Нестеров А.Ю., Демина А.И. Воображение в семиотике творчества // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 460. С. 84–89.
- Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности; перевод с немецкого Ю. А. Данилов. Москва: Per Se, 2001. 351 с.
- Симпсон Д.Г. Темпы и формы эволюции. Москва: Госиздат, 1948. 358 с.
- Тьюринг А. Могут ли машины мыслить. Москва: Государственное издательство Физико-математической литературы, 1960. 67 с.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
- Ястреб Н.А. Как возможно техническое творчество? // *Философская мысль*. 2023. № 2. С. 15–25.
- Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу // *Семиотические исследования. Semiotic studies*. 2024. Т. 4. № 1. С. 24–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-24-30>.
- Ястреб Н.А. Шахматы и машина Тьюринга: границы применимости вычислительного подхода в социальных науках // *Философия науки и техники*. 2021. № 1. С. 51–55.

References

- Boden, M.A. (1996), *Dimensions of creativity, Artificial Intelligence. Handbook of Perception and Cognition*, MIT Press, Cambridge, UK, DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-012161964-0/50011-X>.
- Boden, M.A. (2004), *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*, 2nd edn, Routledge, London, UK.
- Guilford, J.P. (1967), *The Nature of Human Intelligence*, McGraw-Hill, New York, USA.
- Nijholt, A. (2018), *Robotic Stand-Up Comedy: State-of-the-Art, Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Cham, UK.
- Stein, D. (1985), *Ada: A Life and a Legacy*, MIT Press, Cambridge, MA, UK.
- Winters, T., Nys, V., De Schreye, D. (2018), *Automatic Joke Generation: Learning Humor from Examples, Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Cham, UK.
- Aristotel (1927), *Poetics*, ACADEMIA, Leningrad, USSR.
- Baryshnikov, P.N. (2018), *Methodological possibilities and boundaries of computational models of consciousness*, PGU, Pyatigorsk, Russia.
- Nesterov, A.Yu. and Demina, A.I. (2020), *Imagination in the semiotics of creativity, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 460, pp. 84–89.
- Haken, G. (2001), *Brain principles: a synergistic approach to brain activity, behavior, and cognition*, Yu. A. Danilov (transl.), Per Se, Moscow, Russia.
- Simpson, D.G. (1948), *Rates and forms of evolution*, Gosizdat, Moscow, Russia.
- Turing, A. (1960), *Can machines think*, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Fiziko-matematicheskoy literatury, Moscow, Russia.
- Encyclopedia of epistemology and philosophy of science* (2009), Kanon ROOI «Reabilitatsiya», Moscow, Russia.
- Yastreb, N.A. (2023), *How is technical creativity possible?*, *Filosofskaya mysl*, no. 2, pp. 15–25.
- Yastreb, N.A. (2024), *Artificial intelligence ethics: from principles to the critical approach*, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 1, pp. 24–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-1-24-30>.
- Yastreb, N.A. (2021), *Chess and the Turing machine: the limits of applicability of the computational approach in the social sciences*, *Filosofiya nauki i tekhniki*, no. 1, pp. 51–55.

Submitted: 15.06.2024

Revised: 01.09.2024

Accepted: 01.10.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.162.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-37-45

Дата поступления: 15.06.2024
рецензирования: 01.09.2024
принятия: 02.10.2024

Е.А. Смердова

Пермский институт железнодорожного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: smerdowa.ekat@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6896-4864>

«Теория всего»: виды информации и теория интерпретации в «Философии случая» Станислава Лема

Аннотация: в статье рассматривается взгляд С. Лема на литературное произведение как результат восприятия его читателем в контексте культуры. Определяется структура литературного произведения, согласно Лему; устанавливаются условия и характеристики интерпретации текста, исходя из опыта Лема как писателя, читателя и философа. Путем множественной интроспекции, согласно своему читательскому и писательскому опыту, автор «Философии случая» фокусируется на задаче определения основ литературного произведения как продукта социально-культурного бытия. Одновременно в задачи автора входит установление характеристик создания и интерпретации художественного произведения. Особого внимания заслуживает «кибернетический» подход к интерпретации литературного произведения, основанный на сопоставлении характеристик текста и закономерностей математической теории вероятностей, теории информации. Футурологический подтекст «Философии случая» заключается в провидческом взгляде автора на текст как «саморазвивающуюся систему» (своеобразную нейросеть), способную развиваться и трансформироваться вместе с меняющимися условиями интерпретации. В этой связи автор выделяет несколько видов информации: селективную и структуральную. Оба вида информации могут восприниматься читателем в тексте, причем вид информации будет варьироваться в зависимости от намерений и опыта конкретного интерпретатора и условий акта интерпретации.

Ключевые слова: теория информации; вероятностная модель литературного произведения; теория интерпретации; культурные стереотипы.

Цитирование: Смердова Е.А. «Теория всего»: виды информации и теория интерпретации в «Философии случая» Станислава Лема // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 37–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-37-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Смердова Е.А., 2024 – кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе и инновационному развитию, Пермский институт железнодорожного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», 614000, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Максима Горького, д. 2.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.A. Smerdowa

Perm institute of railway transport – division of Ural state university of railway transport, Perm, Russian Federation
E-mail: smerdowa.ekat@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6896-4864>

«Theory of everything»: types of information and the theory of interpretation in «Philosophy of chance» by Stanisław Lem

Abstract: the article is focused on the S. Lem's perspective of the literary work as a product of the reader's apprehension of the text in the culture discourse. The aim of the research is to describe the Lem's view on the

structure of the text; Lem's encounter as a writer, a reader, and a philosopher is used to state the conditions and characteristics of the text interpretation. By the means of multiple introspection the author of "Philosophy of chance" devotes his research to the explanation of his model of the literary work as a product of the social-cultural existence. Moreover, the author's aim is to state the characteristics of the text creation and interpretation. Therefore, the research shows a new, "cybernetic" approach to the text interpretation based on the comparison between the text structural characteristics and the rules of the mathematical theory of probability and the theory of information. The futurological view lies in the hypothesis about the text as a "self-learning program" (also known as a neuronet) which can transform due to the developing conditions of the interpretation process. As a matter of fact, S. Lem highlights two types of information: selective and structural. Both types might be identified in the text, but that depends on the reader, his encounter and expertise.

Key words: theory of information; probabilistic model of the literary work; theory of interpretation; cultural stereotypes.

Citation: Smerdowa, E.A. (2024), «Theory of everything»: types of information and the theory of interpretation in «Philosophy of chance» by Stanislaw Lem, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 37–45, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-37-45>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Smerdowa E.A., 2024** – candidate of philology, deputy director for scientific work and innovative development of Perm Institute of Railway Transport – division of Ural State University of Railway Transport, 2, Maksim Gorki str., Perm, 614000, Russian Federation.

*Что есть бог?
Бог есть всё!*
Пиндар

*Литературное произведение
становится таковым через
общение с читателями.*
С. Лем

Введение

Как и любой исследователь, С. Лем в «Философии случая» стремится обособить познаваемый объект – литературное произведение в акте интерпретации. Однако, по признанию автора, сделать это оказывается затруднительным, ибо «Теория литературы тесно связана с биологией и затем психологией автора и читателя, с их же социологией, с теорией организации и информации, с эстетикой, теорией познания, культурной антропологией и так далее» (Лем 2007, с. 6). Как мы видим, попытка автора *prima facie* ограничить поле исследования оборачивается расширением этого поля до самых границ Вселенной, возрастающим в геометрической прогрессии количеством методик и направлений исследования. Именно поэтому и Лем, и его коллеги не раз называли «Философию случая» и предшествовавшую ей «Сумму технологии» (Лем 2006) не иначе, как «теорией всего». Исходя из этого есть все основания полагать, что на самом деле объектом исследования автора является модель поведения интерпретатора в акте интерпретации (и автора – в акте креации), а литературное произведение во всем многообразии своих форм, жанров и конкретных текстов – это не более чем иллюстративный материал.

Своей целью автор видит создание онтологически нейтральной методологии теории литерату-

ры. Для этого Лем прибегает к относительно новым для литературоведения (на момент написания книги) принципам различных наук, среди них: информатика, биология, социология, философия и др.

Принципы, которыми руководствовался автор при написании своей «теории всего» (*resp.* теории литературы), исходят из его намерения отойти от междисциплинарности литературоведения к «интердисциплинарности» – к такой методологии, которая будет достаточно независима как от специальных способов познания в философии, так и от языковой экспансии смежных теории литературы гуманитарных наук. Мы выделяем следующие принципы исследования литературного произведения в «Философии случая»:

1) метафизика как «внутриязыковой», философский способ познания позволяет избежать заблуждений некоторых эмпирических исследований, когда выводы могут быть основаны на конкретном фрагменте чувственного опыта, ничем не доказывающего собственной ценности: «...нельзя выбрать способ действия без предварительной оценки <...> а если эмпирия своими методами не способна распорядиться ценностями, то всегда останутся такие принципы, которые не представляют собой науку, но относятся к философии» (Лем 2006, с. 21);

2) «ангажированность» познания сводима к троякому влиянию на познающего субъекта – биологическому, культурно-общественному и языковому (Лем 2006, с. 22);

3) «интроспективность» познания в условиях интерпретации литературного произведения определяется тем, что «единственным видом «анализатора», который можно применить к литературному тексту, является читатель, а это не

объективный измеритель ни в каком физическом смысле» (Лем 2006, с. 25). Следовательно, фундаментальность заключений теоретика литературы базируется на анализе актов выражения, интендирования значения, осуществления значения во время интерпретации и креации произведения. Здесь необходимо отметить, что Лему удается сопоставить свой опыт как автора текстов и как читателя, что дает ему двойной слой интроспекции, а значит, разнообразие опыта интерпретации.

В своем исследовании Лем, если выразиться словами Б. Рассела (Рассел 2007), стремится к интенциональному описанию литературных произведений как класса, а не к экстенциональному. Мы понимаем это так, что автор не стремится описать все компоненты класса, но приписывает им общее свойство, коим он называет, как следует из названия труда, случай. Случай, как пишет С. Лем, является фактором раннего развития системы, когда она только приобретает собственно системные свойства, это характеристика креации (Рассел 2007, с. 27). Это явление можно понимать двояко. С одной стороны, так как автор создает новую теорию, «теорию всего», то случай становится тем фактором, который регулирует развитие сложных и больших систем. С другой стороны, случай рассматривается как фактор развития системы текста, зарождающегося литературного произведения в момент его креации.

Постановка задач. Наследие С. Лема представляет значительный интерес для исследователей во многих гуманитарных областях: от литературоведения до семиотики (Барышников 2021), (Козьмина 2021) и др. Наше исследование сконцентрировано на выявлении особенностей классификации видов информации и систематизации возможностей интерпретации литературного произведения в «Философии случая» С. Лема, а также на определении характера взаимодействия суждений Лема-писателя и Лема-читателя в процессе интроспекции.

Методология. Исходя из поставленных задач, мы прибегли в процессе исследования к феноменологическому (Блауштайн 2002), (Гуссерль 2011) и др. и логико-философскому анализу текста (Твардовский 1997) и др. На логико-философском уровне нас интересовал подход автора к особенностям языкового отображения действительности в литературном произведении, а также к возможностям языкового *creatio mundi*. На феноменологическом уровне мы анализировали характер авторской интроспекции, попеременно базирующейся то на писательском, то на читательском опыте С. Лема.

Ход исследования. Основные понятия, которыми пользуется автор «Философии случая», – это художественное произведение и интерпретация. Художественное произведение – это управляющая программа, заданная целостностью пси-

хофункциональных особенностей писателя, т.е. спецификой его личности (Лем 2007, с. 73). Примечателен здесь образ из информатики, который определяет литературное произведение в виде схемы, блоками которой являются генератор избыточной разнородности, «критериальные фильтры», отсеивающие избыточную разнородность, и программа (матрица) заданных преобразований, служащая для модификации отобранных ею же элементов на основании существующих директив (Лем 2007, с. 64). Здесь мы сталкиваемся с моделью текста как саморазвивающейся системы, каждая последующая трансформация которой происходит не в самом тексте, а в дискурсе. Согласно этой модели, можно предположить, что не мы читаем текст, а он «читает» нас, распознает наши психофункциональные особенности и «эмулирует» собственный образ в отображенной в нашем сознании текстовой картине мира.

Интерпретация же представляется автором как динамический стереотип поведения читателя при взаимодействии со смыслами текста (Лем 2007, с. 97). Этот стереотип работает на культурном, семантическом и языковом уровнях. **На культурном уровне** стереотип поведения интерпретатора объясняется правилами и установками, присущими тому обществу, в котором воспитан читатель – это те стереотипы поведения, которые складываются в социогенезе, социокультурные нормы и т.п. (Лем 2007, с. 98). Все эти структуры наполняют культурный дискурс и, следовательно, набор стереотипов поведения читателя при формировании отображенной текстом картины мира. **На семантическом уровне** стереотипность поведения интерпретатора литературного произведения будет регулироваться теми значениями, которые он готов «осуществить», исходя из своего читательского опыта. Чем больше жанров и стилей в литературе читателю известно, чем больше будет «директив» у матрицы преобразований, тем больше будет выбрано содержательных компонентов для анализа, а текстовая картина мира, таким образом, станет детальнее. **На языковом уровне** стереотипы поведения интерпретатора проявляются в масштабе определения грамматических связей словоформ в тексте, синтаксических конструкций, лексических валентностей и т.д. Применение каждого из стереотипов, подобно фильтру, расшифровывает конкретные для данного интерпретатора коды. Такой комплекс индивидуально-читательских стереотипов определяет характеристики процесса интерпретации.

Набор характеристик конкретного акта интерпретации, по Лему, становится идентифицирующим критерием информации. Иными словами, текст дает избыточные сведения, которые несведущий *sensu lato* интерпретатор не обнаружит в силу своей неосведомленности, а продвинутый

читатель создаст собственную, только его психо-функциональным особенностям присущую матрицу смыслов, которые сложатся в текстовую картину мира. Следовательно, только характер интерпретации позволит отличить разные виды информации. *Eo ipso* литературное произведение, как указывается в «Философии случая», содержит два вида информации: селективную и структуральную. **Селективная информация**, в отличие от структуральной, соотносит не с внеязыковой действительностью, а с «распределением артикуляционных вероятностей» в тексте (Лем 2007, с. 104). К такой информации неприменимы критерии «истинности/ложности» или «познавательной адекватности» в принципе. Напротив, информация **структуральная**, или семантическая, изображает ситуации, от которых неотъемлемо правдоподобие по отношению к реальным событиям (Лем 2007, с. 105). Информация получает свое свойство в акте интерпретации. *Sapientia sat*: воспринять отображенную автором картину мира сможет лишь тот, кто уже обладает достаточным для опыта, знанием в конкретной области, «коммуникативной предрасположенностью» к данному комплексу смыслов.

Интересным в этой связи нам представляется пример С. Лема со слабослышащим родственником. Слабослышащему собеседнику сложно различить, перепутал ли он предмет речи, не поняв его, либо верно его реконструировал на основании догадки, исходя из того, что ему удалось разобрать в речи собеседника. Кратко говоря, слабослышащий не стремится ориентироваться в том, чего не слышит (Лем 2007, с. 146). Соответственно, два интерпретатора – один с ограниченным опытом интерпретации и другой – с избыточным – не смогут различить таких ситуаций интерпретации, когда они не разобрали семантической информации, а когда – разобрали. Оба интерпретатора будут пребывать в уверенности, что совершили максимально успешный акт интерпретации, и так и будет, если критерием успешности интерпретации избрать способность интерпретатора применить весь свой багаж знаний и опыта для декодирования смысла текста. Другими словами, как с помощью интернет-браузера нельзя найти того, чего ты не знаешь (о чем не в состоянии сформировать запрос), так и в литературном произведении нельзя найти того, чего ты не ищешь, о чем не имеешь понятия, что уже хотя бы раз не находил в реальном мире или в других текстах. Хотя автор разъясняет, что любое поведение интерпретатора является частным случаем общей теории интегративного управления иерархически сложными системами (Лем 2007, с. 293). Отсюда следует, что отношения смыслов и интерпретаторов регулируются управляющей программой, которая обладает способностью трансформироваться: «Сама

многочисленность процессуальных элементов, участвующих в этом интегративном процессе, множество неизбежных при этом актов кодирования и декодирования, включений, взаимных влияний <...> – все это неизбежно делает генетические и литературные системы лабильными, пластичными и эластичными» (Лем 2007, с. 293). Стабилизирующими факторами в интегративной системе смыслообразования становятся стереотипы. С. Лем отводит одну из главных ролей в этом процессе языку.

Язык является для автора экзистенциальным фактором, орудием, без которого человеческая цивилизация едва ли смогла бы функционировать как единая система. А. Бергсон утверждал: «Мы не переходим от звуков к образам и от образов к смыслу: мы с самого начала помещены в смысл <...> чтобы осуществлять возможные обозначения и даже продумывать их условия» (loc. cit.: Делёз 1995, с. 45). Если бы не язык как стабилизирующий фактор познания процессы взаимодействия внутреннего мира человека и внешнего мира были бы, скорее всего, невозможны. Эту мысль подтверждает общая теория языковых моделей: «Язык интерпретирует действительность, согласно потребностям человеческого общения, выбирая из действительности одно и игнорируя другое, искажая даже сознательно. А формальные структуры и модели остаются теми же самыми в языке» (Лосев 1968, с. 33). С. Лем, в свою очередь, называет язык «коррелятом интегрированных нейронных состояний», своеобразной матрицей, моделью нейронных схем тела, ощущений, «включенных» в окружающую действительность (Лем 2007, с. 87). Однако при помощи языка возможно не только восприятие смыслов, но и создание на их основе новых возможных миров.

Язык – инструмент *creatio mundi*, прием создания текстовой картины мира (Хинтикка 1980), (Handke 1991), (Dajnowski 2005). Действительность не просто описывается языком, но задает его «вероятностную матрицу», включающую вероятностное распределение реальных фактов и фактов языка (Лем 2007, с. 100). Интересно то, что автора занимает не столько нормальное распределение показателей в этой вероятностной матрице, сколько «случайное», такое, которое позволяет языку создавать *n* действительностей, не изоморфных данной нам.

По теории Лема, язык и является, очевидно, тем фактором случайности, той саморазвивающейся системой, которая вслед за «линейным сканированием» реального положения дел обращается к воссозданию положения дел, сопоставимого или не сопоставимого с действительностью, «обучившей» ее. При этом автор не удерживается от словотворчества даже во время своих рассуждений, например, определяя конвенциональную природу

коннотаций, рождающихся из регулярного повторения отношений (*resp.* связей) между знаками, он приводит в пример *grдысь* («*grдысь рычит*»; «*grдысь хотел напиться*») (Лем 2007, с. 261). Словно заново окунувшись в богатейший мир флоры и фауны планеты Энтеропии (Лем 2012), мы обнаруживаем в этом словоупотреблении ярчайшую иллюстрацию идеи С. Лема о неограниченной силе языка как орудия *creatio mundi*.

Несмотря на очевидную склонность автора к интроспекции (так как научным исследованием Лема назвать нельзя из-за разнородности материала исследования), к феноменологии он относится прохладно, называя ее «*гистологией* литературного произведения» (здесь – курсив автора. Прим. Е.С.) (Лем 2007, с. 44). Автор, скорее, направляет свое внимание на динамику нормальных распределений и осцилляций смысла в акте интерпретации, нежели на «наглядности» и «схематизированные представления» (здесь – кавычки автора. Прим. Е.С.). Стоит отметить, что учение Э. Гуссерля выступает в «Философии случая» своеобразным риторическим противовесом, иллюстрирующим то, о чем автор говорить не намерен, и оттеняющим таким образом настоящий предмет речи – структуралистский (хотя автор подчеркивает, что не во всем согласен с этим подходом) анализ актов интерпретации и креации литературного произведения. При этом нас, с феноменологической точки зрения, интересует характер актов интендирования и осуществления значения самим Лемом, реализуемых с двух позиций: Лема-писателя и Лема-читателя.

В обращении Лема к собственному читательскому опыту прослеживается логика. Если опустить иллюстрации к авторским рассуждениям, взятые преимущественно из польской литературы (Г. Сенкевич, М. Домбровская, Г. Мнишек), а также из произведений У. Голдинга, Ф. Кафки и др., автор подвергает глубокому и вдумчивому структуралистскому и культурологическому анализу произведения А. Роб-Грийе, У. Эко и Т. Манна. Все три автора – не просто писатели, по Лему, а создатели культурных стереотипов, тех самых, которыми руководствуется вся масса читателей после них в процессе выбора из среды избыточной информации литературного произведения релевантных смыслов. Рассмотрим каждый из стереотипов в отдельности (наименования стереотипов – наши. Прим. Е.С.)

Ален Роб-Грийе и культурный стереотип «Новый роман». А. Роб-Грийе как признанный мастер нового романа интересует автора «Философии случая» в связи со свойством антиромана избегать «стабилизированного восприятия», основанного на общепринятом распределении фактов языка и фактов текстовой картины мира. Как указывает Лем: «Для неискушенного дешифра-

тора код, которого он не может видеть (иначе говоря, который для него не существует), выступает как код случайный (здесь – курсив автора. Прим. Е.С.) (или отсутствие кода – “шум”)» (Лем 2007, с. 236). Антироман Роб-Грийе включает подобный «шум», созданный обилием аллюзий и реминисценций к культурному дискурсу, деконструкцией хронотопа и т.д. Отличительной особенностью нового романа является желание автора присутствовать одновременно как в реальном мире, так и в созданном им текстовом мире (Лем 2007, с. 244). Опишем основные свойства нового романа А. Роб-Грийе как культурного стереотипа, согласно С. Лему:

1) «принцип связывания отдельных случаев в циклы типа более или менее замкнутой на себя петли» – образы и положения дел в романе не имеют друг к другу прямого логического отношения, но могут получить такое отношение в ряде случаев только по «велению автора»;

2) «неожиданные и в норме “запрещенные” переходы от высоких уровней (игры) к “нулевому” (действительности)» (здесь – кавычки автора. Прим. Е.С.) – проявляется в атипичном хронотопе, не характерной для действительности иерархизации событий и т.д.;

3) антиномичность повествования, когда «бок о бок встают версии событий, уже не только не связанные друг с другом, но друг другу противоречащие»;

4) «петлистость» (здесь – кавычки автора. Прим. Е.С.) повествования, выражающаяся в своеобразном лабиринте событий и положений дел, причинно-следственные связи между которыми не только мало различимы, но и откровенно противоречивы;

5) гетерогенность трансформирующих операторов – повествование, композиция, хронотоп, система персонажей не имеют постоянных, регулярных правил, которые, пусть даже в силу своих «магических» свойств, стабилизировали бы восприятие интерпретатором литературного произведения. Функционирование антиромана построено на трансформирующих операторах, постоянно изменяющих свою направленность и «полюс», таким образом, повествование избегает эффектов однородности, конвенциональности (связи с действительностью);

6) «принцип тасования» – во избежание уплощения читательских ожиданий от повествования на определенную тему, автор применяет один из трансформирующих операторов *ad hoc*, когда повествование становится слишком «стереотипным» (Лем 2007, с. 252–267).

Несмотря на кажущуюся стохастичность, даже хаотичность нового романа, стоит признать, что его цельность и связность не нарушается, потому что использование автором трансформирующих

операторов происходит детерминированным образом, исходя их тематических стереотипов. Да, автор стремится к деконструкции действительности и умножению «лабиринта смыслов», но имманентная структура текста, позволяющая нам воспринимать его именно как текст, не позволяет автору совершенно отойти от стереотипности. Таким образом, мы можем говорить о рождении новой стереотипности, стереотипности трансформации повествования, стереотипности временных петель, стереотипности мутирующих образов, трансформирующегося языка, смысловых тупиков и ям. Если говорить словами Лема: «Чем необычнее и новее способ, которым развивается нарратив, тем более старым и окаменелым, давно известным читателю (то есть банальным) неизбежно становится ее предмет» (Лем 2007, с. 268).

Томас Манн и культурный стереотип «Миф». Т. Манн моделирует в своих произведениях образы гиперболизированные, чтобы можно было детально исследовать те или иные качества, свойственные конкретной группе людей (художники, грешники, святые и т.д.). Мифы в изложении Манна вписаны в современную ему культурную традицию, они взаимопроникающие, трансформированные в соответствии с теми образами, которые возникают в современной автору культуре. Приведем сопоставительный анализ мифа и эмпирии, выполненный С. Лемом в связи с анализом текстов Т. Манна (табл. 1).

изображая ход его возникновения и эволюции (Там же, с. 667). Миф, по Манну, не есть продукт ушедших эпох, а, скорее, методология познания, современная каждому познающему субъекту, готовому обратиться к свойствам и образам современников будто бы увеличенным, макроскопическим. Читателю в этом случае не следует задаваться вопросом «Как все было на самом деле?», потому что миф стабилизирует не только процесс интерпретации литературного произведения, но и мировосприятие читателя, нормирует ход познания, регулирует способ действий на экзистенциальном уровне.

Каждая эпоха нуждается в мифах, не только о современности, но и о прошлом. Мифологизация становится способом погружения в культурный дискурс, а иногда и способом коммуникации сквозь поколения. В этой связи вспоминается размышление У. Эко о возможности предупреждения последующих поколений о грядущей опасности. Такая проблема возникла в США, когда правительственные органы заинтересовались вопросом ограждения территории, на которой хранились ядерные отходы, на сотни лет вперед. Каким образом можно донести информацию до потомков? Какие знаки, какие способы распространения информации будут самыми эффективными в этом случае? Выбор был огромен: от системы различных символических обозначений, окружающих территорию, до выпуска специальной литературы и ее распространения среди местных жителей. Но, как оказалось на проверку, все эти способы

Сопоставительный анализ мифа и эмпирии, согласно С. Лему
A comparative analysis of myth and empiricism, according to S. Lem

Таблица 1

Table 1

Миф	Эмпирия
<ul style="list-style-type: none"> • устанавливает отношение к миру и людям в нормативном плане; • руководящим началом служит предопределение; • представляет собой кружение образами, притчами, иносказаниями вокруг «тайны», экзистенции, судьбы; • информация, застывшая в совершенной самодостаточности, в величии незамутненного откровения; • кольцеобразно замкнут, статичен; • время – это круговращение; • допускает изменение и попеременность воплощений (Лем 2007, с. 656). 	<ul style="list-style-type: none"> • выводит отношения человека к миру и другим людям из исследования реальных событий; • руководящим началом может служить стохастичность, статистика; • исследуются причинно-следственные связи; • сомневающаяся, несовершенная; • время – вектор, направленный из прошлого в будущее (Лем 2007, с. 656)

Как следует из табл. 1, миф – это информация, которая не требует подтверждения, ибо она нормирует ход вещей, а не фиксирует его, подобно эмпирии. По признанию С. Лема, Манн беллетризирует миф, даже делает его своим «главным героем»,

меркли со временем, и тогда родилось единственно верное решение – передача легенд о том, что это место (место захоронения ядерных отходов) проклято и селиться на нем нельзя ни при каких условиях (Эко 2007). Миф и только миф фор-

мирует отношение человека к действительности сквозь века.

Отличительной особенностью мифа является его направленность на реально наблюдаемые явления, которым приписываются сверхъестественные связи и причины. Однако мифы Манна отличаются некой «червоточиной»: зачастую то, что герои Манна ложно принимают за судьбоносную причину того или иного положения дел, оборачивается объяснимой эмпирически и неверно интерпретированной ситуацией, не имеющей ничего общего с провидением и оказывающейся трагичной для героя (а иногда и смертельной).

Умберто Эко и культурный стереотип «*Liber acephalus*». На литературной сцене фигуры Умберто Эко и Станислава Лема заметно схожи. Оба литератора являются философами и публицистами: У. Эко – признанный медиевист, а С. Лем – футуролог. Оба владеют латинским языком, имеющим, надо сказать, различные источники: Лем – медик по образованию, Эко – историк, изучающий в оригинале средневековые тексты, в том числе на латыни. Наконец, и Лем, и Эко имеют склонность к «литературной рефлексии» и используют собственные тексты для анализа и иллюстрации мыслей в своих же публицистических произведениях. Такие фигуры в культурном дискурсе заметно прибавляют осознанности литературству, теории литературы и теории интерпретации. И, безусловно, тот факт, что один из них приступил к анализу наследия другого, является уникальным случаем литературской и литературоведческой рефлексии.

Культурный стереотип, создаваемый Эко, можно назвать, исходя из рассуждений Лема, «*Liber acephalus*», или «Книга без головы». Суть стереотипа проста – нет ничего нового на Земле, а то, что было раньше, случится в будущем (едва ли кто-то, кроме Екклесиаста, сможет выразить эту мысль точнее). Однако в поле внимания Лема попадает не сама идея Екклесиаста, выраженная У. Эко в романе «Имя розы», но процесс ее «реконструкции» в повествовании итальянского медиевиста и дальнейшая судьба получившегося таким образом произведения в культурном дискурсе. «Книга без начала» – это культурный код современности, как для Эко, так и для Лема, и для монахов-францисканцев, и для всех прошедших и будущих поколений. Но, на наш взгляд, этот культурный стереотип имеет еще одно измерение, о котором рассуждает Лем, – измерение цивилизации «*sine sacrum*», общества, в котором *ratio* постепенно исключает духовность, а отсутствие крепкого духа влечет гибель богов, а мы знаем, что за гибелью богов воспоследует и наша собственная.

Ход анализа «Имени розы» Лемом мы представляем в виде полей: дискурсивного, сюжетного и языкового. В процессе продвижения от общих культурологических замечаний до описания линг-

вистических особенностей текста (речь идет, в большей мере, об особенностях языковой игры, а не об особенностях языка повествования, потому что Лем читал роман в немецком переводе) автор «Философии случая» находит стохастический фактор в креации текста У. Эко и подвергает анализу его произведение с использованием «ковариантной трансформации» (здесь – кавычки автора. Прим. Е.С.). Обратимся же подробнее к особенностям полей, выделенных в анализе текста У. Эко в «Философии случая».

Дискурсивное поле включает описание автором «Философии случая» возможных причин популярности «Имени розы» у массового читателя. Следуя результатам интроспекции, автор приходит к нескольким выводам:

1) избыточность планов повествования позволяет читателю выпускать фрагменты, которые не содержат информации, интересной ему в данный момент: «...Когда я в первый раз читал “Имя розы”, то пропускал целые страницы текста: слишком пространные, как мне казалось, описания <...> По-видимому, так же поступало и большинство читателей» (Лем 2007, с. 464);

2) «вневременность» фактов текстовой картины мира предполагает, что читатель любой эпохи после Эко с большой долей вероятности найдет в «Имени розы» указания на современные ему реалии. Лем называет этот прием «...[умением] находить либо аранжировать такие обстоятельства и ситуации, которые позволяют собрать в один фокус максимум повседневных (но равным образом эсхатологических) человеческих дел» (Лем 2007, с. 470);

3) «анахроническая» модель повествования включает вкладывание автором «Имени розы» в уста героев романа идей, получивших распространение десятилетия и даже века после описанного в романе XIV века. Наряду с кажущейся аутентичностью, созданной гением эрудита-медиевиста, анахронизмы философских суждений создают «лабиринт смыслов», похожий на тот, в котором блуждали Вильгельм Баскервильский и Адсон в монастырской библиотеке. Как указывает Лем: «...Эко ничего такого не позволил бы себе в каком-нибудь своем научном или дискурсивном труде, здесь же он воспользовался правами, какими его снабдила *licentia poetica*» (Лем 2007, с. 471).

В сюжетном поле находят отражение принципы, включившие произведение в культурный дискурс. Автор намеренно запутывает читателя, внося в повествование антиномичные идеи: с одной стороны, Вильгельм Баскервильский стремится мыслить и действовать рационально, дедуктивно, «контрангажированно», но его «*sine sacrum*»-подход становится причиной многих опасностей (неслучайно аббатство уничтожается в пожаре). Напротив, фанатичный слепец Хорхе, безапелля-

ционно мыслящий, консервативный, являет собой пророка, можно сказать, футуролога, предвидящего скорое уничтожение общества, в котором не стремятся к высокой духовности, скромности, нестяжанию и, конечно, к отсутствию смеха, как одного из главных, по роману, инструментов дьявола. Дихотомия *sacrum* и *profanum*, трагедии, несущей катарсис, и сиюминутно развлекающей комедии не единична, в «Имени розы» немало дихотомий: любовь мистическая – и эротическая, богатство – и бедность, власть духовная – и светская и т.д. (Лем 2007, с. 465). Особенность повествования «Имени розы» заключена в том, что в разных частях произведения то одна, то другая часть дихотомического комплекса становится относительно истинной, эффективной, доказанной в том или ином рассуждении. Это еще один сюжетный прием У. Эко – тенденция открытости произведения в том смысле, какой определяет Эрвин Паннофски: «...[это] последний и окончательный смысл, обнаруживаемый в различных художественных феноменах независимо от сознательных решений и психологических установок автора» (loc.cit.: Эко 2004, с. 9). Как добавляет сам Эко, такое понятие указывает не столько на то, как художественные проблемы решаются, сколько на то, как они ставятся (Ibid.). Стремление «Имени розы» к открытости проявляется во множественности смыслов, которые могут обнаружить интерпретаторы с широким и узким кругозором, а значит, в разнообразии проблем, которые текст поднимает и, возможно, которым находит решение.

Языковое поле «Имени розы» соответствует двум другим полям – дискурсивному и сюжетному. Во-первых, автор «наращивает» аутентичность повествования нагромождением цитат, выходных данных существующих и несуществующих произведений, авторов и т.п. Таким образом создается культурный дискурс возможного текстового мира – прием, хорошо известный С. Лему и применявшийся некоторыми другими писателями, например, Х.Л. Борхесом. Во-вторых, автор «Имени розы» стремится воссоздать идиостиль монахов XIV в., проследить особенности их речи: «... главные тенденции эпохи Эко показал в соответствии с исторической истиной, как она известна науке. Эта истина образует семантическую глубину романа и функционирует как своего рода резонатор, усиливающий впечатление от чтения» (Лем 2007, с. 466).

Лем называет «Имя розы» романом одновременно реалистическим и фантастическим. Фантастичность повествования в романе Эко кроется, по Лему, в смешении эпох, в приведении их «к единому знаменателю» (здесь – кавычки автора. Прим. Е.С.) Очевидно, что схоласты, рассуждающие категориями Маркса и Фрейда, – прием, создающий фантастическую текстовую картину

мира. По словам С. Лема, они с У. Эко используют один и тот же прием – футурологический прогноз на основании глубокого анализа социальных и культурологических проблем современности, только «заходят с разных сторон временной шкалы». Реалистическим этот роман можно назвать, исходя из ковариантной трансформации, позволяющей увидеть сходные характеристики современности и современников и представителей других эпох, если взять человека за некую «constans» (Лем 2007, с. 470).

Полученные результаты и выводы

В результате логико-философского анализа «Философии случая» С. Лема нам удалось выявить основные категории, которыми оперирует автор в ходе исследования поведения интерпретатора в акте интерпретации и креации текста. Литературное произведение Лем считает управляющей программой, регулируемой психофункциональными особенностями интерпретатора. Интерпретация при этом подчинена процессам извлечения релевантных смыслов с использованием матрицы преобразований, снижающей избыточность информации в произведении. Интерпретация является продуктом социальным, основанным на культурных стереотипах. С. Лем выделяет несколько произведений мировой литературы как возможных носителей таких новых культурных стереотипов, как: «Новый роман», «Миф» и «*Liber acephalus*». Каждый из стереотипов принадлежит писателю, чье творчество внесло значимый вклад в культурный дискурс, а соответственно: А. Роб-Грийе, Т. Манн, У. Эко. На феноменологическом уровне мы обнаружили признаки разносторонней интроспекции, позволившей С. Лему рассуждать не только о процессе создания новых текстовых миров как писателю, но и о восприятии возможных миров интерпретатором (например, при анализе романа У. Эко «Имя розы»).

Библиографический список

- Dajnowski, M. (2005), *Groteska w twórczości S. Lema*, Wydawnictwo uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk, Poland.
- Handke, R. (1991), *Ze Stanisławem Lemem na szlakach fantastyki naukowej*, Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne, Warszawa, Poland.
- Lem, S. (2012), *Dzienniki gwiazdowe*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.
- Барышников П.Н. Станислав Лем о философии языка: восстановление по обрывкам фраз // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanislaw-lem-o-filosofii-yazyka-vosstanovlenie-po-obryvкам-fraz> (дата обращения: 03.08.2024).

Блауштайн Л. Избранные сочинения. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2002. 280 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. В 2 тт. Т. 2. Ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания. Москва: Академический проект, 2011. 565 с.

Делёз Ж. Логика смысла. Москва: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.

Козьмина Е. Теория научной фантастики и творчество Лема: диалог с Анджеем Стоффом // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*. 2021. № 9. С. 57–75. DOI: <http://doi.org/10.24917/23534583.9.4>.

Лем С. Сумма технологии. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2006. 668 с.

Лем С. Философия случая. Москва: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 767 с.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. Москва: Московский ордена красного знамени госуд. пед. ин-ут им. В.И. Ленина, 1968. 295 с.

Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2007. 264 с.

Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 252 с.

Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования. Москва: Прогресс, 1980. 448 с.

Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 121 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2007. 502 с.

References

Dajnowski, M. (2005), *Groteska w twórczości S. Lema*, Wydawnictwo uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk, Poland.

Handke, R. (1991), *Ze Stanisławem Lemem na szlakach fantastyki naukowej*, Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne, Warszawa, Poland.

Lem, S. (2012), *Dzienniki gwiazdowe*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Baryshnikov, P.N. (2021), Stanislaw Lem about the philosophy of the language: reconstruction with the fragments of the speech, *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*, № 2 (20), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanislav-lem-o-filosofii-yazyka-vosstanovlenie-po-obryvкам-fraz> (Accessed 3 Aug 2024).

Blaushtain, L. (2002), *The selected works*, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, Russia.

Gusserl', E. (2011), *The logical studies*, in 2 vol., vol. 2, part 1, Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

Koz'mina, E. (2021), The theory of science-fiction and S. Lem's creative work: dialogue with Andrew Stoff, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*, no. 9, pp. 57–75, DOI: <https://doi.org/10.24917/23534583.9.4>.

Delez, Zh. (1998), *The logic of sense*, Raritet, Moscow, Delovaya kniga, Ekaterinburg, Russia.

Lem, S. (2006), *Summa technologiae*, AST, Moscow; Terra Fantastica, Saint-Petersburg, Russia.

Lem, S. (2007), *Philosophy of chance*, AST: KHRANITEL, Moscow, Russia.

Losev, A.F. (1968), *The introduction to the universal theory of models*, Moskovskii ordena krasnogo знамени gosud. ped. in-ut im. V.I. Lenina, Moscow, USSR.

Tvardovskii, K. (1997), *Logical-philosophical and psychological studies*, «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), Moscow, Russia.

Rassel, B. (2007), *Introduction to mathematical philosophy*, Sibirskoe universitetskoe izd-vo, Novosibirsk, Russia.

Khintikka, Ya. (1980), *Logical and epistemological studies*, Progress, Moscow, USSR.

Eko, U. (2004), *The open work*, Akademicheskii proekt, Saint-Petersburg, Russia.

Eko, U. (2007), *The role of the reader, Explorations in the semiotics of texts*, Simpozium, Saint-Petersburg, Russia.

Submitted: 15.06.2024

Revised: 01.09.2024

Accepted: 02.10.2024

НАУЧНЫЙ ОБЗОР
УДК 821.161.1-3

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52

Дата поступления: 22.06.2024
рецензирования: 03.09.2024
принятия: 10.10.2024

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Массовый человек и его речевые амплуа простака, балагура, ментора в русской прозе 1920-х годов

Аннотация: в научном обзоре идет речь об осмыслении образа массового человека в литературе 1920-х годов. В поле внимания находятся как собственно художественные тексты писателей этого десятилетия, так и принципиально важные исследования, посвященные данной проблеме. Ведущими исследовательскими технологиями избираются историко-типологический и сравнительный методы. Они позволяют изучить субъектную организацию прозаических произведений и создать научную классификацию наиболее репрезентативных явлений в этой сфере. Учитываются современные достижения в теории повествования. Как известно, в условиях революционного слома всей знаковой системы бытия изменилось соотношение быта и «внебытового» начала. Возросла роль публичного измерения, жизнь человека выходила на улицу, площадь, возник крен в сторону коллективистского «мы». Обычный человек обрел голос и неизбежно становился в какой-то степени историческим «деятелем». Для писателей этот человек представлял интерес как субъект сознания и субъект речи. Спектр речевых амплуа массового человека достаточно велик. Тут и простак, и шут, и балагур, и лицедей, и плут, и подпевала, и ограниченный человек, и глупец, и поучающий ментор, и недалекий судья. Массовый человек репрезентирует себя в текстах по-разному: 1) в отдельных репликах, отведенных ему автором, 2) в развернутых монологах, и, наконец, 3) в прозе чрезвычайно активизировались комически окрашенные целостные сказовые формы, возник спрос на фигуру рассказчика, способную заменить традиционную фигуру «всеведующего» повествователя, близкого автору. Этот рассказчик полностью подчиняет себе повествование, в тексте начинает господствовать фразеологическая точка зрения персонажа – инициатора события рассказывания.

В научном обзоре идет речь о произведениях М.М. Зощенко, П.С. Романова, А.Н. Толстого, В.Я. Шишкова, М.Я. Козырева, Ю.Л. Слезкина. При этом уделяется внимание таким противоположным речевым ипостасям массового человека, как беззлобный балагур, превращающий все и вся вокруг в театр жизни, и сурово поучающий ментор, отличающийся речевой агрессией. Все эти примеры свидетельствуют, что традиционный «маленький человек», знакомый по предыдущей литературе, становясь в новых исторических условиях «массовым человеком» и обретая статус инициатора рассказывания, в то же время не обретает должного личностного развития и обнаруживает свою стереотипность и мелкость.

Ключевые слова: массовый человек; субъект речи; речевое амплуа; сказ; балагурство; менторский тон; агрессивное невежество; редукция личностного; плутовство; лицедейство; молва; ситуация скандала.

Цитирование: Голубков С.А. Массовый человек и его речевые амплуа простака, балагура, ментора в русской прозе 1920-х годов // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 46–52. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2024 – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

The mass person and their speech roles of a simpleton, a buffoon, a mentor in the Russian prose of the 1920s

Abstract: the scientific review deals with the understanding of the image of the mass person in the literature of the 1920s. The focus of our attention includes both the actual literary texts of the writers of this decade, as well as fundamentally important studies devoted to this problem. Historical-typological and comparative methods are chosen as leading research technologies. They allow us to study the subjective organization of prose works and create a scientific classification of the most representative phenomena in this field. Modern achievements in narrative theory are taken into account. It is widely known that in the revolutionary breakdown of the entire symbolic system of being the ratio of everydayness and non-everydayness has changed. The role of the public dimension increased, human life went out onto the street, the square, and there was a tilt towards the collectivist "we". An ordinary person found their voice and inevitably became, to some extent, a historical "figure". For writers, this person was of interest as a subject of consciousness and a subject of speech. The range of speech roles of the mass person is quite large. There is a simpleton, and a buffoon, and a joker, and a performer, and a cheat, and a singer, and a limited person, and a fool, and a teaching mentor, and a narrow-minded judge. A mass person represents himself/herself in texts in different ways: 1) in the individual lines assigned to him/her by the author, 2) in detailed monologues, and, finally, 3) in prose. In the latter case comically-colored and holistic forms of fantasy-narrative became extremely active: there was a demand for a narrator figure capable of replacing the traditional figure of an "omniscient" narrator close to the author. This narrator completely subordinates the narrative, and the phraseological point of view of the character who initiated the storytelling event begins to dominate the text. The scientific review deals with the works of M.M. Zoshchenko, P.S. Romanov, A.N. Tolstoy, V.Ya. Shishkov, M.Ya. Kozыrev, Y.L. Slezkin. At the same time, attention is paid to such opposite speech reflections of the mass person as a harmless buffoon who turns every thing and every being around themselves into a theater of life, and a severely instructive mentor, distinguished by speech aggression. All these examples show that the traditional "little person" (familiar from previous literature and becoming a "mass person" in new historical conditions and gaining the status of the initiator of storytelling) does not at the same time acquire proper personal development and reveals his or her stereotypicality and shallowness.

Key words: mass person; subject of speech; speech role; tale; buffoonery; mentoring tone; aggressive ignorance; reduction of the personal; cheating; acting; rumor; scandal situation.

Citation: Golubkov, S.A. (2024), The mass person and their speech roles of a simpleton, a buffoon, a mentor in the Russian prose of the 1920s, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 46–52, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Golubkov S.A., 2024 – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Грандиозные российские события 1917 года и последующих лет, широкие массовые движения, митинговые страсти – все это закономерно привело к радикальным изменениям содержания и формы отечественной литературы. Разумеется, художественная литература (как и искусство в целом) в определенной степени обладает таким качеством, как известная инерция, что отличает высокую литературу от газетной экспресс-публицистики, моментально откликающейся на так называемую «злобу дня». И, тем не менее, происходящее на улицах и площадях не проходило бесследно для литературы, становилось не только актуальной тематикой литературных сочинений того времени, но и диктовало принципиально новые способы закрепления в слове разнородного жизненного материала, способствовало рождению новых образных форм. Так, менялась субъектная организация повествовательного текста. Носитель простонародной речи из традиционного пассивного объек-

та изображения все больше и больше становился активным субъектом речи, забирая себе функцию самостоятельного инициатора повествования.

В литературе 1920-х годов человек из широких народных масс обрел свободу самовыражения. В прозе этих лет мы находим разные варианты непосредственного «присутствия» массового человека как субъекта сознания и субъекта речи. Во-первых, он активно заявляет о себе в тех многочисленных или немногих репликах, которые ему отвел автор прозаического произведения. Во-вторых, когда количество таких реплик неизменно разрастается, рассказ приобретает драматургический облик небольшой сценки, а слова повествователя приобретают характер ремарок как привычных паратекстовых элементов драмы. В-третьих, когда персонаж приобретает функцию основного инициатора повествования и становится единственным рассказчиком, подчиняющим всю вербальную систему произведения, мы имеем дело со сказом как с продуктивно развивавшейся

в эти годы повествовательной формой и стилевой тенденцией.

И в том, и в другом случае массовый человек как субъект речи являл себя в разных ипостасях (амплуа). Это мог быть *простак*, по-детски наивно удивляющийся изменившимся реалиям действительности и действующий порой невпопад по отношению к принятым условностям. Это мог быть *балагур*, избирающий роль шута, предпочитающего беспечно высмеивать все и вся на потребу невзыскательной публики. Но это мог быть и *ментор*, нахватавшийся на митингах и всевозможных собраниях новых слов и стремящийся безапелляционно и сурово поучать окружающих.

Ход исследования

Революция и последовавшая за ней гражданская война – это время, когда в привычный бытовой уклад вторглось *внебытовое*, то, что принято называть поступью Истории, сломом времен. Изменилась вся знаковая система бытия во всей совокупности ее компонентов (политических, экономических, социокультурных, психологических, повседневно-бытовых). Радикальные изменения жизни коснулись каждой семьи, сделали каждого человека в той или иной степени историческим «дейтелем», поставили перед судьбоносным выбором. К сожалению, подобные исторические катаклизмы нередко приводили многомерное бытие к простенькой двуцветной схеме: *белые / красные; свои / чужие; друг / враг*. Это пребывание в системе элементарных бинарных оппозиций заставляло человека забыть о многообразии жизни, о цветущей сложности социокультурных процессов. Брали верх примитивизация выбора, воплощенная в известной фразе: «Кто не с нами, тот против нас».

Время революционного катаклизма характеризовалось резко выраженным креном в сторону коллективистского «мы». В этом были и свои плюсы, и свои минусы. К плюсам, бесспорно, можно отнести обретение населением своего голоса. Страна стала воистину народным дискуссионным клубом. Площади, вагоны-теплушки, избы-читальни – все превратилось в пространство ежедневного спора. Митинг стал школой формулирования мысли.

Однако одновременно безусловными минусами такого торжества вдруг заговорившей толпы были редукция личностного, возврат к племенному сознанию, к архаике. Небрежение отдельным человеком во имя сохранения массы приводило к тому, что безнаказанное насилие становилось чертой повседневности, убийство – обычным делом. Сложность исторического момента выразил Евгений Замятин в статье «Завтра»: «Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс; завтра – принесет освобождение личности во имя человека» (Замя-

тин 1988, с. 407–408). Указание автора на «завтра» несло в себе зерно социального оптимизма.

Литература в наиболее репрезентативных образцах становилась живым свидетельством массового человека о переживаемом времени. И это касалось не только произведений, выполненных в формате документальной прозы, примером которой могла служить книга С.З. Федорченко «Народ на войне» (Федорченко 2014), представлявшая собой своеобразное коллективное «интервью» воюющих масс. Пример обновленных субъектно-объектных отношений в прозе являли собой и произведения о будничной крестьянской жизни, скажем, рассказы и повести А.С. Неверова 1917–1923 гг. Прозу данного писателя отличал художнический интерес именно к *бытовым* коллизиям. Казалось бы, изображение народного быта отошло в это время в тень, ведь события Первой мировой войны, революций, Гражданской войны заостряли внимание на эпохальных катаклизмах, масштабных тектонических сдвигах. Но, скажем, А.С. Неверов в рассказах «Андрон Непутевый», «Марья-большевичка», в романе «Гуси-лебеди» шел от внешнего и очевидного вглубь, убедительно демонстрируя, как происходящее «на семи ветрах» широких публичных пространств проникает и в структуру повседневных бытовых отношений, затрагивает саму атмосферу повседневного существования мини-социума крестьянской семьи. Привычный уклад жизни подвергается кардинальным изменениям, в жизнь входят новые реалии, совершенно новые слова и выражения, люди обретают новые социальные роли.

Массовый человек во всем многообразии его речевых амплуа в эти годы входит в персонажный ряд сочинений самых различных по тематике, типу художественного мышления и жанру. Он присутствует в художественной системе произведений синтетического плана, где реалистическая поэтика включает в свой состав романтические, экспрессионистические, импрессионистические компоненты. Он оказывается в центре писательского внимания в самых разнообразных жанрах – в тяготеющих к масштабному трагедийно-эпическому развороту повестях и романах о современности, в легковесно-юмористических газетных фельетонах, в затейливой авантюрной прозе, в фантастических текстах, в документальных книгах-монтажах. В этом отношении интересен опыт обращения А.Н. Толстого к фантастике. Автор романа «Аэлита» производит своеобразное «заземление» темы межпланетных путешествий и контакта с инопланетной цивилизацией. Такое «заземление» выражается в описании и марсианских пейзажей, и предметного мира, и бытовых ситуаций. Но ведущую роль в этом по-детски бесхитростном «обывательности» инопланетной реальности играет самый живой и убедительный герой романа – красноарме-

ец Гусев, в репликах которого выявляется сознание массового человека, характерного для революционной России 1920-х годов. Если говорить о том речевом амплуа, которое он выбирает, то это будет амплуа фамильярно-высокомерного ментора, смотрящего на все с «передовых позиций» совершившейся в России революции. С самими марсианами герой обращается достаточно бесцеремонно, точно с какими-нибудь уездными замшелыми обывателями, выглядывающими из своих насиженных норок. «Чад у вас, чад, чад, – сказал им Гусев по-русски, – колпак над плитой устройте. Эх, варвары, а еще марсиане!» (А. Толстой 1958, с. 604). И с марсианкой Ихой Гусев разговаривает столь же естественно и бесцеремонно, как будто дело происходит на окраине какой-нибудь российской деревеньки: «Почему у вас на Марсии бабы какие-то синие? – сказал ей Гусев по-русски. – Дура ты, Ихощка, жизни настоящей не понимаешь» (А. Толстой 1958, с. 605). Комический эффект возникает при контрасте предельно сниженной простонародной лексики и вплетенного в повествовательную ткань романа странного (с точки зрения землянина) марсианского языка, технических терминов, интеллигентной речи инженера Лося и Аэлиты. Во всем этом есть, конечно, элемент авторской игры с читателем, за которой стоит искреннее желание писателя не только быть занимательным автором, но и по-настоящему разобраться в перипетиях российской современности, а не в возможных поворотах фантастических фабул. Это был заход к постижению смысла российских революционных событий издали, взгляд через «остраняющую» призму фантастического жанра и придуманной фабулы.

Спектр ипостасей массового человека достаточно велик. Тут и *простака*, и *шута*, и *балагура*, и *лицедея*, и *плута*, и *подпевала*, и *ограниченный человек*, и *глупец*, и поучающий *ментор*, и недалекий *судья*. Простака живет в состоянии постоянного удивления и обманутой доверчивости. Он придает неадекватное (далекое от реальности) значение любому явлению, склонен к неоправданному гипертрофированию происходящего. Простака порой алогичен, ибо неверно оценивает соотношение двух масштабов – масштаба события и масштаба его восприятия. Из случившегося простака делает совершенно необоснованные выводы. Немотивированными и странными могут оказаться оценка события и ее эмоциональное наполнение. Несоответствие между масштабом события и спектром возможных реакций на него рождает целый каскад нелепых поведенческих моделей и речевых фигур. Персонаж такого душевного склада, как правило, идет двумя парадоксально несовместимыми путями – либо делает «из мухи слона», либо «за деревьями не видит леса». Масштаб события и масштаб реакции на него оказываются несоразмерными. Массовый человек такого типа мог стать жерт-

вой *молвы*, как персонажи рассказа М.Я. Козырева «Крокодил» и повести Ю.Л. Слезкина «Козел в огороде». Недалекий, а то и откровенно глупый человек мог оказаться в эпицентре нелепого *скандала*, коммунальной свары, как это мы наблюдаем в малой прозе М.М. Зощенко и П.С. Романова. Лицедей и плут мог попасть в мутный поток *авантюра*, о чем свидетельствуют малая проза М.М. Булгакова, романы И.А. Ильфа и Е.П. Петрова. Носитель наивного сознания как инвариант простака мог приобрести трагикомическое звучание, как мы видим в позднем сборнике рассказов А.Т. Аверченко «Записки Простодушного».

Подспудные процессы, протекавшие в недрах народного сознания, разносторонне покажет в своей прозе А. Платонов, «странноязычие» которого выразит пробуждение и непростое формирование в массовом человеке самостоятельной «языковой личности», стремящейся к персональному высказыванию, к выражению индивидуальной точки зрения.

Надо заметить, что в прозе чрезвычайно активизировались комически окрашенные сказовые формы, возник спрос на фигуру рассказчика, способную заменить традиционную фигуру «всеведующего» повествователя, близкого автору. Не будет преувеличением сказать, что в 1920-е годы литературные произведения с подобной повествовательной установкой стали по-настоящему определять лицо литературы.

Конечно, прозе как таковой онтологически присуща своеобразная стилистическая многослойность повествования. Наряду с элементами *статического описания* (словесный пейзаж, описание интерьера, словесный портрет героя), мы находим элементы *динамического повествования* (показ физических действий героев, перемещение персонажей в пространстве, столкновение с другими действующими лицами). Стилистически иначе, чем статическое описание и динамическое повествование, организуются формы *речевой репрезентации* персонажей – их *монологи*, *диалоги* и *полилоги*. Кроме того, повествователь нередко, отступая от событийной канвы произведения, вводит в текст различные собственные *субъективные отступления* – лирические, философские, дает попутные исторические экскурсы и комментарии. Прозаическое произведение может включать и различные *варианты вставного текста* – страницу дневника, письмо, документ, газетное сообщение, объявление. Вполне понятно, что эти слои различны по лексике, стилистике, интонации, изобразительно-выразительным функциям, хотя и приведены в интегративное единство концептуальной сверхзадачей произведения.

Обращение же писателей к сказовым формам радикально меняет соотношение указанных слов. Все эти элементы приобретают субъективную интонационную окраску рассказчика. *Фразеоло-*

гическая точка зрения (Б.А.Успенский писал по этому поводу: «...точка зрения автора (рассказчика) совпадает с точкой зрения какого-то (одного) участника повествования (для композиции произведения в этом случае существенно, выступает ли в роли носителя авторской точки зрения главный или второстепенный герой); это может быть как повествование от первого лица (*Icherzahlung*), так и повествование от третьего лица. Но существенно, что данное лицо при этом является единственным носителем авторской точки зрения в произведении» (Успенский 1995, с. 32)) начинает безраздельно доминировать в тексте.

Подобные устремления мы можем увидеть у персонажей «Шутейных рассказов» В.Я. Шишкова. Е.В. Громова верно определяет место этих рассказов в литературе 1920-х годов, ставя их в один ряд с «задиристыми рассказами» М.И. Волкова, «Рассказами Назара Ильича господина Синябрюхова» М.М. Зощенко (Громова 2014, с. 131).

Рассказчик у В.Я. Шишкова действует, как правило, не в одиночку, а находится в широком публичном пространстве. Действия такого персонажа, его оценки и взаимоотношения с окружающими изображаются по законам своеобразного «театра жизни». Рассказ приобретает уклон в драматизированную прозу, приобретает очертания живой сценки, мини-пьески. В таком рассказе рассказчик как персонаж-инициатор повествования фигурирует в контексте широкого полилога. Со своими многочисленными репликами включаются безымянные участники общения. Обретшая голос митингующая Россия звучит повсюду, в самых различных ситуациях. У людского многоголосия писатели этой поры находят выразительные краски. Местные речения, прибаутки, безоглядное балагурство, анархическая готовность наотмашь опрокинуть привычные устои, подвергнуть сомнению веками сложившуюся систему ценностей – все есть в этом хоре многих голосов.

Образы балагура, шута, плута, дурака восходят к народной смеховой культуре, как показали М.М. Бахтин, изучавший европейский плутовской и авантюрно-бытовой роман, и Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, исследовавшие феномен древнерусского смеха. В модели поведения этих социокультурных типов немаловажен элемент *притворства*, явного или скрытого *лицедейства*. Не случайно в многочисленных анекдотах, где действует бинарная оппозиция «король / шут», народное сознание неизменно *развенчивает* короля и *увенчивает* шута. Шут оказывается умнее той маски, которую он на себя надевает.

Балагур в глазах окружающих обладает привлекательностью, так как он смеется не только над другими, но и одновременно над самим собой, демонстрируя отсутствие какой-либо гордыни. Это очень важное качество. Л. Карасев справедливо

отмечает, что «высшая точка смеха – это смех над собой» (Карасев 1996, с. 68).

Балагур готов к скрытым формам коммуникации с своим слушателем, приоткрывающей огромную область неочевидного в реальной жизни. Тут можно обнаружить большую совокупность разных форм, обладающих скрытой семантикой. Среди них ритмические нарушения, интонационные сбои. Так, в интонационном строе речи балагура достаточно значимую функцию выполняет рифма, переводящая сказанное в комедийно-прибауточный регистр. Это отмечал Д.С. Лихачев: «В балагурстве значительную роль играет рифма» (Лихачев 1973, с. 84).

Как правило, балагурство относится к сфере ситуативного смеха, отличающегося неожиданностью и непредсказуемостью. При этом отметим, что ситуативный смех, возникающий в пространстве публичной коммуникации, имеет *тройную адресность*. Смеющийся субъект имеет право выбора адресовать свою эмоциональную реакцию одному из объектов своего внимания. Смех может быть, во-первых, *реакцией на поступки и слова участников ситуации*, во-вторых, *реакцией на само событие собственного рассказывания*, в-третьих, – *на предполагаемое восприятие слов балагура слушателями*.

Сказовые формы, активно вошедшие в русскую литературу в 1920-е годы, связаны и с понятием *авторской маски*. Литературовед О.Ю. Осьмухина в своей монографии так писала о понятии «авторская маска»: «На наш взгляд, авторская маска выступает как использование автором того или иного образа, способ сокрытия в пределах текстового пространства подлинного «я» со вполне осознанной целью создания у читателя отличного от реального образа автора и построения определенного режима коммуникации, одна из форм взаимоотношений автора и персонажа, в отдельных случаях основополагающий прием литературной мистификации» (Осьмухина 2009а, с. 9–10). О.Ю. Осьмухина изучала эту проблему не только на материале классической литературы, но и рассматривала под этим углом зрения прозу двадцатого столетия, о чем свидетельствует еще одна монография ученого (Осьмухина 2009б).

Таким образом, проблема сказа вписывается в более широкую проблему авторской маски. В классической литературе 18–19 вв. автор порой «прятался» за фигурой *адресата писем, читателя, публикатора, издателя, редактора*. Но это все книжные понятия, связанные с письменной культурой. А вот в XX веке – веке «восстания масс» – автор мог «заслонять» себя активным носителем устного слова – рассказчиком, далеким от него по культурному уровню, социальному происхождению, ценностным представлениям, темпераменту, жизненному опыту, поведенческим мотивам. Че-

ловек с деревенской или городской улицы получал своеобразные «авторские» права и выстраивал повествовательное пространство по своим представлениям.

Вводимые М.М. Зощенко, П.С. Романовым, В.Я. Шишковым типы рассказчиков демонстрируют разнообразие реальных характеров, взятых из народной массы. По законам контрапункта приходят в парадоксальное стяжение пронзительно-трагическое и элементарно-смехотворное, высокое и физиологически-сниженное, соединяются реалии из разных эпох и социальных сфер. Повседневность обретает очертание пестрой мозаики, включающей порой совершенно невозможные соединения. Эпоха, побуждающая размышлять о высоких бытийных целях, о трагической цене исторических испытаний, одновременно являет собой лик карнавального половодья массовых эмоций, тяготения к праздничной маскарадности, к простонародной потехе.

Массовый человек двадцатых годов был покрыт «чешуей» газетных штампов, лозунгов, фраз из наспех усвоенных примитивных учебников. Это «чужое», предельно заидеологизированное слово неизбежно вступало в противоречие с бытовым языком так называемого «простого» советского человека. Однако и традиционный бытовой язык начинал меняться, ибо менялся и сам быт. Постреволюционная эпоха породила управдомов, коммуналки, жэки, жакты и т.п. Возникла причудливая смесь нескольких начал: традиционно-деревенского, перенесенного в город (послеоктябрьское время было отмечено многими колоссальными миграциями, при этом маргинальность социального статуса человека приводила и к маргинальности его сознания), низового городского, мещански-псевдоинтеллигентского. Человек попадал не в свою среду, терял былую естественность поведения, старался казаться кем-то, стремился приспособиться к новым условиям своей персональной жизни.

Кроме того, М.М. Зощенко обнаружил в современной ему социальной реальности показательную метаморфозу «маленького человека», превращающегося из бывшего объекта жалостливого читательского участия и сострадания (об этом, можно сказать, страстно вопиет чуть ли не вся предшествующая литература – от карамзинской «Бедной Лизы» и до чеховского рассказа «Смерть чиновника») в уже самостоятельного субъекта, которому была предназначена новая социально-историческая роль. Но вот готов ли был этот «маленький человек» к такой роли? Не оказывался ли он уже не «*маленьким*», а просто элементарно «*мелким*» для такой сложной роли? А ведь когда человек по своему личностному потенциалу меньше уготованной ему судьбы, тогда он становится откровенно комическим персонажем. Как мы знаем, зерно комизма как раз и заключается в

обнаружении необоснованной претензии персонажа на что-то большее, чем то, на что он реально способен. Психоментальный мир героя рассказов М.М. Зощенко несет родимые пятна того «роевого» сознания, той психологии «множеств», всего того, что пышным цветом расцвело в начальную эпоху советской коммунальности. Порой вырывающаяся агрессия персонажа объясняется ощущением стоящего за его спиной этого гомогенного людского множества, вдруг обретшего свободу словесного самовыражения. Это придает уверенность герою, он готов рассыпать оценки всему и всем, незастенчиво, но при этом категорично высказываться по любому поводу. Л.Е. Кройчик писал по этому поводу: «Герой этот необычайно активен и ощущает за своей спиной мощную поддержку подобных себе. Он искренне убежден в своем праве вслух выносить приговор и давать оценки не только тому, что так или иначе касается лично его, но и тому, что он слышит или на что направлен его взор» (Мущенко, Кройчик, Скобелев, с. 255). Подобную речевую агрессию высокомерного поучающего ментора мы наблюдаем, скажем, в рассказе Пантелеймона Романова «Козьявки», где идет речь о простом коновале, без разбора лечателем и лошадей, и людей от всех болезней одной и той же страшно едкой мазью, от которой его «пациенты» диким криком кричат. По мнению самодовольного коновала, твердо верящего в свое высокое врачебное мастерство, лишь «с криком боль выходит». Он убежден, что истинный целитель должен наводить жуткий страх на больного. «Прежде лечили – очков этих не втирали. Бывало, фершел Иван Спиридонович, – с боком или поясницей придешь к нему, – так он рук мыть не станет или ваткой обтирать, а глянет на тебя, как следует, что мороз по коже пройдет, и сейчас же, не говоря худого слова, – мазать. Суток двое откричишься и здоров. А ежели рано кричать перестал, опять снова мазать» (Романов 2004, с. 339). Массовый человек претендовал быть строгим судьей «несовершенного», по его мнению, мира.

Заключение

Проблема массового человека первых после революционных лет отразилась в огромном количестве художественных произведений. Эти книги отличались своей тематикой, жанровым и стилистическим своеобразием. Но все эти повествования объединяло, прежде всего, одно: каждый из писателей стремился воспроизвести феномен самого сознания массового человека, вступавшего на авансцену современной истории, и обусловленной этим сознанием речевой практики. Именно метаморфозы народного сознания диктовали выбор речевых моделей коммуникации. Обыкновенный человек, обретший право голоса, стремился активно заявить о себе. Речевые амплуа такого мас-

сового человека отличались разнообразием – тут и бесхитростный простак, и шут, и балагур, и лицедей, и плут, и подпевала, и ограниченный человек, и глупец, и поучающий ментор, и недалекий судья. Героем литературы становился не человек в статусе пассивного *объекта* литературного описания, а человек как новый для литературы *самостоятельный субъект сознания* и, соответственно, *субъект речи*, пытающийся выразить себя, излить свою душу и свидетельствовать о непростом времени, участником, а то и жертвой которого ему пришлось быть.

Источники фактического материала

Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 10-ти томах. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1958. 712 с.

Библиографический список

- Громова Е.В. Шутейность как способ изображения действительности в юмористических рассказах и пьесах В.Я. Шишкова 1920-х гг. // Комическое в русской литературе XX века; Составитель, ответственный редактор Д.Д. Николаев. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. С. 131–143.
- Замятин Е.И. Сочинения. Москва: Книга, 1988. 575 с. (Из литературного наследия).
- Карасев Л.В. Философия смеха. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 224 с.
- Козырев М.Я. Пятое путешествие Гулливера и другие повести и рассказы. Москва: Текст, 1991. С. 288–301.
- Лихачев Д.С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы: Сборник статей. Саранск: Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 1973. С. 73–90.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1976. 204 с.
- Мущенко Е.Г., Кройчик Л.Е., Скобелев В.П. Поэтика сказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. 288 с.
- Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009. 284 с.
- Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX в. (генезис, становление традиции, специфика функционирования): монография. Науч. ред. О.Е. Осовский. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2008. 188 с.
- Романов П. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 34. Москва: Издательство Эксмо, 2004. 704 с.
- Слезкин Ю.Л. Шахматный ход. Составитель С.С. Никоненко. Москва: Советский писатель, 1981. 576 с.
- Успенский Б.А. Семиотика искусства. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
- Федорченко С.З. Народ на войне. Санкт-Петербург: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 448 с.

References

- Gromova, E.V. (2014), Jokiness as a way of depicting reality in V.Ya.Shishkov's humorous stories and plays of the 1920s., *Comic in Russian literature of the twentieth century*, IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 131–143.
- Zamyatin, E.I. (1988), *Essays*, Kniga, Moscow, USSR (From the literary heritage).
- Karasev, L.V. (1996), *Philosophy of laughter*, Rossijskij gosudarstvenny`j gumanitarny`j universitet, Moscow, Russia.
- Kozy`rev, M.Ya. (1991), *Gulliver's Fifth Journey and other novels and short stories*, Tekst, Moscow, Russia, pp. 288–301.
- Lixachev, D.S. (1973), Old Russian laughter, *Problems of poetics and literary history: Collection of articles*, Mordovskij gosudarstvenny`j universitet imeni N.P. Ogareva, Saransk, USSR, pp.73–90.
- Lixachev, D.S. and Panchenko, A.M. (1976), *The Laughing world of Ancient Russia*, Nauka. Leningradskoe otdelenie, Leningrad, USSR.
- Mushhenko, E.G., Krojchik, L.E., Skobelev, V.P. (1978), *The Poetics of a fairy tale*, Izdatel`stvo Voronezhskogo universiteta, Voronezh, Russia.
- Os`muxina, O.Yu. (2009), *Russian Literature through the prism of identity: the Mask as a form of Author's representation in the prose of the twentieth century*, Izdatel`stvo Mordovskogo universiteta, Saransk, Russia.
- Os`muxina, O.Yu. (2008), *Author's mask in Russian prose of the 13th – first third of the 19th century (genesis, formation of tradition, specifics of functioning)*, monograph, O.E.Osovsky (scientific ed.), Publishing House of Mordovian University, Saransk, Russia.
- Romanov, P. (2004), *Anthology of satire and humor of Russia of the twentieth century*, vol. 34, Eksmo, Moscow, Russia.
- Slezkin, Yu.L. (1981), *Chess move*, Sovetskij pisatel`, Moscow, USSR.
- Uspenskij, B.A. (1995), *Semiotics of art*, Shkola «Yazy`ki russkoj kul`tury`», Moscow, Russia.
- Fedorchenko, S.Z. (2014), *The people at war*, Izdatel`skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A», Sankt-Peterburg, Russia.

Submitted: 22.06.2024

Revised: 03.09.2024

Accepted: 10.10.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-53-61

Дата поступления: 17.06.2024
рецензирования: 02.09.2024
принятия: 12.10.2024

И.В. Некрасова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-002-3121-9772>

А.А. Устименко

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mikhail0va.a@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-1746-1107>

Своеобразие «пушкинского текста» в современной русской литературе

Аннотация: тема статьи актуальна и своевременна: работа посвящена исследованию произведений преимущественно современной русской литературы. В данной статье использован комплексный подход к анализу художественных текстов, включающий интерпретационный, аналитический, интертекстуальный и иные методы. В ходе проведенного исследования были актуализированы некоторые «вторичные» произведения прошлых периодов литературного процесса, которые в той или иной мере обращались к наследию А.С. Пушкина.

Эмпирический материал: в основной части статьи внимание сосредоточено на нескольких категориях текстов конца XX–XXI вв., в которых используются пушкинские реминисценции, пушкинский код, пушкинский миф. Они разделены в статье на три группы: вариации современных литературных обращений к роману «Евгений Онегин»; произведения из разряда «альтернативной истории», предполагающие выстраивание иной – выдуманной – судьбы Пушкина; использование современными авторами своеобразной «литературной франшизы» наследия Пушкина. В результате анализа сделаны следующие выводы: значение наследия Пушкина для современной культуры и литературы огромно. Оно подвигает нынешних художников слова на смелые, но не всегда продуктивные эксперименты, связанные с вариациями пушкинских текстов, их сиквелами, пародиями, новыми альтернативными историческими поворотами и прочим. Считаем, что подобные явления в целом можно считать важной составляющей современного литературного процесса. Эта тенденция должна способствовать восстановлению интереса к классическому наследию у подрастающих поколений.

Ключевые слова: классическая традиция; современный литературный процесс; пушкинский текст; реминисценции; альтернативная история; «литературная франшиза».

Цитирование: Некрасова И.В., Устименко А.А. Своеобразие «пушкинского текста» в современной русской литературе // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 53–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-53-61>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Некрасова И.В., Устименко А.А., 2024

Некрасова И.В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

Устименко А.А. – магистрант кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.V. Nekrasova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-002-3121-9772>**A.A. Ustimenko**

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

E-mail: mikhail0va.a@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-1746-1107>**The peculiarity of Pushkin-related texts in modern Russian literature**

Abstract: the topic of the article is relevant and timely, because the work is devoted to the study of works of mainly modern Russian literature. This article uses an integrated approach to the analysis of literary texts, including interpretative, analytical, intertextual and other methods. In the course of the conducted research, some "secondary" works of past periods of the literary process were updated, which in one way or another addressed the legacy of A.S. Pushkin. Empirical material: in the main part of the article, attention is focused on three categories of texts from the late XX–XXIst centuries, which use Pushkin's reminiscences, the Pushkin code, and the Pushkin myth. They are divided into three groups in the article: variations of modern literary references to the novel "Eugene Onegin"; works from the category of "alternative history", suggesting the construction of a different - fictional - fate of Pushkin; the use by modern authors of a kind of "literary franchise" of the legacy of Pushkin. As a result of the analysis, we come to the following conclusions: the importance of Pushkin's legacy for modern culture and literature is enormous. It encourages current artists of the word to bold, but not always productive experiments related to variations of Pushkin's texts, their sequels, parodies, new alternative historical twists and more. We believe that such phenomena as a whole can be considered an important component of the modern literary process, which should help restore interest in the classical heritage among younger generations.

Key words: classical tradition; modern literary process; Pushkin's text; reminiscences; alternative history; «literary franchise».

Citation: Nekrasova, I.V. and Ustimenko, A.A. (2024), The peculiarity of Pushkin-related texts in modern Russian literature, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 53–61, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-53-61>.

Information about conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Nekrasova I.V., Ustimenko A.A., 2024

Nekrasova I.V. – Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

Ustimenko A.A. – Master's student of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

В современном литературном процессе в качестве достаточно продуктивной авторской стратегии используются разнородные обращения к классическим текстам и традициям. Это проявляется в присвоении некоторых сюжетных схем, в использовании персонажей и/или их номинаций, в трансформации узнаваемых заголовочных комплексов и т.п.

Можно согласиться с мнением Владимира Славецкого, высказанным в статье «Все [писатели – И.Н., А.У.] как по команде бросили постмодернизм и вспомнили о классической традиции

и о том еще, что реализм – это и есть подлинный аристократизм стиля» (Славецкий 1996, с. 225). Он же задает вопрос, важный для понимания сегодняшней литературной ситуации: «Но что такое классическая русская традиция? Реставрация, ремонт, перелицовка, имитация или что-то более глубокое?» (Славецкий 1996, с. 225).

Приведем мнение чешской исследовательницы Галины Биновой: «Новейшая русская проза представляет собой причудливое сочетание самых эстетских изысков и масс-культы <...> Среди новейшей художественной продукции найдем игру ума и блеск, художественную раскованность

и пустоцветы, когда упоение экспериментальностью приводит к потере ощущения формы <...>» (Бинова 1998, с. 202). Исходя из этих и иных суждений можно констатировать следующее: калейдоскопичность современного литературного процесса и его явная ориентация на использование достижений русской классики неоспоримы.

Основная часть

В условиях подготовки к грядущему юбилею Александра Сергеевича Пушкина экспансия (в значении «расширение зоны/повтор/переосмысление») наследия нашего национального гения достигает огромных масштабов. Это проявляется и в кинематографе, и в театральном искусстве, и в литературе. «Необходимо отметить, что Пушкин уже давно превратился в имя нарицательное, некий универсальный концепт и обобщенный образ, которым измеряется не только русская литература, но и жизненный уклад», – пишут М. Черняк и Е. Цветкова в статье «Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом» (Черняк, Цветкова 2021, с. 80). Заметим попутно, что одна из анализируемых в статье книг – «Онегин. Графический путеводитель: [для среднего и старшего школьного возраста]» – вышла в текущем году уже четвертым изданием. Считаю ее очень существенным подспорьем для учителей и школьников (этот факт важен несмотря на то, что комментарии к роману в стихах создано на данный момент немало (Бродский 1964; Лотман 1980; Набоков 1999; Лапин 2009; Крюкова 1999; Онегинская энциклопедия 1999, 2004) и др.).

Разнообразный, интересный материал этого издания помогает «переоткрыть» классический текст, ведь нынешних подростков привлекают комиксы. При этом они получают глубокие, оригинальные сведения о неведомой им, «канувшей в лету» дворянской культуре.

Пушкинский текст / пушкинский код / пушкинский миф, своеобразная «пушкинизация» нашей культуры и литературы – важные особенности литературного процесса последних десятилетий. Данная тенденция закономерна. Вспомним, что написал Борис Пастернак: «Английская литература есть по преимуществу шекспировская, как всякая русская есть пушкинская» (Пастернак 1993, с. 283).

В этой связи можно вспомнить о замечательном произведении А. Синявского (Абрама Терца) «Прогулки с Пушкиным» (1975 – Лондон, 1991 – Россия). Российских критиков и теоретиков в первое время после публикации привлекали и раздражали необычные для восприятия многих гротесковые приемы, непривычный стиль и манера повествования, интертекстуальные отсылки. Для верного восприятия текста А. Синявского по-

требовались годы. Современные исследователи «филологической прозы» А. Синявского О. Богданова и Е. Власова справедливо отмечают: «В центре авторской наррации оказывается тема "чистого искусства". И Пушкин располагается в центре рефлексии писателя именно потому, что его творчество для автора – непревзойденный образец "чистого искусства", наиболее концентрированное выражение и сущность последнего» (Богданова, Власова 2022, с. 9).

Считаем логичным при многообразии современного восприятия пушкинского наследия выделить некоторые его составляющие:

1) вариации современных литературных обращений к роману «Евгений Онегин»;

2) произведения из разряда «альтернативной истории», предполагающие выстраивание иной – выдуманной – судьбы Пушкина;

3) использование современными авторами своеобразной «литературной франшизы» наследия А.С. Пушкина.

Вариации современных литературных обращений к роману «Евгений Онегин»

Попытки переосмыслить, дописать, переделать общеизвестные тексты прошлого существовали давно. Назовем один из подобных экспериментов, касающийся пушкинского романа в стихах. В 2001 году выходит сборник «Судьба Онегина» (Судьба Онегина). В нем собраны продолжения, мистификации, вариации, пародии на пушкинского «Онегина», созданные на протяжении полутора столетий (Красухин 2002; Савельев 2018).

В частности, Д. Минаев уже в последней четверти XIX века создает текст «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах». Приведем маленький отрывок:

Мой дядя, как Кирсанов Павел,

Когда не в шутку занемог,

То натирать себя заставил

Духами с головы до ног (Минаев 1922).

Другая цитата: К. Чуковский «Нынешний Евгений Онегин»:

...Героем нашего романа

Евгений будет, но о нем

Мы речь особо поведем,

А нынче это слишком рано,

Ведь мы про папеньку его

Еще не знаем ничего (Чуковский 1904).

Дон Аминадо в сборник «Парадоксы жизни» включает много ностальгических, пародийных реминисценций. Так, в стихотворении «Труженики моря» читаем:

Уж небо осенью дышало,

Уже украли покрывало

С террасы казино (Дон-Аминадо 1991, с. 87).

Примеры можно продолжать. Но это все вторичные тексты.

Оговоримся сразу, что мы обращаемся только к современным, «свежим» попыткам авторских коммуникаций с пушкинским претекстом. Поэтому мы постарались оставить за пределами нашего рассмотрения такие статистически активные явления, как фанфики (жаргонный термин, ставший сегодня уже практически общеупотребительным).

Справедливости ради отметим, что некоторые исследователи уделяют внимание и подобным явлениям. В частности, в статье «Особенности рецепции "онегинского текста" в литературном процессе XXI в.» С.П. Гудковой и А.М. Раужиной находим следующие утверждения: «Расцвет нового поколения "послетекстов" "Евгения Онегина" имеет место в исторических условиях новой глобальной рыночной системы. Здесь интересным представляется "перепев" А. Сахненко "Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах" (2014). Автор не дает жанрового разграничения литературного ремейка и обозначает его как "эксперимент в стихах". В широком смысле – это "фанфикшн" (от англ. fanfiction – "творчество поклонников") – явление литературы "в Сети", получившее определение как тексты "по мотивам известных произведений массовой культуры, созданные по большей части непрофессиональными авторами и не претендующие на коммерческую публикацию". Такие произведения становятся не просто фактом филологической игры, но как метатекстовые формирования выходят за рамки текстовой практики» (Гудкова, Раужина 2024, с. 529).

В конце XX века вышла книга Евг. Башнина «Фантазии на тему "Евгения Онегина"». Автор – инженер, любительски изучал творчество Пушкина. Его можно с уверенностью назвать фикрайтером (обозначение писателя-любителя. «Он может не только производить деконструкцию оригинала, но и создавать продолжения (литературный сиквел), описывать события, предшествующие действию «претекста» (приквел)»). Цит. по: Гудкова, Раужина 2024, с. 529). Эта «Фантазия» как продолжение романа в стихах родилась в результате пристального чтения произведений Пушкина, изучения истории восстания декабристов, трудов литературоведов. При этом Евг. Башнин во Вступлении признается:

Жаль, что не завершил романа,
На полпути прервав, поэт...

<...>

Продолжить я роман хочу.

А как получится? Молчу... (Башнин 1999, с. 3)

Комментировать этот текст не станем, так как проблема многих нынешних «писателей» и «поэтов» заключена в неспособности ответа на вопрос «как не перейти этическую и эстетическую границу». Перед нами глубокая вторичность данного «продолжения», отсюда – значительное ухудшение качества по сравнению с претекстом,

попросту его нивелирование. Отметим, при этом автор не скрывает, что некоторые строки в шести «новых» главах написаны «в соавторстве с А.С. Пушкиным»: Евг. Башнин использовал черновики и незавершенные строфы поэта. Современный автор приводит Онегина в тайное общество, знакомит его с Рылеевым, Пестелем, Муравьевым-Апостолом:

Бушует «Северное» страстью

Освободительной, живой;

Уж «Южное» готово с властью

Расправиться со всей душой (Башнин 1999, с. 62)

Перед нами пример безусловного эпигонства, так мощно распространившегося в нашей культуре (об этом явлении как проблеме современной поэзии не раз писал Виктор Топоров. В частности, см. его мнение на портале <https://vikent.ru>. Дата обращения 06.06.2024).

Александр Савельев пошел ещё дальше: он создал образ современного Евгения Онегина времен «перестройки», переписав пушкинский сюжет в границах середины 1990-х годов (Савельев 2008).

Ещё один «смельчак» решился на «переделку» «Евгения Онегина». В 2016 году некто Виктор Иванов 17 публикует на платформе «Стихи.РУ» текст, названный «Евгений Онегин. Мистика». Автор не скрывает, что написал «несколько вариантов продолжения» романа в стихах А.С. Пушкина. Этот опус до сих пор доступен на названном сайте, есть и рецензии – на удивление, позитивные (Виктор Иванов 17).

Приведем более внятный пример. Алексей Степанов в 2021 году выпускает свое произведение «Ярый Жан» с авторским жанровым определением «роман в стихах». В нем заметны прямые параллели с пушкинским шедевром. Автор сознательно бросает «современный вызов» «Евгению Онегину», проводя своего героя через многие сходные с классическим персонажем ситуации. Например, в начале книги у Пушкина «Вот мой Онегин на свободе...», а современный провинциальный парень Жан решает уехать в Москву и покидает отчий дом, чтобы плотнеть вольной жизни, не отказывая себе в удовольствиях.

Вслед за Пушкиным Степанов использует и авторский голос:

Роман мой – плод противоречий.

Он, видимо, тому предтеча,

Что будет через двадцать лет,

Когда я, умудрен годами,

Начну божественный сонет

Писать и мудрыми словами,

Как будет ясен мне ответ,

Коснусь вплотную вечных тем.

Пока же просто их вкрапляю.

Ночами голову ломаю,

Даря вам вариант дилемм (Степанов 2020, с. 5)

Пушкинский строфический рисунок – «онегинская строфа» – современным автором не использован, он прибегает к редкому в русской поэзии одиннадцатистроичнику. В русской строфике именно одиннадцатистроичник применяется очень редко. Учебник «Поэзия» в главе «Строфика» о нем даже не упоминает (Поэзия). Можно привести пример подобного строфического рисунка в раннем стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поле Бородина» (его написание относят к 1830 г.) и поэму Мих. Кузмина «Всадник» (1908).

Зато любимый пушкинский размер – классический четырехстопный ямб с обилием пиррихий – Алексеем Степановым освоен. Нам кажется, что авторская политика, проявленная в романе в стихах «Ярый Жан», – это своеобразное художественное приношение гению Александра Пушкина. Но этот текст никак нельзя считать хотя бы минимальной созвучной корреспонденцией с ним.

Произведения из разряда «альтернативной истории», предполагающие выстраивание иной – выдуманной – судьбы Пушкина

Второй аспект пушкинской рецепции в современной русской литературе связан с направлением «альтернативной истории». Это случай присутствия художественного текста в виде «сослагательного наклонения» видения исторического движения.

Здесь находим группу произведений, в которых трансформация истории происходит из-за изменения по воле автора судьбы творческой личности. Сейчас речь идёт о Пушкине. Приведем лишь несколько названий. Это в основном рассказы. А. Битов – «Фотография Пушкина. 1799–2099» и «Вычитание зайца», Т. Толстая «Сюжет», В. Ерофеев «Реабилитация Дантеса» и А. Хлебников «Талисман».

Рассказы Андрея Битова достаточно подробно рассматривались критиками и литературоведами (Сурат 1994; Девятков 2000 и др.). Обращение к этим интереснейшим текстам считаем важным и в практике филологических факультетов, и в рамках углубленного школьного изучения литературы.

Текст Татьяны Толстой «Сюжет» был написан в 1991 году и вошёл практически во все её сборники. Перед читателем разворачивается фантазия о том, что стало бы со страной и ее видными деятелями, если бы в результате январской дуэли с Дантесом «наше все» остался в живых. Т. Толстая как вариант ещё одной дуэли придумывает встречу семидесятидевятилетнего Пушкина и юного Володи Ульянова в Симбирске. «Скверный мальчишка со всего размаху всаживает снежок-ледышку в старый затылок» (Толстая 1997, с. 263) и обзывает старого поэта «обезьяной». В ответ «Пушкин, вскипая

в последний, предсмертный раз, развернувшись в ударе, бьет, лупит клюкой – наотмашь по маленькой рыжеватой головке негодяя» (Толстая 1997, с. 263). Эта вторая дуэль, по Толстой, могла бы быть более значима и судьбоносна для России, чем первая.

По воле автора превратились в реальность слова молодого Владимира Ульянова «Мы пойдем другим путем, маменька!», произнесенные им после покушения его брата Александра на царя. В рассказе Т. Толстой революции в 1917 году не случилось, В. Ульянов стал министром внутренних дел буржуазного правительства. А после его смерти в 1937 году новым министром внутренних дел назначают «господина Джугашвили».

Рассказ Виктора Ерофеева «Реабилитация Дантеса» впервые был напечатан в 2002 году в журнале «Огонёк» (Ерофеев 2002, с. 110). Пушкин и Дантес встречаются, но речь не идёт об их дуэли. Читатель узнает о разговоре, который произошел у поэта перед самой смертью Дантеса. Вот часть их диалога:

«– Ведь ты пришел меня простить?»

Пушкин молчал.

– Почему?

Пушкин безмолвствовал. Ему нечего было сказать. Когда Пушкин закрыл за собой дверь, Дантес был мертв. Он умер без покаяния» (Ерофеев 2002, с. 275). По мнению В. Пустовой, «реабилитация Дантеса» все же произошла. Но «по логике тела, материальной справедливости: *"Дантесы нужны жизни не меньше Пушкина. Иначе исход дуэли был бы другой. <...> Все нормальные люди — Дантесы"* [выделено автором – И.Н., А.У.]» (Пустова 2011, с. 205).

Подробнее остановимся на рассказе писателя-фантаста Александра Хлебникова «Талисман», который вряд ли знаком широкому кругу читателей, а также коллегам-филологам.

Рассказ литературоцентричный. Герои – филологи. Проблемы – литературные. Разговоры – профессиональные. Но текст при этом фантастический. Именно из-за этого рассказ, написанный в 1968 году, долго не публиковался. По воспоминаниям автора, редакции многих журналов, возвращая текст, поясняли: «Разве можно писать фантастику о Пушкине? Он наша национальная гордость, и мы не можем рисковать, мало ли что вы напишете. Кроме того, нужно хорошо знать эпоху, а вы просто нахал...» (Ленинградский государственный архив).

Ираклий Андронников, которому отчаявшийся Хлебников отослал текст рассказа, о «Талисмане» написал так: «Рассказ блестящий, несколько странный, но талантливо и превосходно – хорошо. Можно давать в эфир, во всяком случае, я – за!» (Ленинградский государственный архив). После такой рецензии рассказ был передан по Ленинградскому радио 22 марта 1970 г.

Завязка рассказа: герои грустят, что «голоса многих великих поэтов, например, Пушкина, нам никогда не суждено услышать».

После этого и начинает развиваться фантастическая фабула. По мнению одного из героев, «электроника» Ардальона Ивановича Гарина, голос «любого выдающегося человека можно воспроизвести, если только сохранились принадлежавшие ему предметы обихода» (Хлебников 2001, с. 62), точнее, изделия с драгоценными камнями. Ведь они хранят «в себе след звуковой волны» (Хлебников, с. 63). Знаменитый пушкинский перстень-талисман, с которым «поэт не расставался свыше десятилетия» (Хлебников 2001, с. 63), должен содержать/сохранить его голос.

Не знаем, как с точки зрения физики и акустики, но концепция любопытная. В движении сюжета рассказчик и Гарин смогли услышать голос Пушкина: «И вот в тишину комнатки ворвались чеканные звуки:

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы...

Я слышал голос самого Пушкина – сильный, звучный, за внешней сдержанностью которого чувствовалась страстность, голос необыкновенно благозвучный, немножко даже поющий...» (Хлебников 2001, с. 70)

Заметим, что такая же проблема – восстановить голос Пушкина и получить его фотографию – центральная в гораздо более позднем рассказе Андрея Битова «Фотография Пушкина. 1799–2099».

Использование современными авторами своеобразной «литературной франшизы» наследия А.С. Пушкина

Наших современников продолжает привлекать пушкинский Иван Петрович Белкин. Ещё при жизни Пушкин писал П. Плетнёву, что развелось Белкиных и некоторые «промышляют» под его именем. Вот небольшие цитаты из переписки: «Я переписал мои пять повестей и предисловие, то есть сочинения покойного Белкина, славного малюго»; «На днях отправил я тебе <...> повести покойного Белкина, моего приятеля» (Пушкин 1979, с. 281, 292). То есть Пушкин в письмах говорит о Белкине как о реальном человеке, правда, к 1831 году почившем.

Действительно, Белкин – «автор» пяти повестей. Но какой автор? Насколько он «релевантен» (соответствует) настоящему автору? Вопросов много, ответы на них давались не раз теоретиками и историками литературы в течение почти двух веков.

Например, Н. Гей считает: «Белкин был не псевдонимом автора, а подставным лицом <...> подставным автором "Повестей". Создателю "По-

вестей", по-видимому, нужна была в этом случае вовсе не призрачная, по сути дела, фиктивная анонимность, но нужен был сам Белкин!» (Гей 1999). Приведем суждение Вольфа Шмида по этому же поводу: «Введя фигуру Белкина, Пушкин <...> создал призму, собравшую воедино смысловые интенции всех пяти повестей и обеспечивающую единство их восприятия <...>. Не будь предисловия, никому бы даже не пришла в голову мысль о наличии дополнительной инстанции, представляющей ещё одну точку зрения» (Шмид 1996, с. 46, с. 50).

«Проблеме Белкина» посвящена интересная статья историка С. Иконникова и теоретика литературы В. Тюпы (Ипполитов, Тюпа 2015).

Любопытно, что к столетию гибели Пушкина, в 1937 году Михаил Зощенко публикует текст «Талисман. Шестая повесть Белкина». Содержательно и стилистически она очень близка пушкинскому «квинтету». В авторском предисловии он пишет: «В классической литературе было несколько излюбленных сюжетов, на которые мне чрезвычайно хотелось бы написать. И я не переставал жалеть, что не я придумал их <...> Конечно, в наши дни не должно быть слепого подражания Пушкину. Ибо получится безжизненная копия, оторванная от нашего времени. Но иногда полезно сделать и копию, чтоб увидеть, каким секретом в своем мастерстве обладал великий поэт и какими красками он пользовался, чтоб достичь наибольшей силы <...> Итак, я предлагаю вниманию читателя копию с прозы Пушкина – шестую повесть Белкина, названную мною "Талисман"» (Зощенко 1937). Таким образом, Михаил Зощенко не скрывает, что написал «копию».

Д. Шеваров в статье «Пьеро Белкин» говорит об авторском предисловии Пушкина как о шестой повести: «Пространное предисловие к повестям обычно пролистывается даже внимательным читателем, ведь раз произведение написано Пушкиным, то к чему такая длинная повесть о мнимом авторе ("Гробовщик", к примеру, всего лишь вдвое длиннее предисловия).

А это и в самом деле отдельная повесть, шестая повесть Белкина! В ней, как и в других пяти повестях, есть свой сюжет. Правда, герой здесь один-единственный – сам Белкин» (Шеваров 1999).

Н. Михайлова в 2021 году публикует в «Новом мире» главы из книги «Иван Петрович Белкин». Книга совсем скоро выйдет в издательстве «Молодая гвардия». Н. Михайлова размышляет над вопросом: почему мы считаем автором «Повестей Белкина» Пушкина, а не самого Ивана Петровича? Предлагает читателю (думается, юному) поразмышлять, поиграть, реконструировать жизнь вымышленного персонажа и попытаться вписать ее в обстоятельства реальной истории.

Хочется также остановиться на публикации Ирины Муравьевой «Повесть о Белкине» (Муравьева 2023) и попытаться ответить на вопрос: как можно расценить данный текст – как эксплуатацию классического наследия или как вариант актуализации классики? О Белкине в тексте Пушкина мы судим по нескольким мелочам, его портрет дан очень скупо. И. Муравьева решает этот пробел восполнить и создает повесть об этом важном пушкинском персонаже. Иван Петрович получает свою биографию, свою судьбу.

У Ирины Муравьевой – разная интенсивность проявления пяти пушкинских повестей. Самое сильное влияние оказала «Барышня-крестьянка» (Акулина, записка в дупле и т.п.: Аграфена Самсоновна (не Дуняша, но все же дочь Самсона!), дочь некоего станционного зрителя, угощает героя завтраком: «Он съел, однако, два свежих калача с маслом и выпил чаю со сливками [выделено нами. – И.Н., А.У.]» (Муравьева 2023, с. 106). Из пушкинской «Метели» – имя одной из героинь Марья Гавриловна, эпизод метели и венчания. В целом «Повесть о Белкине» Ирины Муравьевой мы предлагаем считать оригинальной «ремейковой аппликацией» как вариации интертекстуальности.

Полученные результаты и выводы

Многообразная «реставрация» (в самом широком смысле этого слова) пушкинского текста, пушкинского кода стала в современном русском литературном процессе значимой авторской стратегией. Ее надо изучать, понимать. Постараться использовать для возвращения в приоритет молодых людей важности традиционной культуры и вечной классики. В ходе исследования многообразных рецепций «пушкинского текста» как культурного явления были выявлены три заметные ее формы. Первая: обращения к тексту романа в стихах «Евгений Онегин» и их переосмысление современными авторами. Вторая: пересмотр судьбы самого Александра Сергеевича Пушкина в рамках литературного явления, обозначенного как «альтернативная история». Третья: комплексное использование «пушкинского бренда» в произведениях современных авторов.

Проанализированные тексты неравнозначны в художественном и содержательном планах. Некоторые из них можно смело назвать эпигонскими – лишенными творческой самостоятельности. Отдельные тексты достаточно интересны и для «массового» читателя, и для профессионалов-филологов. «Пушкинизация» в современной русской литературе, ставшая в XXI веке заметной тенденцией (как принято ныне выражаться – «дорожной картой»), помогает историкам литературы экстенсивно воспринимать специфику новейшего литературного процесса.

Источники фактического материала

Пастернак Б. Антология английской поэзии // Пастернак Б. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. Москва: Художественная литература, 1990. С. 282–296.

Толстая Т. Любишь – не любишь: Рассказы. Москва: Оникс, ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 384 с.

Степанов А. Ярый Жан: [роман в стихах]. Москва: ДПК Пресс, 2020. 283 с.

Пушкин А.С. Полное собр. соч.: в 10-ти тт. Т.10. Письма 1831–1837. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 711 с.

Библиографический список

Башнин Е. Фантазии на тему «Евгения Онегина». Санкт-Петербург, 1999, репринтное издание, 182 с.

Бинова Г. Жанровые модификации новейшей русской прозы // *Litteraria humanitas*. Brno, 1998. № VI. С. 202–213.

Богданова О., Власова Е. «Филологическая проза» Андрея Синявского. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 144 с.

Бродский Н.Л. Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина. Москва, 1964.

Виктор Иванов 17. Евгений Онегин. Мистика. URL: <https://stihi.ru/2016/05/02/5665> (дата обращения: 27.05.2024).

Гей Н.К. Мир «Повестей Белкина» // Пушкин А.С. Повести Белкина. Ред.-сост.: Н.К. Гей, И.Л. Попов. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 1999. С. 609–613.

Гудкова С.П., Раужина А.М. Особенности рецепции «онегинского текста» в литературном процессе XXI в. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice*. 2024. Т. 17 (2). С. 527–532.

Девятков В. Клон Пушкина, или Русский человек через двести лет (По страницам современной прозы) // *Звезда*. 2000. № 2.

Дон-Аминадо. Парадоксы жизни. Москва: Обновление, 1991. 302 с.

Ерофеев В. Реабилитация Дантеса // *Огонек*. 2002. № 37. С. 107–112.

Зошенко М. Талисман. Шестая повесть Белкина // *Звезда*. 1937. № 1. С. 147–152.

Ипполитов С.С., Тюпа В.И. Мистификация Пушкина: кем был покойный «славный малый» Иван Петрович Белкин? // *Новый исторический вѣстник [вестник]*. 2015. № 4 (46). С. 129–148.

Красухин Г. Судьба Онегина: Книжная полка // *Литература*. 2002. № 11.

Крюкова О.С. Ономастикон романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Москва, 1999.

Лапин К. Кто? Что? Где? Когда? в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. Москва, 2009.

Ленинградский государственный архив в г. Выборге – ЛОГАВ. Фонд 118 Александра Хлебникова. Описание №1. № 53546.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Ленинград, 1980.

Минаев Д. Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах // Репринт. 2019 г., издательство не установлено, Санкт-Петербург, 1877, Берлин 1922. 250 с.

Михайлова Н. Иван Петрович Белкин. Главы из книги // Новый мир. 2021. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2021/12 (дата обращения: 20.03.2024).

Муравьева И. Повесть о Белкине // Дружба народов. 2023. № 2. С. 75–111.

Набоков В.В. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Москва, 1999.

Олейников А. Онегин. Графический путеводитель: [для среднего и старшего школьного возраста]. 4-е изд. Москва: Самокат, 2024. 128 с.; с ил.

Онегинская энциклопедия. Т. 1. Москва, 1999; Т. 2. 2004.

Пустовая В. Серый мутированный гот с глазами писателя // Континент. 2011. № 150. С. 402–419.

Савельев А. Современный Евгений Онегин. Стихотворная пародия. Москва: Прогресс-Традиция, 2018. 580 с.

Славецкий В. Реставрация ведется // Новый мир. 1996. № 4. С. 221–227.

Судьба Онегина / Сост., вступ. статья, комментарий В. и А. Невских. Москва: Ассоциация Экост, 2001. 543 с.

Сурат И. Памятник зайцу // Новый мир. 1994. № 10.

Хлебников А. Талисман // Подарок Моны Лизы: Науч.-фантаст. повести и рассказы. Санкт-Петербург. Дума, 2001. 277 с.

Черняк М.А., Цветкова Е.Г. Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 7. С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.669>.

Чуковский К. Нынешний Евгений Онегин // Одесские новости. 1904. URL: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/about/kanunnikova-neizvestnyj-onegin.htm> (дата обращения: 12.04.2024).

Шеваров Д. Пьеро Белкин // Новый мир. 1999. № 4. С. 170–175.

Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». Санкт-Петербург: Издательство СПб университета, 1996. 372 с.

References

Bashnin, E. (1999), *Fantasies on the theme of "Eugene Onegin"*, St.-Petersburg, Russia.

Binova, G. (1998), Genre modifications of the latest Russian prose, *Litteraria humanitas*, Brno, no. VI, pp. 202–213.

Bogdanova, O. and Vlasova, E. (2022), "*Philological prose*" by *Andrey Sinyavsky*, St.-Petersburg, Alethea, Russia.

Brodsky, N.L. (1964), *Evgeny Onegin. Roman A.S. Pushkin*, Moscow, USSR.

Ivanov, V. 17. *Evgeny Onegin. Mysticism*, [Online], available at: <https://stihi.ru/2016/05/02/5665> (Accessed 27 April 2024).

Gay, N.K. (1999), The world of "Belkin's Stories", *Pushkin A.S. Belkin's Stories*, IMLI RAS, Heritage, Russia, pp. 609–613.

Gudkova, S.P. and Rauzhina, A.M. (2024), Features of the reception of the "Onegin text" in the literary process of the XXI century, *Philological Sciences. Questions of theory and practice of Philology. Theory & Practice*, vol. 17, issue 2.

Devyatov, V. (2000), Pushkin's clone, or Russian man after two hundred years (Through the pages of modern prose), *Zvezda*, no. 2.

Don Aminado (1991), *Paradoxes of life*, Moscow, Renewal, Russia.

Yerofeev, V. (2002), Rehabilitation of Dantes, *Ogonek*, no. 37, pp. 107–112.

Zoshchenko, M. (1937), Talisman. Belkin's Sixth Novel, *Zvezda*, no. 1, pp. 147–152.

Ippolitov, S.S. and Tyupa, V.I. (2015), Pushkin's Hoax: who was the late "nice guy" Ivan Petrovich Belkin? *New Historical Bulletin [bulletin]*, 2015, no. 4 (46), pp. 129–148.

Krasukhin, G. (2002), Onegin's Fate: Bookshelf, *Literature*, no. 11.

Kryukova, O.S. (1999), *Onomasticon of the novel by A.S. Pushkin "Eugene Onegin"*, Moscow, Russia.

Lapin, K. (2009), *Who? What? Where? When? in "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin*, Moscow, Russia.

Leningrad State Archive in Vyborg - LOGAV, Alexander Khlebnikov Foundation 118, Inventory no. 1, no. 53546.

Lotman, Yu.M. (1980), *Roman A.S. Pushkin "Eugene Onegin". Comment. Teacher's manual*, Leningrad, USSR.

Minae, D. (1877), *Eugene Onegin of our time. A novel in verse*, St.-Petersburg, Berlin.

Mikhailova, N. (2011), Ivan Petrovich Belkin. Chapters from the book, *Novy Mir*, no. 12, [Online], available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2021/12 (Accessed 20 March 2024).

Muravyeva, I. (2023), The Tale of Belkin, *Friendship of Peoples*, no. 2, pp. 75–111.

Nabokov, V.V. (1999), *Commentary on "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin*, Moscow, Russia.

Oleynikov, A. (2024), *Onegin. Graphic guide: [for middle and high school age]*, Moscow, Samokat, Russia.

Onegin Encyclopedia (1999, 2004), vol. 1,2, Moscow, Russia.

Pustovaya, V. (2011), Gray mutated Goth with the eyes of a writer, *Continent*, no.150, pp. 402–419.

Saveliev, A. (2019), *Modern Eugene Onegin. A poetic parody*, Progress–Tradition, Moscow, Russia.

Slavetsky, V. (1996), Restoration is underway, *Novy Mir*, no. 4, pp. 221–227.

Stepanov, A. (2020), *Ardent Jean: [novel in verse]*, DPK Press, Moscow, Russia.

The fate of Onegin (2001), *Comp., intro. article*, comment by V. and A. Nevskikh, Association of Ecost, Moscow, Russia.

Surat, I. (1994), Monument to the hare, *New World*, no. 10.

Khlebnikov, A. (2001), *Talisman.: Collection: Mona Lisa's gift: Science fiction. novels and short stories*, Duma, St.-Petersburg, Russia.

Chernyak, M.A. and Tsvetkova, E.G. (2021), A graphic guide as a new way of dialogue with a classical text, *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, vol. 43, no. 7, pp. 78–84, DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.669>.

Chukovsky, K. (1904), The current Eugene Onegin, *Odessa News*, [Online], available at: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/about/kanunnikova-neizvestnyj-onegin.htm> (Accessed 27 April 2024).

Schmid, V. (1996), *Pushkin's prose in poetic reading: "Belkin's Stories"*, St.-Petersburg University Press, St.-Petersburg, Russia.

Submitted: 17.06.2024

Revised: 02.09.2024

Accepted: 12.10.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.02

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-62-68

Дата поступления: 10.06.2024
рецензирования: 09.09.2024
принятия: 25.09.2024

Р.Г. Житко

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: romanzhitko92@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8821-0955>

Категория Ничто как фактор эстетики и поэтики литературы модернизма

Аннотация: в статье определяется специфика влияния представлений о Ничто на художественную философию и эстетику модернизма. Констатируется, что ощущение «рубежности» времени создавало неоднозначное восприятие мира: мистический страх «кануть в Ничто» вместе с «умирающим» миром, горечь утраты «прежнего» мира сочетались с ожиданием неизбежного возрождения. Ничто становится системообразующим фактором художественной философии и эстетики модернизма. Модернизм возражает как против ницшеанской концепции «смерти Бога», так и против рационально-прагматического понимания бытия. Модернистская рефлексия о Ничто означает стремление к классическому ценностному отношению к миру, манифестирует спасение культуры, человеческого и божественного в человеке, утверждает представление о высшем (в онтологическом и ценностном смысле) бытии. Поэтому определяющим положением модернистской эстетики оказывается утверждение наличия Высшего и Сакрального, одним из репрезентантов которого в тексте становится Ничто. Теоретики модернизма проявляют интерес к различным традициям осмысления Ничто в культуре и осваивают их в эстетике и поэтике. Гетерогенность наследуемых традиций порождает многообразие поэтико-философских концепций: установка на познание Непознаваемого через символическую образность, мифо-теургические построения как основа «негативной эстетики» XX в. сочетались с онтологизацией Ничто в хронотопе художественного произведения на основе сближения архетипических оппозиций и утверждения ценности духовного усилия, направленного на постижение высшего смысла бытия. Таким образом, категория Ничто в эстетике модернизма выступает воплощением онтологической проблематичности непостижимого мира, признаком его эпистемологической неопределенности, соотнося Абсолютное и Непостижимое с Прекрасным.

Ключевые слова: Ничто; Пустота; категория; эстетика; поэтика; модернизм.

Цитирование: Житко Р.Г. Категория Ничто как фактор эстетики и поэтики литературы модернизма // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 62–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-62-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Житко Р.Г., 2024 – магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, Гродненский Государственный университет имени Янки Купалы, 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22.

SCIENTIFIC ARTICLE

R.G. Zhitko

Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Republic of Belarus
E-mail: romanzhitko92@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8821-0955>

The category of Nothingness as a factor in the aesthetics and poetics of modernist literature

Abstract: the article defines the specifics of the influence of ideas about Nothingness on the artistic philosophy and aesthetics of modernism. It is stated that the feeling of the "liminal" time created an ambiguous perception of the world: the mystical fear of "sinking into Nothingness" together with the "dying" world, the bitterness of the loss of the "former" world were combined with the expectation of an inevitable revival. Nothingness becomes a system-forming factor in the artistic philosophy and aesthetics of modernism. Modernism

objects both to Nietzschean concept of the "death of God" and to the rational-pragmatic understanding of being. Modernist reflection on Nothingness means striving for a classical value attitude to the world, manifests the salvation of culture, the human and the divine in man, asserts the idea of the highest (in the ontological and value sense) being. Therefore, the defining position of modernist aesthetics is the assertion of the presence of the Supreme and the Sacred, one of the representatives of which in the text is Nothingness. Theorists of modernism show interest in various traditions of understanding Nothingness in culture and master them in aesthetics and poetics. The heterogeneity of inherited traditions gives rise to a variety of poetic and philosophical concepts: the focus on cognition of the Unknowable through symbolic imagery, mytho-theurgic constructions as the basis of the "negative aesthetics" of the 20th century were combined with the ontologization of Nothingness in the chronotope of a work of art based on the convergence of archetypal oppositions and the affirmation of the value of spiritual effort aimed at comprehending the highest meaning of existence. Thus, the category of Nothingness in the aesthetics of modernism acts as the embodiment of the ontological problematic nature of the incomprehensible world, a sign of its epistemological uncertainty, correlating the Absolute and the Incomprehensible with the Beautiful.

Key words: Nothingness; Emptiness; category; aesthetics; poetics; modernism.

Citation: Zhitko, R.G. (2024), The category of Nothingness as a factor in the aesthetics and poetics of modernist literature, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 62–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-62-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Zhitko R.G., 2024** – Master of Science in Philology, Senior Tutor at the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno, 22, Ozheshko str., Grodno, 230023, Belarus.

Введение

Начальный период развития культуры XX в. отмечен усиливающимся ощущением нестабильности, потери ориентиров, утраты ценностей уходящего столетия, вследствие чего в мировоззрении актуализировался ряд экзистенциально важных вопросов. Поиск ответов на эти вопросы потребовал внимания к универсальным мировоззренческим категориям, уходящим корнями в древнейшие эпохи; к числу таковых относится категория Ничто (и синонимичная ей Пустота), при этом литература модернизма трансформирует её из сугубо мировоззренческой в категорию художественной поэтики, вследствие чего Ничто приобретает функционально-телеологическую значимость в построении хронотопа, системы образов и мотивов произведения, а также его ценностной специфики.

В.А. Мескин отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. усиливается т. наз. «кризис сознания», с которым связано трагическое мироощущение мыслителей и творцов того времени (Мескин 1997, с. 20–98). По замечанию К.Г. Исупова, «человек переходного времени конца XIX–XX вв. оказался запертым внутри квадрата, четыре точки которого составили: 1) релятивистская картина мира (А. Эйнштейн, Г. Кантор); 2) психиатрия ментальных разоблачений (фрейдизм); 3) жанрово-стилистический кризис в литературно-художественной классике; 4) массовые преступления против человечности» (Исупов 2012, с. 19). Все эти процессы, в том числе убыстрение истории, на что обращает внимание Ю.Б. Борев (Борев 2001, с. 259), отражаются в эстетических принципах

модернистской литературы. В широком смысле человечество входило в период глубокого и масштабного кризиса: социально-исторического, мировоззренческого, политического; так, в частности, О. Шпенглер характеризует эту эпоху как время заката европейской цивилизации (Шпенглер). Упадок гуманистических ценностей резко контрастирует с бурным научно-технологическим ростом, сопровождавшимся трансформацией ряда общественных институтов. Поэтому, отмечает А.М. Зверев, современники ощущали свою эпоху как время «необратимых перемен, сопровождающихся крахом верований и духовных ценностей, которыми жили предшествующие эпохи» (Зверев 2001, с. 566–567). Ощущение разрыва с прошлым, отчуждения от истоков порождало чувство экзистенциальной тревоги и неопределенности. «Оглядываясь на сто лет, мы видим, как на рубеже двух веков “прервалась связь времен”, как резко оборвалась красная нить, проходящая сквозь тысячелетия западного искусства» (Генис). Дальнейшие исторические события и реалии (мировые войны, тоталитарные режимы, социально-политические потрясения, неоднозначность научно-технического прогресса и многое другое) продемонстрировали обоснованность тревоги модернистов за будущее человечества. Модернистская эстетика ищет ответы на возникающие перед литературой и искусством вопросы в культурном наследии и традиции; по мнению Ю.Б. Борева, те или иные течения внутри модернизма близки сразу нескольким различным эстетическим концепциям, развившимся в предыдущие эпохи; кроме того, европейско-американская литературная традиция

вступает в продуктивное взаимодействие с эстетическими принципами других, «экзотических», литератур (Борев 2001, с. 259).

В свою очередь, Н.А. Бердяев отмечал: «Много кризисов искусство пережило за свою историю... Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически прекрасного искусства, и чувствуется, что нет возврата к его образам» (Бердяев). Перед модернистами встает философско-эстетическая проблема, решение которой требовало поиска выхода из культурно-исторического тупика, восстановления классических культурных и нравственных ценностей, преодоления гуманитарного кризиса. Становится очевидной необходимость нового осмысления Прекрасного, и творческая рефлексия о Ничто в модернизме олицетворяет не только философское, но и эстетическое вопрошание авторов о мире, о бытии, о человеке. Вновь возникают ключевые вопросы: «что есть Прекрасное?», «каковы его критерии и признаки?», «как противопоставить Прекрасное и безобразное?». Постепенно эстетизм становится «универсальным стилем жизни» модернистской эпохи, определяя стремление создавать вокруг человека эстетически маркированную культурную среду (Борев 2001, с. 261). Литература (и в целом искусство) превращается в оплот Прекрасного в нестабильном и беспокойном бытии.

Основная часть

Деятели культуры и искусства эпохи модернизма, «испытывавшие бесчисленные нравственные потрясения, ощущали себя путниками, балансирующими на грани бытия и не-бытия» (Севастьянова 2011). Ощущение «рубежности» происходящего создавало неоднозначное восприятие мира: мистический страх «кануть в Ничто» вместе с «умирающим» миром, горечь утраты этого «прежнего» мира во всех его проявлениях сочетались с ожиданием неизбежного возрождения бытия в новом качестве. Именно поэтому размышление о Ничто становится одной из центральных тематических линий в литературе, став системообразующим фактором художественной философии и эстетики модернизма. Модернизм возражает как против ницшеанской концепции «смерти Бога», так и против рационально-прагматической концепции бытия. Таким образом, возникает и развивается, в том числе под влиянием классических (архетипических) мировоззренческих представлений, комплекс идей о наличии скрытого в мире и человеке, о необходимости постижения высшего смысла бытия, который лежит за пределами рационально-эмпирического модуса. Данное явление

впоследствии получает название «a realibus ad realiora» – «от реального к реальнейшему» (Зверев 2001, с. 567).

Все эти обстоятельства оказывают определяющее влияние на развитие эстетической системы модернизма и на специфику рефлексии о Ничто в этой системе. «Реставрация» Ничто, воплотившего в себе совокупность представлений о Сакральном как о высшей ценности, была обусловлена рядом причин ценностного характера. Во-первых, накоплению объема фактических знаний о мире во второй половине XIX в. не сопутствовало столь же значительное культурно-нравственное развитие человечества, напротив, многие естественнонаучные открытия вызвали у гуманитарной интеллигенции опасение о грядущем «расчеловечивании» культуры. Во-вторых, становилось все более очевидным, что с расширением сферы познания расширяется сфера Непознанного (и, вероятно, непостижимого). В-третьих, рационально-прагматические научные концепции конца XIX в. не смогли заменить религию и философию в аспекте целостного объяснения бытия, не смогли предложить внятную систему ценностей. Напротив, модернистское утверждение Ничто означает стремление к классическому ценностному отношению к миру, манифестирует спасение культуры, человеческого и божественного в человеке, утверждает идею о высшем (в онтологическом и ценностном смысле) бытии. В этом проявляет себя парадоксальная черта модернистской эстетики и философии: сочетание новаторства художественного поиска с заметным традиционализмом мироощущения.

Ряд философов эпохи модернизма (М. Хайдеггер, Г. Зедльмайр, П.А. Флоренский, В.В. Розанов) обратили внимание на происходящие мировоззренческие изменения, которые нашли отражение в искусстве рубежа XIX–XX вв. и были связаны с возросшим интересом к феноменам мира и их скрытой сущности, к онтологизму бытия в его духовной автономности (Едошина 2002, с. 6–8). Происходит значительная трансформация художественной философии: модернистская эстетика отказывается от реалистического жизнеподобия, заменяя его стремлением к подчеркнутой условности художественного мира; этим отражается непостижимость подлинного смысла бытия. Мир, моделируемый в литературе модернизма, превращается в проекцию метафизических идей: «в целом размышления Хайдеггера, Гадамера, Флоренского, Розанова, Зедльмайра, Бахтина, связанные с осмыслением своеобразия художественных исканий в искусстве XX в., подводят к проблеме их целостности, акцентируют приоритетность онтологического подхода, позволяющего увидеть в скрытых основаниях форм предметного мира их мыслимое духовное содержание» (Едошина 2002,

с. 27–30). Из этого проистекают принципиально значимые в контексте данного исследования положения: во-первых, модернистская картина мира утверждает наличие Высшего и Сакрального, одним из репрезентантов которого в тексте становится Ничто; во-вторых, Ничто в гносеологическом отношении представляет собой неразрешимую проблему как для автора, так и для героя; в-третьих, особую ценность обретает духовное усилие, направленное на постижение высшего смысла бытия.

В.С. Севастьянова констатирует, что Ничто (и его синонимический вариант Пустота) присутствует в большинстве произведений начала XX в. Модернисты, осмысляя свою эпоху, ощущают «вторжение» небытия в бытие, следствием чего становится ряд изменений в художественном философствовании и художественном языке эпохи (Севастьянова 2010, с. 45–50); (Севастьянова 2011, с. 109–118). Категория Ничто выступает олицетворением онтологической проблематичности непостижимого в своей сущности мира, признаком «эпистемологической неуверенности», сомнений в правильности понимания действительности. Одной из важнейших мировоззренческих установок модернизма становится стремление к преодолению «механицизма» восприятия мира, тяга к постижению его метафизической сути. Недостижимая Истина (отождествляемая с Высшим Разумом, Богом, отчасти – с эстетической категорией Прекрасного), по представлениям модернистов, находится в сфере несуществования, небытия, великого священного божественного Ничто (Севастьянова 2011). Эта непостижимая сфера, лежащая за пределами бытия, мысли и слова, представляется модусом Абсолюта и предстает истоком и условием существования зримого мира.

Развиваемая в модернизме идея о Сакральном и Непознаваемом Ничто восходит к мифу Платона о пещере – аллегории, согласно которой человек ничего не знает об истинном (сверхчувственном) мире, освещаемом истинным солнцем; это идеалистический миф, утверждающий иллюзорность реальной действительности, обесценивающий телесные ощущения, исполненный веры в иной мир, в трансцендентность, в Идею (Хайдеггер, с. 16–27). В модернистской парадигме с данными положениями коррелируют идеи неоромантизма, откуда в модернизм входит ряд типологически сходных явлений: темы одиночества и отчуждения, проблема духовных исканий, стремление к Непостижимому, Священному, таинственному. Ф.П. Федоров отмечает, что, в частности, символизму, как и романтизму, свойственно «сосредоточение на изображении вечности, мыслимой как истина, добро, красота, как сфера идеала, как нечто подобное платоновской идее» (Федоров 2004, с. 324).

Идеалистический модус осмысления Ничто корреспондирует также с положениями религиозно-философской картины мира (Булгаков 1994, с. 122), в которой Ничто отражает непостижимость мира. На формирование представлений о гносеологическом статусе Ничто на рубеже XIX–XX вв. оказали влияние идеи В.С. Соловьёва о том, что Абсолютное первоначало, с одной стороны, объективно недоступно для гносеологии, поскольку не является материальным предметом познания, но, с другой стороны, может быть исследуемо в качестве предмета мысли. При этом истинность существования Абсолютного не ставится под сомнение (Соловьёв 2013, с. 336, с. 323). В этом вопросе В. Соловьёв не ограничивается христианским пониманием проблемы, но, по замечанию Л.Л. Авдейчик, «стремится к примирению антагонистических систем языческой (античной) мифологии и христианского вероучения», настаивая на их «эзотерической близости» (Авдейчик с. 35). Исследователь отмечает влияние идей Платона на поэтику и метафизическую концепцию Всеединства В. Соловьёва. Проблема преодоления, заполнения Пустоты, духовного соединения с Вечностью, с Абсолютом приобретает принципиальное значение в художественной философии автора (Авдейчик с. 39–40). Позднее С.Л. Франк, рассматривая в религиозном ключе проблему нравственных ценностей, развивает концепцию «бесплотной Пустоты чистой идеальности» (Франк). Таким образом, сферу Абсолютного (соотносимого в эстетическом отношении с Прекрасным) допустимо рассматривать в качестве ключевого объекта модернистской гносеологии, в качестве категории, с которой модернистское Ничто вступает в отношения частичного тождества.

Данная установка определяет несколько мировоззренческих ориентиров модернизма. С одной стороны, признание истинности Ничто влечет за собой вопрос об онтологической сущности вещественного мира, о корреляции в нем Ничто и нечто, пустоты и предмета. С другой стороны, возникает потребность в художественном осмыслении опосредованного проникновения Ничто в бытие, что означает изображение непостижимого, переживание необъяснимого: «темное созерцание, погружение в колодезь Ничто» (Севастьянова). О.А. Ханзен-Лёве отмечает, что модернизму свойственно стремление выразить «абсолютное, божественное, высочайшее» (Ханзен-Лёве 2016, с. 80), то есть невыразимое. Способом освоения данной сферы в модернизме становится образное воплощение непостижимых явлений, недоступных для рационального осмысления. Превращение Неведомого в образ, а значит в явление постижимого бытия не означает его постижение – оно остается недоступным. Поэтому возникает вопрос о Ничто как о факторе онтологии художественного мира в

целом, то есть о его специфике в пространственном и временном модусе. Иными словами, данная категория рассматривается как метафизическая, и с этой целью авторы-модернисты актуализируют философскую и мифологическую традицию.

В русской литературе одними из первых обращаются к изучению проблемы Ничто в философском ключе В. Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов, в творчестве которых попытка постижения Непостижимого осуществляется посредством символической образности. Гетерогенность наследуемых традиций порождает многообразие поэтико-философских концепций: «позиция Белого, как и Брюсова, предполагала установку на узнавание, “чтение” априорно заданной органической символики и присвоение этих гносеологических трофеев на языке соответствий <...>. Гносеологизму Белого и Брюсова продуктивно противостояла мифо-теургическая концепция В. Иванова» (Исупов 2012, с. 15), что не отменяло общность их интереса к «ключам тайн» как «объекту познания» (Исупов 2012, с. 15), основополагающему в модернистской эстетике и поэтике. Идея Андрея Белого о «преодолении языка», восходящая к мысли о непогрешимости абсолютного молчания, выразилась в формуле «Совершенно только Ничто», ставшей одной из основ «негативной эстетики» XX в. (Казин). В дальнейшем эта концепция в своем предельном выражении приводит к идее «литературы молчания», сформулированной С. Беккетом и заключающейся в «отказе» от творчества и замещении текста пустыми страницами. Другое направление осмысления Ничто связано с актуализацией архетипических бинарных оппозиций. А.М. Зверев называет мифологизм одним из основных признаков построения модернистского художественного мира (Зверев 2001, с. 569). Поэтика модернизма тяготеет к упорядочению, иерархизации, структурированию хронотопа, в котором противопоставляются такие архетипические пары, как нынешнее – прошлое/грядущее, далёкое – близкое, временное – вечное, живое – мёртвое. «Сближение» этих противоположностей в контексте переходной эпохи актуализировало восходящую к мифу концепцию циклического бытия и обусловило специфику онтологизации Ничто в хронотопе художественного произведения.

Заключение

Начало XX в., став временем смены культурных, философских, эстетических и художественных парадигм, выдвинуло новую эстетику, одним из системообразующих факторов которой стала творческая рефлексия о категориях Ничто и Пустота. В литературе модернизма Ничто коррелирует со сферой Непознанного, Сакрального и Трансцендентного. Абсолютное Ничто актуализируется в семантике «нулевого времени» и «ну-

левого пространства» как фактор рубежного момента бесконечного циклического бытия; в то же время Ничто мыслится и в качестве связующего компонента циклов времени, данная диалектическая связь противоположных аспектов понимания категории Ничто служит для художественного воплощения антитезы «уничтожение – творение». Мифологические истоки Ничто проявляются в построении ситуации «остановившегося времени», конечного бытия, утраченного предмета либо прерванного существования. Ничто приобретает двойственную семантику, связывая структурные элементы хронотопа и разграничивая их; бесконечное (циклическое) время Вселенной противопоставляется конечному времени существования субъекта/предмета. Используется темпоральное и пространственное значение «предельности» и рубежности; моделируется «время *никогда*» и «пространство *нигде*». Ничто/Пустота приобретает двойственную семантику, сочетая негативный и позитивный семантический компонент, однако ключевым фактором остаётся связь категории Ничто с сакральной сферой. Гетерогенность представлений о Ничто в мировой культуре обуславливает наличие разных индивидуально-творческих преломлений модернистской художественной философии в произведениях.

Библиографический список

- Авдейчик Л.Л. Культурный синтез в поэзии В.С. Соловьёва // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-sintez-v-poezii-v-s-solovieva>. (дата обращения: 09.09.2023).
- Бердяев Н.А. Кризис искусства // Электронная библиотека Одинцовского благочиния Московской епархии. 2024. URL: http://www.odinblago.ru/krizis_iskusstva. (дата обращения: 11.09.2024).
- Борев Ю.Б. Период постмодернизма: человек не выдерживает давления и становится постчеловеком // Теория литературы. Том. IV. Литературный процесс. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 624 с.
- Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Республика, 1994. 415 с.
- Генис А.А. Модернизм как стиль XX века // Журнальный зал. 2024. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html> (дата обращения: 12.09.2024).
- Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: [Монография]. М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. 250 с.
- Зверев А.М. Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва, 2001. С. 566–569.

- Исупов К.Г. Символизм и герменевтика // *Opuscula slavica sedlcensia*. Т. I. Седльце, 2012. 98 с.
- Казин А.Л. Андрей Тарковский. «Андрей Рублёв» [Электронный ресурс] // Портал «Слово». 2024. URL: https://www.portal-slovo.ru/art/35941.php?ELEMENT_ID=35941&PAGEN_1=4. (дата обращения: 11.09.2024).
- Мескин В.А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX в. Москва: Прометей, 1997. 137 с.
- Севастьянова В.С. «Качая мглой, встает ничто...» (О проблеме не-бытия в поэзии русского модернизма и в литературоведческом дискурсе) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 61. 2011. № 37 (252). С. 109–118.
- Севастьянова В.С. «В темь изначальную...»: эманатический универсум Андрея Белого // Вестник МаГУ. 2010. С. 45–50.
- Севастьянова В.С. «Весь ужас переставшей пустоты...»: трагедия творения в художественном пространстве русской поэзии 1920-х гг. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ves-uzhas-perestavshey-pustoty-tragediya-tvoreniya-v-hudozhestvennom-prostranstve-russkoy-poezii-1920-h-gg>. (дата обращения: 20.08.2024).
- Севастьянова В.С. «Гляди в холодное ничто...»: трагедия познания в художественных вселенных русского литературного модернизма (А. Блок, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glyadi-v-holodnoe-nichto-tragediya-poznaniya-v-hudozhestvennyh-vselennyh-russkogo-literaturnogo-modernizma-a-blok-yu-baltrushaytis-v>. (дата обращения: 29.08.2024).
- Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 Т. Москва: Книга по требованию, 2013. Т. I. 407 с.
- Фёдоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. Москва: МИК, 2004. 368 с.
- Франк С.Л. Духовные основы общества // Православная энциклопедия «Азбука веры». 2024. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshestva/. (дата обращения: 11.09.2024).
- Хайдеггер М. Вещь // Цифровая библиотека по философии. 2024. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml>. (дата доступа: 23.08.2024).
- Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. Москва: Республика, 1993. С. 16–27.
- Ханзен-Лёве Оге А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду; перевод с немецкого Б. Скуратова, Е. Смотрицкого. Москва: РГГУ, 2016, 450 с.
- Шпенглер О. Закат Европы // Lib.ru: Классика. 2024. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml. (дата обращения: 06.09.2024).

References

- Avdeychik, L.L. (2024), *Cultural synthesis in the poetry of V. S. Solovyov*, Scientific electronic library "CyberLeninka", [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-sintez-v-poezii-v-s-solovieva> (Access 09 September 2023).
- Berdyayev, N.A. (2024), *Crisis of art*, Electronic library of the Odintsovo deanery of the Moscow diocese, [Online], available at: http://www.odinblago.ru/krizis_iskusstva (Access 11 September 2024).
- Borev, Yu.B. (2001), *The period of postmodernism: a person cannot withstand the pressure and becomes a posthuman*, Theory of literature. Volume IV. The Literary Process, IMLI RAS, Nasledie, Moscow, Russia.
- Bulgakov, S.N. (1994), *The Unevening Light: Contemplations and Speculations*, Respublika, Moscow, Russia.
- Genis, A.A. (2024), *Modernism as a Style of the 20th Century*, Magazine Hall, [Online], available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html>. (Access 12 September 2024).
- Edoshina, I.A. (2002), *Artistic consciousness of modernism: sources and mythologemes*, Monograph, Ministry of Education of the Russian Federation. Russian State Humanitarian University, Moscow, KSU named after N.A. Nekrasov, Kostroma, Russia.
- Zverev, A.M. (2001), *Modernism*, Literary Encyclopedia of Terms and Concepts, Moscow, Russia, pp. 566–569.
- Isupov, K.G. (2012), *Symbolism and Hermeneutics*, *Opuscula slavica sedlcensia*, T. I, Siedlce, 98 p.
- Kazin, A.L. (2024), *Andrei Tarkovsky. "Andrei Rublev"*, Portal "Slovo", [Online], available at: https://www.portal-slovo.ru/art/35941.php?ELEMENT_ID=35941&PAGEN_1=4. (Access 11 September 2024).
- Meskin, V.A. (1997), *Crisis of consciousness and Russian prose of the late 19th – early 20th centuries*, Prometheus, Moscow, Russia.
- Sevast'yanova, V.S. (2011), "Swaying with darkness, nothingness arises..." (On the problem of non-being in the poetry of Russian modernism and in literary discourse), *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*, Issue 61, no. 37 (252), pp. 109–118.
- Sevast'yanova, V.S. (2010), *"Into the primordial darkness...": the emanatic universe of Andrei Bely*, *Bulletin of MaGU*, pp. 45–50.
- Sevast'yanova, V.S. (2024), *"The whole horror of the ceased emptiness...": the tragedy of creation*

in the artistic space of Russian poetry of the 1920s., Scientific electronic library "CyberLeninka", [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ves-uzhas-perestavshey-pustoty-tragediya-tvoreniya-v-hudozhestvennom-prostranstve-russkoy-poezii-1920-h-gg> (Access 20 August 2024).

Sevast'yanova, V.S. (2024), "Look into the cold nothingness...": the tragedy of cognition in the artistic universes of Russian literary modernism (A. Blok, Yu. Baltrushaitis, V. Bryusov), Scientific Electronic Library "CyberLeninka", [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/glyadi-v-holodnoe-nichto-tragediya-poznaniya-v-hudozhestvennyh-vselennyh-russkogo-literaturnogo-modernizma-a-blok-yu-baltrushaytis-v.> (Access 29 August 2024).

Soloviev, V.S. (2013), *Collected Works: in 10 vol.*, Vol. I., Book on Demand, Moscow, Russia.

Fedorov, F.P. (2004), *The Artistic World of German Romanticism: Structure and Semantics*, MIK, Moscow, Russia.

Frank, S.L. (2024), *Spiritual Foundations of Society*, *Orthodox Encyclopedia "ABCs of Faith"*,

[Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshestva/ (Access 11 September 2024).

Heidegger, M. (2024), *Thing*, *Digital Library of Philosophy*, [Online], available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml>. (Access 23 August 2024).

Heidegger, M. (1993), *What is metaphysics? Time and being: Articles and speeches*, Republic, Moscow, Russia.

Hansen-Loewe, Aage, A. (2016), *Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde*, RSUH, Moscow, Russia.

Spengler, O. (2024), *The Decline of the West*, Lib.ru: Classics, [Online], available at: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml (Access 06 September 2024).

Submitted: 10.06.2024

Revised: 09.09.2024

Accepted: 25.09.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.131.1+101(470)(092)

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-69-73

Дата поступления: 15.06.2024
рецензирования: 10.09.2024
принятия: 30.09.2024

Д.А. Махов
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mrmakhov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1486-8824>

Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина и романе У. Эко «Имя Розы»

Аннотация: статья посвящена опыту анализа категории «наблюдатель» в романе У. Эко «Имя Розы». В первой части работы анализируются методологические предпосылки к изучению категории «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина, выявляется круг философских понятий, необходимых для осмысления указанной категории. Во второй части излагаются результаты анализа композиции романа У. Эко «Имя Розы» в русле методологии Б. Успенского (поэтика точек зрения). Также с помощью интерпретации факторов художественного впечатления на фокальном, глоссальном, сюжетном и мифотектоническом (В.И. Тюпа) уровнях романа проясняется категория «наблюдатель», сокрытая в тектоническом ядре произведения. Фиксируются отличия категории «наблюдатель» в понимании М.М. Бахтина и художественной практике У. Эко. В выводах к статье впервые в научном исследовании формулируется обобщенное понятие категории «наблюдатель» романа У. Эко «Имя Розы».

Ключевые слова: методология; теория литературы; функциональный прагматизм; категория наблюдателя; наблюдатель в романе; художественное целое; эстетический объект.

Цитирование: Махов Д.А. Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина и романе У. Эко «Имя Розы» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 69–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-69-73>.

Благодарности: автор выражает благодарность Сергею Петровичу Лавлинскому за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Махов Д.А., 2024 – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.A. Makhov
Russian State University of Humanities,
Moscow, Russian Federation
E-mail: mrmakhov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0009-1486-8824>

The category of observer in the works of M.M. Bakhtin and the U. Eco's novel «The Name of the Rose»

Abstract: the article is devoted to an experiment in analyzing the category «observer» in U. Eco's novel «The Name of the Rose». The first part of the paper analyzes methodological prerequisites for the study of the category «observer» in the works of M.M. Bakhtin, identifies the range of philosophical concepts necessary to comprehend the category. The second part presents the results of analyzing the composition of U. Eco's novel «The Name of the Rose» in the context of B. Uspensky's methodology (poetics of viewpoints). In addition, it is by interpreting the factors of artistic impression on the focal, glossal, plot and mythotectonic (V.I. Tyupa) levels of the novel that the category «observer», hidden in the tectonic core of the work, is clarified. The differences between the category «observer» in M.M. Bakhtin's understanding and U. Eco's artistic practice are noted. The conclusions to the article formulate a generalized conception of the category «observer» of U. Eco's novel «The Name of the Rose» for the first time in scientific research.

Key words: methodology; literary theory; functional pragmatism; observer category; observer in the novel; artistic whole; aesthetic object.

Citation: Makhov, D.A. (2024), The category of observer in the works of M.M. Bakhtin and the U. Eco's novel «The Name of the Rose», *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 69–73, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-69-73>.

Acknowledgments: the author express his gratitude Sergey Petrovich Lavlinskiy for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Makhov D.A., 2024** – PhD student of the Department of Theory and History of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University of Humanities, 6, Miusskaya ploshchad', Moscow, 125047, Russian Federation.

Введение

В научном обиходе не так много исследований, посвящённых изучению категории «наблюдатель» с литературоведческой точки зрения. Ещё меньше работ нам известно о проблеме наблюдателя и его сюжетных ролей в произведении. Современный опыт теоретической рефлексии категории «наблюдатель» в литературоведческом аспекте на основе работ вышеуказанных исследователей представлен участниками и организаторами спецсеминара «Визуальное в литературе» Российского государственного гуманитарного университета. Основатели и руководители спецсеминара С.П. Лавлинский и В.Я. Малкина в предисловии к сборнику статей отмечают, что одним из важнейших вопросов в изучении визуального в литературе становится проблема субъекта видения. Авторы отмечают, что наблюдатель с точки зрения сюжета и композиции может играть разные роли: персонаж, герой, лирический субъект, рассказчик, повествователь, образ автора. Кроме того, исследователи предложили набросок методики анализа категории «наблюдатель». В качестве первого шага предлагается описывать субъектную структуру текста: кто говорит, кто действует, кто видит. Следом, выделив субъектов видения из субъектной структуры, исследовать место наблюдателей в пространстве и времени, способы их взаимодействия с миром. А далее соотносить их с субъектами речи (Малкина, Лавлинский 2019).

Основным трудом, рассматривающим проблему наблюдателя, в том числе в аспекте его соотношения с сюжетными ролями, является работа М. Ямпольского «Наблюдатель: очерки истории видения». Он впервые связывает категорию наблюдателя с типами сюжетных персонажей: старьёвщик, «исчезнувший» наблюдатель, лирический субъект – наблюдатель водопада. Косвенно этот вопрос затрагивался в некоторых исследованиях, связанных с проблемами визуального, зрения и видения в литературе (М. Хайдеггер, Г. Зиммель, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, У. Эко, П. Флоренский, Б. Успенский, М. Бахтин). Однако все эти работы объединяет отсутствие чётких и методологически последовательных формулировок категории «наблюдатель». В центре внимания настоящей работы лежит философская концепция М. Бахтина в аспекте категории наблюдателя. Стоит отметить,

что М. Бахтин не ставил целью отрефлексировать категорию «наблюдатель», поэтому в его трудах она содержится по большей степени имплицитно. Нижеследующий анализ работы М. Бахтина представляет собой последовательную экспликацию разрозненных представлений автора об изучаемой нами категории и объединение их в целостное и непротиворечивое понятие.

Категория «наблюдатель» в трудах М.М. Бахтина

Михаил Бахтин в своей работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма» рассматривал категорию наблюдателя через призму категории времени (Бахтин 1979). В его представлении историческое время зримо. При этом зримым оно становится только в становлении. Движение, развитие, становление – и есть те способы, с помощью которых время воплощается в пространстве. Видение времени, по М. Бахтину, является умением читать приметы хода времени в пространственном целом мира, начиная от природы и кончая человеческими идеями и нравами. Наблюдатель может увидеть время с помощью глаза. В соответствии с теорией М. Бахтина, глаз – это орган познания наблюдателем действительности, вокруг которого объединены внешние чувства, внутренние переживания, размышления и абстрактные понятия. Наблюдатель посредством глаз и зрения способен видеть движение времени в пространстве. Таким образом, наблюдатель познаёт окружающий его мир с помощью зрения, т. е. рефлексивного восприятия действительности как суммы зримого.

Наблюдатель может зримо познавать две категории времени: циклическое и историческое. Циклическое время – это повторяющееся движение в пространстве, которое раскрывается прежде всего в природе, но и находится в неразрывной связи с соответствующими моментами человеческой жизни. А историческое – видимые следы творческого преобразования человеком природы в *прошлом*, обратное влияние всего им созданного на его идеи и нравы в *настоящем*, приводящее в известной мере к предопределению его *будущего*, по которым художник в процессе сочетания работы глаза со сложным мыслительным процессом читает сложнейшие замыслы людей, свидетельствуя воплощение полноты времени в пространстве.

Примечательно также, что наблюдатель в рамках концепции М. Бахтина обладает «панорамным» зрением. Оно является зрительной метафорой, обозначающей самосознание наблюдателя, т.е. сознание им самого себя в отличие от «другого» и своего взаимодействия с миром.

Резюмируя размышления М. Бахтина, можно сформулировать следующее понятие наблюдателя. В концепции М. Бахтина наблюдатель – это субъект познания реальности, которая воспринимается его глазами посредством исторического видения (способности видеть полноту исторического времени в пространстве) и преломляется в сложном мыслительном процессе как сумма зримого опыта, т.е. сумма географически определённых, становящихся во времени, творчески преобразованных человеком объектов действительности, обладающих конкретным историческим смыслом, познать который и является его (наблюдателя) целью.

Категория наблюдателя, представляющая собой функциональное отношение (Лещак 2008) субъектов мышления и субъектов видения внутри художественного произведения (Малкина, Лавлинский 2019), вместе с тем всегда выражена какой-то композиционной формой речи. Эта форма речи всегда принадлежит тому или иному субъекту речи, а зачастую и соотносится с тем или иным сюжетным актантом, – например, второстепенным персонажем или героем романа.

Анализ категории «наблюдатель» в романе У. Эко «Имя Розы» в русле идей М. Бахтина

Обратимся к фрагменту романа У. Эко «Имя Розы»: «Было ясное утро конца ноября. Ночью мело, но не сильно, и слой снега был не толще трех пальцев. Затемно, отстояв хвалитны, мы слушали мессу в долинной деревушке. Потом двинулись в гору навстречу солнцу» (Эко 2004, с. 12). Это хроникёрское повествование, субъектом речи которого является Адсон из Мелька, помощник и ученик Вильгельма Баскервильского, ведущий хронику всех их совместных приключений. При этом речевая точка зрения совпадает в этом фрагменте с пространственно-временной точкой зрения субъекта видения. Можно утверждать, что он локализован в пространстве и во времени и вместе с тем находится в будущем и обращается к своим воспоминаниям для описания событий прошлого. Но вот является ли этот субъект речи и видения наблюдателем? Ограничиваясь рамками процитированного фрагмента, такой вывод сделать не получится, потому что в наш кругозор не попадают факторы художественного впечатления, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии идеологической (рефлексивной) точки зрения, связанной с этим субъектом. Однако если обратиться к следующей цитате реплики Вильгельма Баскервильского, то мы увидим полное проявление категории

«наблюдатель»: «Уж знаю, – ответил Вильгельм. – Вы ищите Гнедка, это любимец настоятеля, лучший скакун на конюшне, тёмной масти, ростом без восьми вершков сажень, хвост пышный, копыто малое и круглое, однако на скаку ровен. Голова некрупна, уши остры, глаза очень велики. Подался он направо...» (Там же, с. 13). Можно заметить, что Вильгельм Баскервильский здесь является рефлектирующим субъектом, чья идеологическая (ценностная) точка зрения меняется в зависимости от того, что он познаёт посредством зрения, то есть с точки зрения пространственно-временной. В данном эпизоде автор изображает «внутренний мир» эстетического объекта с помощью прямой перспективы (Успенский 1995). Так Вильгельм Баскервильский читает следы Гнедка на земле. Отметим, что процитированный микрофрагмент текста являет точку зрения в пространственном плане Вильгельма Баскервильского – наблюдателя. Он читает в пространстве настоящего следы прошлого, попадающие в его кругозор, тем самым предугадывая будущее: описал портрет Гнедка, смоделировал траекторию его движения, указал место его пребывания на территории монастыря.

Таким образом, Вильгельм Баскервильский в начале романа является идеальным примером «наблюдателя» в понимании М. Бахтина. Он обладает панорамно-историческим видением, воспринимает мир с помощью прямой перспективы, подмечает приметы времени в пространстве, познает конкретный исторический смысл времени и на этой основе предугадывает будущее.

Вместе с тем Вильгельм Баскервильский обладает самосознанием. Более того, он воплощает собой определённый способ бытия-в-мире, который проявляется, например, в наставлении Вильгельма Адсону: «Добрейший Адсон, – отвечал учитель. – Всю поездку я учу тебя различать следы, по которым читаем в мире, как огромной книге. Сказал же Алан Лилльский: всей вселенной нам творенье – / будто бы изображение, / книга или зеркало, – и судил о неисчерпаемом обилии символов, коими Господь через пространство творений своих глаголет к нам о вечной жизни» (Эко 2004, с. 13). Можно предположить, что Вильгельм является проекцией архетипа героя, блуждающего в лабиринте и стремящегося с помощью сил могучего разума разгадать загадку, которую загадал сам Господь. Так или иначе, этот архетип связан с библейским мифом о Боге и Адаме, который, нарушив заперт Господа, вкусил плод с древа познания добра и зла.

Фактически в романе, помимо Вильгельма, есть ещё один наблюдатель – библиотекарь монастыря Хорхе из Бургоса. Он защищает серьезное отношение к вере и всеми силами старается сохранить в сердцах людей страх Божий. С его точки зрения, смех может вселить в людей уверенность в себе, укрепить гордыню, избавить от страха перед Дья-

волом и его ловушками, а также перед Господом и его заповедями. Хорхе стремился к тому, чтобы смех не превратился в глазах людей в орудие борьбы со страхом, потому что если это произойдет, то, с его точки зрения, стада выйдут из повиновения своим пастырям – будут развенчивать их серьёзность смехом. Желание оставить философский трактат о смехе погружённым в пучину тайны и неизвестности подтолкнуло Хорхе на череду убийств. Он, наряду с Вильгельмом, обладает панорамно-историческим видением, улавливает приметы времени и читает по ним будущее: «Прежде мы глядели на небо, а мерзостную материю еле удастаивали брезгливым взглядом; ныне мы смотрим на землю, а в небо веруем благодаря земным свидетельствам. Каждое из слов Философа, на которых сейчас клянутся и святые, и князи церкви, в свое время перевернуло сложившиеся представления о мире. Но представления о Боге ему пока не удалось перевернуть. Если эта книга стала бы предметом вольного толкования, пали бы последние границы» (Эко 2004, с. 239). Старый библиотекарь, возмнив себя орудием Господа, пожелал остановить время, остановить движение истории, венцом которого он усмотрел утрату человечеством Слова Божия. Удивительно, как утрата библиотекарем зрения, физической возможности видеть, приводит к утрате его способности познавать исторический смысл времени посредством панорамно-исторического видения. Эта утрата способности быть наблюдателем отражена в изменении органа зрения Хорхе: «Теперь мои руки видят не хуже, чем твои глаза» (Эко 2004, с. 238). И этими самыми руками старый слепец смазал смертоносным ядом страницы второго тома «Поэтики» Аристотеля. Потеряв зрение, Хорхе утратил способность познавать время, а вместе с тем и способность смеяться.

Однако примечательно следующее: библиотекарь подстроил череду смертей под ритм музыки семи апокалиптических труб, потому что на это повлиял наблюдатель – Вильгельм. Он готов был поверить, что убийца наделяет свои преступления символами той или иной апокалиптической трубы, которые возвещают приход конца мира. Хорхе узнал об этом из третьих уст и решил запутать следователя. Более того, он хотел внушить Вильгельму, что череда смертей в монастыре – дело рук самого Господа: «Хватило одной фразы Алинарда, чтобы я вообразил, будто череда преступлений повторяет музыку семи апокалиптических труб. В случае Адельма – град; а это было самоубийство. В случае Венанция – кровь; а это была нелепейшая мысль Беренгара. В случае самого Беренгара – вода. А это была чистая случайность. В случае Северина – третья часть небес... А Малахия попросту ухватился за звездный глобус как за первый попавшийся тяжелый предмет. Наконец, Малахия и скорпион <...> Вот, оказывается, как вышло! Я

сочинил ошибочную версию преступления, а преступник поддался под мою версию...» (Эко 2004, с. 237). Таким образом, Вильгельм продемонстрировал ещё одну функцию наблюдателя – стал влиять на ход событий, а не только познавать их: если бы Вильгельма-наблюдателя не было, то убийств в такой форме не могло бы произойти.

Об этом же свидетельствует следующая сцена, изображающая самоубийство Хорхе: «<...> раздирая на клочки мягкие листы рукописи, и запихивая обрывки один за другим к себе в рот, и старательно жуя, будто гостию святого причастия, которая должна перейти в плоть его собственной плоти <...> Ты ведь ждал седьмой трубы – разве не так? Слушай же, что говорит голос с неба! „Скрой то, что говорили семь громов, и не пиши сего, а пойдя возьми раскрытую книжку и съешь ее: она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед“. Видишь? Вот я и скрываю то, чему не следует звучать, скрываю в своей утробе и сам становлюсь ему могилой. И он смеялся, Хорхе. Впервые за все время я услышал, как он смеется» (Эко 2004, с. 242).

Кульминация познания реальности посредством панорамно-исторического видения подводит Вильгельма-наблюдателя к следующему выводу: «Хорхе боялся второй книги Аристотеля потому, что она, вероятно, учила преобразовать любую истину, дабы не становиться рабами собственных убеждений. Должно быть, обязанность всякого, кто любит людей, – учить смеяться над истиной, учить смеяться саму истину, так как единственная твердая истина – что надо освободиться от нездоровой страсти к истине <...> Трудно смириться с идеей, что в мире не может быть порядка, потому что им оскорблялась бы свободная воля Господа и его всемогущество» (Эко 2004, с. 248–249). Таким образом, Вильгельм Баскервильский оказывается наблюдателем, который упирается в границы познания мира, выходит за пределы понятия «наблюдатель», сформулированного М. Бахтиным.

Выход за пределы концепции М.М. Бахтина о категории «наблюдатель»

В приведённой выше цитате содержится идеологическая точка зрения Вильгельма-наблюдателя, в которой вводится ещё один «наблюдатель» – Господь. Вильгельм в своем монологе словно протягивает ему руку, как на фреске Микеланджело «Сотворение Адама» (ок. 1511). Если Вильгельм и Хорхе смотрят на «внутренний мир» произведения с помощью прямой перспективы, пытаясь улавливать приметы времени и предугадывать будущее в соответствии со своим пониманием «добра и зла», то Бог как наблюдатель обладает обратной перспективой по отношению к миру. Он творит и меняет мир из Себя, в соответствии со своей свободной волей, потому что Он – живая сущность. Этот об-

раз Бога-наблюдателя-творца лежит в основе идеологической точки зрения Вильгельма: если бы в мире был порядок, им управляли бы рациональные, неизменные, вселенские законы, похожие на законы природы, запрограммированные однажды и не терпящие изменений. Однако в этих условиях Бог сам оказался бы мёртв, он ничем не отличался бы от сложной системы кодов, на которых написан мир Вильгельма и Хорхе. Так, Вильгельм подчеркивает, что подобная точка зрения оскорбительна для всемогущества Бога-наблюдателя-творца. Он смотрит на мир через призму обратной перспективы и при этом занимает позицию вневходимости. Мир наблюдателей Вильгельма и Хорхе входит в кругозор Бога-наблюдателя и находится в полной зависимости от него. Однако этот кругозор, именуемый героями *истиной*, находится за границами возможностей познания в опыте наблюдателей-героев.

Вместе с тем Вильгельм понимает эту мысль, а потому и приходит к выводу о просветляющей силе смеха над истиной и связывает её с любовью к человеку. Вильгельм как бы говорит вслед за Аристотелем, что над истиной можно либо смеяться, либо заблуждаться, третьего не дано. Хорхе же, ослепленный гордыней (проекцией чему является физическая слепота), возносит себя на место Бога и преисполняется ненавистью к человеку до такой степени, что не гнушается убийства, продав за роль «спасителя мира» свою душу Дьяволу. Смертный грех вошел в душу Хорхе через распавшиеся врата гордыни. Слепец до полного безумия ужасался смеху, карнавальная культура, празднику и естественности, потому что смех за минуту разрушил бы его паранойяльное величие, иллюзорно-фантазийный бред в отношении самого себя и показал бы его таким, какой он есть – сумасшедшим, злобным и одиноким стариком.

Заключение

Таким образом, наблюдатель в романе У. Эко «Имя Розы» – это обладающий самосознанием и здоровой самоиронией субъект познания реальности, которая воспринимается его глазами в прямой перспективе посредством способности видеть и осмысливать приметы хода времени в пространственном целом мира, начиная от природы и кончая человеческими идеями и нравами, что позволяет ему предугадывать будущее постольку, поскольку его воля вступает в диалог и переплетается с творческой волей Бога-творца-наблюдателя, воспринимающего / творящего мир в обратной перспективе, чей кругозор остается для наблюдателя непознаваемым. Целью наблюдателя является стремление освободиться от нездоровой страсти к познанию истины (кругозора Бога-творца-наблюдателя) с помощью смеха и самоиронии, а также постоянное сомнение в своих выводах и убеждениях о мире; отношение к знанию как к чему-то

временному и относительному и бесконечное переобучение, сохранение ежеминутной гибкости восприятия.

Источники фактического материала

Эко У. Имя Розы. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. 252 с.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина; примечания С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979. 424 с.

Лещак О.В. Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология. Тернополь: ТЭИПО, 2008. 232 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Малкина В.Я., Лавлинский С.П. Наблюдатель, искаженные миры и визуальное в литературе: научные и образовательные стратегии // Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция: сб. ст.; сост. и ред. В.Я. Малкина, С.П. Лавлинский. Москва: Эдитус, 2019. С. 14–26.

Успенский Б.А. Семиотика искусства. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. 413 с.

Ямпольский М. Наблюдатель: очерки истории видения. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.

References

Bakhtin, M.M. (1979), *The aesthetics of verbal creativity*, Iskustvo, Moscow, USSR.

Leshchak, O.V. (2008), *Foundations of the functional-pragmatic theory of linguistic experience. Analytics, criticism, typology*, Ternopol'skii eksperimentalnyi institut pedagogicheskogo obrazovaniya, Ternopil, Ukraine.

Lotman, Yu.M. (1996), *Inside the thinking worlds*, Yazyki hudozhestvennoj kul'tury Publ, Moscow, Russia.

Malkina, V.Ya. and Lavlinskii, S.P. (2019), The observer, distorted worlds, and the visual in literature. Scholarly and educational strategies, *The observer of distorted worlds. Poetics and reception, Collected articles*, Edytus, Moscow, Russia, pp. 14–26.

Uspensky, B.A. (1995), *Semiotics of art*, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, Russia.

Yampolsky, M. (2001), *Observer: Essays of the History of Vision*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Submitted: 15.06.2024

Revised: 10.09.2024

Accepted: 30.09.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.36

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83

Дата поступления: 20.06.2024

рецензирования: 30.09.2024

принятия: 04.10.2024

О.Н. Бурмыкина

Социологический институт РАН – филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: o_burmykina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5368-845X>

Границы семьи: идентификация и динамика

Аннотация: современное существование российских семей характеризуется разнообразием форм и стилей жизни. Изменение семейного ландшафта, включающего ряд кровных и некровных родственников и партнеров, расширяет понимание этого института, ведет к более широким определениям семьи и ее границ. Цель статьи – анализ динамики представлений молодых людей о границах семьи. В статье делается попытка междисциплинарного синтеза теоретического и практического знания, а именно применение семиотического анализа в социологическом исследовании. Теоретико-методологическая основа – концепция исторических типов семейных отношений С.И. Голода и культурно-семиотическая концепция Ю.М. Лотмана. Эмпирическую базу составили данные трех исследований, проведенных по аналогичной методике: 2007 г. ($n=213$), 2017 г. ($n=132$), 2023 г. ($n=113$).

На основе понятия «значимый член семьи» выявлена подвижность границ семьи. В ядро семьи из периферии «переместились» партнеры респондента – молодые люди, гражданские супруги. Движение на периферии оказалось интенсивнее, затрагивая как кровные, так и некровные линии родства. Наибольшие изменения произошли по структуре родственных связей. Концепция С.И. Голода позволила теоретически обосновать трансформации представлений о семье и ее границах. Подход к анализу феномена пограничности Ю.М. Лотмана дополнил представления о сути и о функциях границ семейной сферы и дал возможность теоретически интерпретировать их динамику. Междисциплинарный синтез социологического и семиотического знания при исследовании границ семейной сферы представляется перспективным.

Ключевые слова: семья; семейный контекст; значимый член семьи; идентификация; границы; динамика представлений.

Цитирование: Бурмыкина О.Н. Границы семьи: идентификация и динамика // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 74–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бурмыкина О.Н., 2024 – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 198005, г. Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская ул., д. 25/14.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.N. Burmykina

Sociological Institute of the RAS, Branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,
St.-Petersburg, Russian Federation

E-mail: o_burmykina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5368-845X>

Family boundaries: identification and dynamics

Abstract: the modern existence of Russian families is characterized by a variety of lifestyle forms. The changing family landscape, which includes a range of blood and non-blood relatives and partners, expands the understanding of this institution, leading to broader definitions of the family and its boundaries. The purpose of the article is to analyze the dynamics of young people's representations about family boundaries. The article attempts an interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge, namely the appli-

cation of semiotic analysis in sociological research. The theoretical and methodological basis of the study is the concept of historical types of family relationships by S.I. Golod and the cultural-semiotic concept of Yu.M. Lotman. The empirical base consisted of data from three studies conducted using a similar methodology: 2007 ($n=213$), 2017 ($n=132$), 2023 ($n=113$).

Using the concept of “significant family member”, the mobility of family boundaries is revealed. The respondent’s partners – young people, common-law spouses – “moved” from the periphery to the core of the family. The greatest changes occurred in the structure of family ties. The concept of S.I. Golod made it possible to theoretically substantiate the transformation of ideas about the family and its boundaries. Yu.M. Lotman's approach to the analysis of the phenomenon of borderliness complemented the ideas about the essence and functions of the boundaries of the family sphere and made it possible to theoretically interpret their dynamics. Interdisciplinary synthesis of sociological and semiotic knowledge when studying the boundaries of the family sphere seems promising.

Key words: family; family context; significant family member; identification; boundaries; dynamics of representations.

Citation: Burmykina, O.N. (2024), Family boundaries: identification and dynamics, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 74–83, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-74-83>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Burmykina O.N., 2024** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS), Saint Petersburg, Russian Federation, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

Введение

Современное существование российских семей характеризуется разнообразием форм и стилей жизни, вариативностью индивидуального и семейного жизненного пути. Демографическая статистика фиксирует преобразования семейной структуры. Социологические исследования показывают многообразие семейных типов и конфигураций, размывание системы поведенческих норм и установок в семейно-брачной сфере, снижение значимости институциональных аспектов брака, расширение и подвижность границ семьи, трансформацию семейных ролей и функций. Изменение семейного ландшафта, включающего кровных и некровных родственников и партнеров, расширяет понимание этого института, ведет к более широким определениям семьи и ее границ. Эти определения отражают восприятие индивидуумами самих себя как членов семьи, подчеркивают не только кровно-родственные связи и официальный брачный статус, но и степень поддержки, которая существует между людьми, считающими себя семьей. Последовательное описание трансформации границ современной семьи, предполагающее соединение эмпирических исследований с теоретическим анализом данных процессов, позволяет получить картину реально-го семейного контекста.

Цель данной работы – изучение динамики представлений молодых людей о границах семьи и идентификации ее членов.

Задачи исследования заключались в эмпирической фиксации и теоретическом обосновании динамики представлений о значимых членах семьи и изменений семейного контекста петербургских студентов.

Эмпирическую базу составили данные трех исследований, проведенных по аналогичной методике. Первое исследование проведено в 2007 г. ($n=213$ человек), второе – в 2017 г. ($n=132$ человека), третье – в 2023 г. ($n=113$ человек). Опрашивались студенты петербургских вузов. Средний возраст респондентов в первых двух опросах – 19 лет, в последнем – 20 лет. Большая часть молодых людей еще не создали своей семьи (88 %, 90 % и 80 %), лишь единицы из них были женатыми или замужними людьми. В гражданском браке состоял 11 %, 8 % и 16 %. Эмпирический анализ опросов, проведенных в 2007 и 2017 годах, представлен в статьях (Бурмыкина 2008, 2018).

При выборе объекта исследований студенческой молодежи принималось во внимание следующее соображение. Студенты находятся в периоде вступления во взрослую жизнь (интервал от 17 до 25 лет). «Это так называемые наиболее «впечатлительные годы» (impressionable years), когда люди более всего восприимчивы к социальным изменениям. Опыт, накопленный в процессе социализации именно в этот период, оказывает фундаментальное формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь, в течение которой люди становятся все менее и менее восприимчивыми к изменениям» (Радаев 2020, с. 38).

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологической основой исследования являются концепция исторических типов семейных отношений С.И. Голода и культурно-семiotическая концепция Ю.М. Лотмана.

Понятие границ семьи происходит из **теории семейных систем** (Bertalanffy 1968) и относится к

системным и подсистемным процессам участия в жизни семьи ее членов. Любая семья начинается с разбиения мира на внутреннее, семейное, «свое» пространство и внешнее, внесемейное, «чужое» пространство. Выделяют внутренние и внешние границы семьи. Само семейное пространство пересечено внутренними границами разного уровня – отдельных подсистем семьи, например, супружеских и родительских. Внешние границы семьи – это барьеры, отделяющие людей, которые находятся внутри семьи, от людей, которые находятся вне ее. Это означает отделение своего (члена семьи) от чужого (не входящего в состав семьи), отбор того или иного человека, усвоение им правил семьи, становление его членом семьи. Границы характеризуются степенью открытости / закрытости, мягкости / жесткости, проницаемости / непроницаемости, определенности / неопределенности.

Согласно **концепции исторических типов семейных отношений С.И. Голода**, критерием, определяющим исторический этап эволюции моногамии, служит **доминирование и характер одного из отношений**, составляющих суть семьи – **кровного родства, порождения и свойства**. Исходя из этой логики, сконструированы **патриархальный или традиционный, детоцентристский или современный и супружеский или постсовременный идеальные типы**. Все они функционируют параллельно, образуя широкий спектр моделей (Голод 1998, с. 91–92). В конце XX века зафиксированы «следы» патриархального типа, пик детоцентристского и становление супружеского, минимально унифицированного, открывающего перспективу для личностного самовыражения. Наряду с моногамными типами, получил распространение и ряд нетрадиционных моделей: внебрачные семьи (неполные и материнские), альтернативные семейные стили (фактические браки (сожительства), повторные браки («последовательная полигамия») и семьи с неродными родителями) и альтернативные браки (полигамные браки). По мнению С.И. Голода, базовой семьей, несмотря на ее существенную трансформацию, как и в прошлом, остается моногамия.

Институт семьи трансформируется по законам общества и по имманентным этому институту закономерностям. Приведем примеры показателей трансформации современной семейной сферы, указанных С.И. Голодом и наиболее важных для нашего исследования.

Механизмы детерминации поведения людей оказываются намного меньше связанными с заданными нормами, жесткими внешними предписаниями. Явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах уже не могут интерпретироваться как отклонение от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом ин-

ституте семьи. По мере прохождения этапов трансформации и возникающих на их основе типов семьи относительность нормативности возрастает. «С социологической точки зрения обнаруживается неоднозначность, гибкость нормативной системы. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием. Не воспринимаются маргинальными дети, рожденные вне брака. Словом, современная нормативность, оставаясь общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная» (Голод 1998, с. 60–61). Следствием относительности нормативности и является нарастание процесса многообразия в организации семейной и частной жизни и социальная приемлемость ее нетрадиционных форм.

В ходе эволюции моногамной семьи возрастает значимость близких, доверительных отношений – интимности – не только по супружеской линии, но и по линии других членов семьи: родители – дети, старшее – младшее поколение. Интимизация индивида характеризуется усложнением его внутреннего мира, самоконструированием, самоактуализацией. На инструментальном уровне интимность представлена в виде совокупного показателя (индекса), сконструированного из четырех составляющих – симпатии, расположенности, признательности и эротической привязанности, которые семантически и статистически тесно взаимосвязаны (Голод 1998, с. 141).

В культурно-семиотической концепции Ю.М. Лотмана понятие границы имеет существенное значение для понимания семиотики культуры, объяснения структуры и механизмов трансформации культурного пространства – семиосферы. Под семиосферой Лотман понимает пространство культуры, в котором осуществляется знаковая коммуникация и становится возможным семиозис, то есть процесс функционирования знаков культуры и культурных текстов (Демин 2018, с. 246). Различают два типа границ: «внешние» границы семиосферы (границы между семиосферой (сферой культуры) и внесемиотической реальностью (сферой природы)) и внутрисемиотические границы (границы между различными языками, текстами культуры). Граница представляется как место, в котором осуществляется семиозис, протекают процессы семиотизации и десемиотизации. «... наиболее «горячими» точками семиобразовательных процессов являются границы семиосферы. Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взаимо-

прилегающим семиосферам. Граница би- и полилингвистична. Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», **место трансформации «внешнего» во «внутреннее», это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»** (Лотман 2000, с. 263). В той степени, в которой граница оказывается проницаемой и подвижной, она становится источником трансформации культурно-семиотической системы.

Важнейшим постулатом культурно-семиотической концепции является положение об асимметричности структуры семиосферы. «Асимметрия проявляется в соотношении центр семиосферы и ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это естественный язык данной культуры» (Лотман 2000, с. 254). Периферия же определяется как приграничная зона культуры, в которой интенсивность семиотических процессов наиболее высока, поскольку здесь происходят постоянные вторжения в нее извне. Именно периферия и приграничные области обладают наибольшим потенциалом для развития культуры, «это – область ее семиотической динамики» (Лотман 2000, с. 259). Отметим еще один момент, на который обращает внимание Ю.М. Лотман: процесс перемещения периферии культуры в центр и оттеснение центра на периферию. «В равной мере мы можем наблюдать перемещение норм поведения, языка, стиля одежды и т. д. из пограничной сферы культуры в ее центр» (Лотман 2000, с. 267).

Идентификация и измерение границ семьи

Одним из способов определения границ семьи является идентификация ее членов. В течение длительного времени эта проблема считалась тривиальной, поскольку семья и ее члены определялись в соответствии с критериями кровного родства, ведения общего домашнего хозяйства и совместного проживания. Поэтому исследователи отдавали предпочтение нуклеарной семье. Изменяющиеся ценности и эволюция форм семейной жизни в современных обществах поставили под сомнение предположение об идентичности членов семьи и нуклеарной семьи. Определение членов семьи не ограничивается набором семейных ролей или членством в домохозяйстве. Это подтверждается значительным расширением числа этих ролей и жизненных устройств, которое явилось следствием разводов и повторных браков и возросшей значимостью разнообразия псевдородственных связей, то есть взаимоотношений людей, не связанных брачными или кровными узами, но считающих себя членами семьи. Одни люди членами семьи считают только наиболее близких

людей, таких как живущих вместе супругов и детей, в то время как другие включают широкий ряд других людей, начиная от родственников супругов до друзей и подруг.

Отечественные исследователи обращают внимание на необходимость учета при определении семьи субъективных оценок. Т.А. Гурко отмечает, что «семья» с субъективной точки зрения подразумевает тех людей, которых сам человек в нее включает, имея в виду, что это «моя семья» или «мои семьи» (Гурко 2008, с. 61). Этот вывод основывался на результатах анкетирования в 1995 г. 980 подростков, учащихся девятых классов. В состав семьи подростки включали отцов, с которыми матери были разведены, бабушек, дедушек и других родственников, проживавших в других городах, кошек и собак, но могли не считать членом своей семьи отчима, сводного брата или сестру (Гурко 2008).

Н.Ю. Егорова, исследуя особенности функционирования супружества в современной России, говорит об интенсивности процессов в семейном пространстве. Привычные понятия брака, семьи недостаточны для описания всей палитры близких отношений. Супружество не просто описывает качественные параметры взаимодействия между супругами. Оно становится самостоятельной структурой, а брак – одной из форм ее существования. Отнесение к «семье» разнообразных структурных форм супружества, функциональность определяются не фиксацией брака, а самоидентификацией партнеров. На повестке дня – необходимость расширения границ понятий «супружество» и «семья» и их четкого описания (Егорова 2018). Необходимость пересмотра границ семьи вызвана высоким уровнем разводов и растущим числом фактических браков.

В.А. Гневашева предлагает уточнить понятие «семья», включив в него признание дополнительных семейных структур и вариаций семейных отношений. «При современном социальном конструировании семьи базовые позиции определения семьи через механизмы нормативного регулирования – брака, экономического и социального распределения ролей становятся несостоятельными» (Гневашева 2023, с. 65).

Важность принятия во внимание семейного контекста приводит к использованию при идентификации членов семьи категории «значимый член семьи» (Widmer 2006, 2016). «**Значимый член семьи**» – это тот человек, который играл определенную роль в течение ряда лет жизни респондента и кого он считал членом своей семьи. Респондентов просили указать всех людей, которых они рассматривали как значимых членов своей семьи, и дать точное описание своей связи (родственной или неродственной) и линий родства (отцовской или материнской) с ними.

Семейный контекст выявлялся на основе ответов на вопрос о значимых членах семьи и оценивался по ряду индикаторов: *состав семьи*: полная/неполная; *тип семьи*: нуклеарная/расширенная; *линии родства*: только нуклеарная семья; только материнская или отцовская линии; материнская, отцовская линии и некровное родство. В качестве типобразующих признаков эмпирической типологии конфигураций семей выступали линии родства и кровность / некровность семейных связей. На основе данных признаков были построены *пять типов конфигураций семей*. В первый тип вошли только члены нуклеарных семей (матери и отцы, родные сестры и братья). Второй и третий типы фокусировались на членах нуклеарной семьи и кровных родственниках только по материнской и только по отцовской линиям. Четвертый тип составили члены нуклеарной семьи и кровные родственники и со стороны матери, и со стороны отца. В пятом типе к нуклеарной семье и кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники, партнеры и друзья (Бурмыкина 2008, с. 51).

Динамика представлений о значимых членах семьи

Анализ динамики представлений молодого поколения о значимых членах семьи проводился на основе сравнения ранжированного списка членов семьи, которые были указаны как значимые. Точкой отсчета явилось исследование 2007 г., в котором определилась структура значимых членов семьи. В ней четко выделились *ядро* (первые ранговые места занимали члены нуклеарной семьи – мать, отец, братья и сестры, а также прародители), *ближняя периферия* (двоюродные братья и сестры; тети и дяди с супругами) и *дальняя периферия* (троюродные братья и сестры матери и отца, двоюродные бабушки и дедушки, прапра-родители; партнеры респондента – молодой человек, девушка, гражданский муж; подруги, друзья; крестные, мачехи и отчимы, супруги братьев и сестер). Предполагалось, что изменения структуры значимых членов семьи будут происходить главным образом на ее периферии, ядро же останется неизменным. Сохранится высокая значимость прародителей. Возрастет значимость партнеров респондентов.

Как показывает табл. 1, изменения затронули и ядро, и периферию. Неизменным и стабильным в *ядре* остались места матери и отца, а также бабушки по материнской линии: они занимают первые ранговые позиции. Мать по-прежнему является самым главным членом семьи. Свое положение сохранили родные братья и сестры, бабушки со стороны отца и дедушки со стороны матери в отличие от дедушек по линии отца и сестер матери.

Самым заметным изменением стало то, что в ядро значимых членов семьи из дальней периферии «переместились» партнеры респондента – молодые люди, девушки, гражданские супруги (с 15 на 5 ранг). Ядро стало включать людей, связанных как кровными, так и некровными узами.

Большие изменения затронули периферию структуры, причем движение происходило из дальней периферии в ближнюю и обратно. В 2007 г. в *ближнюю периферию* входили в основном кровные родственники – дедушка по отцовской линии, двоюродные и троюродные братья и сестры, тети и дяди. Названные родственники были представлены мужьями и женами братьев и сестер матери и отца. К 2017 году сохранилось число указанных кровных родственников. К числу же названных добавились крестные родители, отчимы и мачехи, партнеры братьев и сестер респондента, а также подруги и друзья. В 2023 г. на своих позициях остались кровные родственники и подруги и друзья. *Дальнюю периферию* составляли «дальние родственники» в привычном понимании: двоюродные и троюродные братья и сестры матери и отца, двоюродные бабушки и дедушки, прабабушки; партнеры родителей, крестные, супруги братьев и сестер респондента и его родителей, родственники гражданских жен и мужей; партнеры респондентов: молодые люди, девушки, гражданские жены и мужья; друзья. Как уже отмечалось, самым заметным движением было перемещение в центр партнеров респондентов. Упрочили свои позиции подруги и друзья, передвинувшись с 15 на 10 ранговое место. Позиции некоторых кровных родственников (сестер и братьев отца) сместились вниз, а названных – крестных, отчимов и мачех оказались нестабильными: их места в структуре то повышались, то понижались. Вышли из числа значимых членов семьи двоюродные братья и сестры матери и отца, двоюродные бабушки и дедушки, супруги братьев и сестер респондента. Кровные родственники самого младшего поколения (племянники) и самого старшего поколения (прабабушки), а также мужья и жены респондентов сохранили свое присутствие, хотя и незначительное. Движение на периферии оказалось более интенсивным, затрагивая как кровные, так и некровные линии родства.

Динамика семейного контекста

Предполагалось, что семейный контекст студентов останется разнообразным. Будут представлены нуклеарные и расширенные семьи, состоящие из нескольких поколений; полные и неполные; семьи, включающие кровных и некровных родственников. Изменения в структуре значимых членов семьи отразятся и в структуре родственных связей и линий родства.

В табл. 2 показано, как менялся семейный контекст.

Таблица 1

Динамика представлений молодого поколения о значимых членах семьи (2007–2017–2023 гг.)
(% выбравших данного члена семьи)

Table 1

Dynamics of the younger generation's ideas about significant family members (2007–2017–2023)
(% of those who chose this family member)

Наименование значимого члена семьи	2007 n=213	ранг	2017 n=132	ранг	2023 n=113	ранг
Мать	94	1	99	1	91	1
Отец	82	2	84	2	73	2
Бабушка/ линия матери	62	3	67	3	47	3
Брат	34	4	36	5	36	4
Сестра	32	5	27	7	33	6
Сестра матери	31	6	11	12	20	9
Дедушка/линия матери	29	7	33	6	21	8
Бабушка/линия отца	29	7	37	4	28	7
Двоюродные братья и сестры респондента/линия матери	22	8	17	9	11	13
Дедушка /линия отца	19	9	21	8	17	11
Брат матери	18	10	11	11	12	12
Сестра отца	11	11	7	13	8	14
Супруги братьев и сестер матери и отца	10	12	4	16	7	15
Брат отца	8	13	5	15	7	15
Двоюродные братья и сестры респондента/линия отца	8	13	8	12	11	13
Супруги братьев и сестер респондента	6	14	7	13	-	-
Подруги, друзья	4	15	13	10	19	10
Молодой человек, девушка, гражданский муж	4	15	27	7	34	5
Двоюродные прародители /линии отца и матери	4	15	2	17	-	-
Крестные родители	3	16	8	12	5	16
Отчим, мачеха	3	17	8	12	7	15
Двоюродные братья и сестры матери и отца	3	18	-	-	-	-
Мать молодого человека, отчима	2	19	2	17	7	15
Прабабушки	2	20	4	16	1	17
Троюродные сестры/ линия отца и матери	1	21	6	14	1	17
Племянники	-	-	7	13	1	17
Муж, жена	1	21	2	17	1	17

Таблица 2

Динамика семейного контекста: 2007–2023 гг.

Table 2

Dynamics of the family context: 2007–2023

	2007 % (n=213)	2017 % (n=132)	2023 % (n=113)
<i>Состав и тип семьи</i>			
<i>Состав семьи</i>			
Полная	85	90	81
Неполная	15	10	19
<i>Тип семьи</i>			
Нуклеарная	15	11	13
Расширенная	85	89	87
<i>Линии родства и родственные связи</i>			
<i>Линии родства</i>			
Только нуклеарная семья	13	8	13
Только материнская линия	28	17	13
Только отцовская линия	5	1	7
Материнская и отцовская линии	29	25	15
Материнская, отцовская линии и некровные родственники	25	49	50 *
<i>Родственные связи</i>			
Только кровные	73	52	48 *
Не только кровные	27	48	50

* Сумма ответов меньше 100 %, поскольку 2 % респондентов не дали ответ.

На протяжении всего периода исследований большинство молодых людей жили в полных семьях с обоими родителями и в расширенных семьях, состоящих из нескольких поколений. Динамика изменений расширенных семей оставалась практически стабильной (85 % в 2007 г., 89 % в 2017 г., и 87 % в 2023 г.). Динамика же состава семей была неустойчива: в период с 2017 г. по 2023 г. доля полных семей сократилась с 90 % до 81 %, а неполных – возросла с 10 % до 19 %.

Наибольшие изменения произошли по линиям родства и структуре родственных связей. Анализ данных исследования 2007 г. не показал явного доминирования типов семей, выделенных на основе линий родства. Наиболее распространенными оказались типы семей по материнской и отцовской линиям (29 %), только по материнской линии (28 %) и тип, в котором к кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники и партнеры, друзья и подруги (25 %). Их общая черта – ориентированность на кровное родство по материнской линии (Бурмыкина 2008, с. 54). Через десять лет ситуация изменилась и далее стабилизировалась: доминирующим стал комби-

нированный тип, включающий кровных и некровных родственников и партнеров (2017 г. – 49 %, 2023 г. – 50 %). Продолжали сокращаться семьи, выделенные только по материнской линии и по общей линии матери и отца. Незначительно возрос тип родства только по отцовской линии и вернулся к исходной точке тип, ограниченный членами нуклеарной семьи. Еще более показательна динамика изменений структуры родственных связей. Доля семей, в составе которых были только кровные родственники, сократилась (с 73 % до 48 %), а доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанных узами крови и родства, значительно возросла (с 27 % до 50 %).

Обсуждение полученных результатов и выводы

Использование категории «значимый член семьи», включающей критерий самоидентификации, позволило расширить представление о многообразии форм семейной жизни. Восприятие человеком значимых членов своей семьи определяет ее границы даже больше, чем такие практи-

ческие критерии выделения семьи, как совместное проживание, общее домохозяйство и общий бюджет, генеративные связи, экономическая или психологическая зависимость. Увеличивающаяся дифференциация и одновременное существование типов и моделей семейной и частной жизни и социальная приемлемость нетрадиционных их форм явились следствием релятивизации нормативности.

Оставаясь общественным регулятором, современная нормативность в отличие от традиционной в большей мере учитывает личностное своеобразие и предпочтения человека, о чем писал С.И. Голод. Прежняя норма жесткости границ семьи, куда включались только члены семьи, живущие вместе и ведущие общее хозяйство, становится относительной. Границы семьи расширяются, становятся гибкими в соответствии с новыми условиями жизни. Подтверждением расширения границы семьи, выявленного в исследовании, стало доминирование комбинированного типа семей, включающего как кровных родственников по материнской и отцовской линии, так и некровных родственников, партнеров и друзей. Динамика изменений структуры родственных связей показала установление практически паритета только кровных (48 %) и не только кровных, а также некровных и неродственных связей (50 %).

«Демографические процессы таковы, – писал С.И. Голод – что они напрямую не определяют характер отношений, который суть семьи: муж – жена, родители – дети, кровные родственники. Важно помнить, что трансформация семьи сопровождается сменой приоритетов и, в частности, процесс воспроизводства теряет количественно-экстенсивный смысл, приобретая качественный» (Голод, Клецин 1994, с. 38). Показателем этой «смены приоритетов» и является возрастание значимости близких, доверительных отношений – интимности. Сегодня фундамент семьи создают скорее отношения, в основе которых эмоциональная коммуникация. Отнесение людей, которых молодые люди считали значимыми членами своих семей, основывалось на опыте практической заботы и эмоциональных взаимодействиях. Об этом говорят комментарии, которые были даны при описании значимых членов семьи.

«Мать: доверие, любовь уют. Отец: теплота, опора, поддержка. Старшая сестра: наставления, помощь, пример. Старший брат: поддержка, доверие, взаимопомощь. Лучший друг: доверие, общие интересы, поддержка. Крестный папа: теплота, помощь, безопасность».

«Мама, у нас доверительные отношения. Моя мама самая лучшая в мире. Люблю ее».

«Отец – пример и друг. Мать – пример и друг. Младшая сестра – тот, о ком надо заботиться и присматривать».

«Значимым членом моей семьи является моя родная мать, в одиночку воспитавшая меня и моего старшего брата, с этим человеком я могу обсудить любую тему в любое время, а также получить поддержку».

Утверждение С.И. Голода о том, что базовой семьей, несмотря на ее существенную трансформацию, остается моногамия, подтверждается сохранением первых ранговых мест в структуре значимых членов семьи матери и отца.

Если концепция С.И. Голода позволяет теоретически обосновать трансформации представлений о семье и ее границах, то культурно-семиотический подход к анализу феномена пограничности Ю.М. Лотмана дает возможность теоретически интерпретировать динамику этих представлений.

Рассмотрим семейное пространство по аналогии с семиосферой, под которой понимается пространство культуры. Как и в контексте культуры, граница семьи, с одной стороны, ограничивает проникновение чужого и инородного, сохраняя и поддерживая тем самым целостность и идентичность семьи, с другой – адаптирует поступающие в семейную сферу извне внесемейные, нетрадиционные семейные формы, перерабатывает «внешнее» во «внутреннее». «Граница, отделяющая замкнутый мир семиозиса от внесемiotической реальности, полагал Ю.М. Лотман – **проницаема**. Она постоянно пересекается вторжениями из внесемiotической сферы, которые, врываясь, вносят с собой динамику, трансформируют само пространство, хотя одновременно сами трансформируются по его законам» (Лотман 2000, с. 102). Перефразируя Лотмана, можно сказать, что в границы семьи постоянно «вторгаются» внесемейные формы, новые типы семьи, они трансформируют само семейное пространство и одновременно трансформируются сами по законам семьи. Примером такого «вторжения» явилось перемещение в ядро значимых членов семьи из дальней периферии партнеров – молодых людей, гражданских супругов – людей, не связанных ни кровными, ни родственными узами. При этом они остаются инородными для семьи в традиционном ее понимании, хотя бы по факту их институционального непризнания в качестве членов семьи. Граница оказалась местом трансформации «внешнего во внутреннее» семейное пространство.

Структура значимых членов семьи асимметрична: в ней четко выделились центр (ядро) и периферия. В ядро входили мать, отец, братья и сестры, прародители, о которых говорят в первую очередь при представлении семьи. Сохранение ядра значимых членов семьи свидетельствовало о поддержании традиционных, основанных на родстве механизмов формирования чувства принадлежности к семье. В то же время перемещение из периферии партнеров говорило о трансфор-

мации этих механизмов. Периферия – ближние и дальние родственники, а также партнеры и друзья являлась приграничной зоной семьи. Здесь динамические процессы оказались наиболее интенсивными, причем движение происходило как в центр, так и из дальней периферии в ближнюю и обратно, затрагивая кровные и некровные линии родства. Можно полагать, что именно приграничные зоны обладают наибольшим потенциалом для развития семейной сферы. Вариативность форм семьи, явившаяся следствием продолжающихся и необратимых эволюционных сдвигов в семейно-брачных отношениях, характеризует состояние семейной сферы на современном этапе ее развития. Современные модели семейного поведения во многом отличаются от стандартных, принятых моделей такого поведения в прошлом. Сегодня преобразования в институте семьи могут быть рассмотрены не как признаки кризиса семейной системы, а как адекватная её перестройка в ответ на изменения в социально-экономических и политических сферах жизни общества (Бурина, Кудинова 2020; Елисеева 2020).

Изменяющийся исторический контекст накладывает на реальный семейный контекст. Использование категории «значимый член семьи» позволило расширить представление о многообразии форм семейной жизни и выявить подвижность и расширение границ семьи. О подвижности границ говорило «перемещение» в ядро семьи из периферии партнеров респондентов, о расширении – доминирование комбинированного типа семей, включающего как кровных родственников по материнской и отцовской линии, так и некровных родственников, партнеров и друзей. Молодые люди при определении значимых членов семьи включали в их число не только тех, кого принято считать членами семьи, но и тех, кого они сами считали своей семьей. В их представлениях семейная идентификация выступала одним из главных признаков, определяющих семью, в то время как в официальных дискурсах о семье – нет. Отход от исключительного понимания семьи как триединства кровного родства, общего бюджета, жилища приводит к трансформациям семьи, отвечающим новым потребностям людей (Елисеева 2020, с. 25). Это ведет к необходимости расширения понятия семьи и ее границ в институциональном контексте.

Междисциплинарный синтез социологического и семиотического знания при исследовании границ семейной сферы представляется перспективным. Концепция исторических типов семейных отношений С.И. Голода стала основой для объяснения выявленных эмпирических фактов, в целом – для теоретического обоснования трансформации представлений о семье и ее границах. Она также оказалась открытой к взаимодействию

с концептуальными построениями другой дисциплины – семиотики. Подход к анализу феномена пограничности Ю.М. Лотмана дополнил представления о сути и о функциях границ семейной сферы и дал возможность теоретически интерпретировать их динамику, позволил подойти к раскрытию механизма трансформации семейного пространства. В основе этого механизма, его движущей силой является пересечение как внутренних, так и внешних границ семьи.

Библиографический список

Bertalanffy, L. von. (1968), *General systems theory: foundations, development, applications*, George Braziller, New York, USA.

Widmer, Eric D. (2006), Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations, *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 23 (6), pp. 979–998, DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407506070482>.

Widmer, E.D. (2016), *Family configurations. A structural approach to family diversity*, Routledge, London, UK, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315581903>.

Бурина Е.А., Кудинова А.Е. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. №1. DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-6> (дата обращения: 27.04.2024).

Бурмыкина О.Н. Семейные и межпоколенческие взаимодействия петербургских студентов начала XXI века // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3 (44). С. 48–64.

Бурмыкина О.Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 27–46.

Гневашева В.А. Социальное одиночество: конструирование новых моделей семьи. Чебоксары: Среда, 2023. 124 с. DOI: <https://doi.org/10.31483/a-10563>. URL: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10563.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. 272 с.

Голод С.И., Клещин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование; СПб филиал Института социологии РАН. Санкт-Петербург, 1994. 42 с.

Гурко Т.А. Брак и родительство в России. Москва: Институт социологии РАН, 2008. 325 с. <https://www.isras.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

Демин И.В. Понятие границы в семиотике культуры Ю.М. Лотмана // Ярославский педаго-

гический вестник. 2018. № 3. С. 243–254. DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10085>.

Егорова Н.Ю. Современная семья в системе супружества-родительства-родства // Семейная экосистема человека: монография З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев [и др.]. Н.Новгород, Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с. С. 34–53. (дата обращения: 27.04.2024).

Елисеева И.И. Основная семья: предыстория и перспективы // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (4). С. 6–35. DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview>.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство–СПб, 2000. 704 с.

Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 224 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

References

Bertalanffy, L. von. (1968), *General systems theory: foundations, development, applications*, George Braziller, New York, USA.

Widmer, Eric D. (2006), Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations, *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 23 (6), pp. 979–998, DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407506070482>.

Widmer, E.D. (2016), *Family configurations. A structural approach to family diversity*, Routledge, London, UK, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315581903>.

Burina, E.A. and Kudinova, A.E. (2000), Features of the modern Russian family in the context of socio-historical changes in the institution of parenthood, *Vestnik Mininskogo universiteta=Bulletin of Minin University*, vol. 8, no1, DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-6> (Accessed 27 April 2024).

Burmykina, O.N. (2008), Family and intergenerational interactions of St. Petersburg students at the beginning of the 21st century, *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii=Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XI, no. 3 (44), pp. 48–64.

Burmykina, O.N. (2018), Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017), *Peterburgskaya sociologiya segodnya=St. Petersburg Sociology Today*, no. 9, pp. 27–46.

Gnevasheva, V.A. (2023), *Social loneliness: constructing new family models, Sreda*,. Cheboksary, Russia, DOI: <https://doi.org/10.31483/a-10563>, [Online], available at: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10563.pdf> (Accessed 04 January 2024).

Golod, S.I. (1998), *Family and marriage: historical and sociological analysis*, Petropolis, St.-Petersburg, Russia.

Golod, S.I. and Kletsin, A.A. (1994), *State and prospects for family development. Theoretical and typological analysis. Empirical justification*, St.-Petersburg branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia.

Gurko, T.A. (2008), *Marriage and parenthood in Russia*, Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia, <https://www.isras.ru> (Accessed 27 April 2024).

Demin, I.V. (2018), The concept of borders in the semiotics of culture by Yu.M. Lotman, *Yaroslavl'skiy pedagogicheskiy vestnik=Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3, pp. 243–254, DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10085>.

Egorova, N.Yu. (2018), Modern family in the system of marriage-parenthood-kinship, *Human family ecosystem: monograph*, Publishing house of NISOC, N.Novgorod, pp. 34–53 (Accessed 27 April 2024).

Eliseeva, I.I. (2020), Main family: background and prospects, *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*, no. 7 (4), pp. 6–35, DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview>.

Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosphere*, Art-SPB, St.-Petersburg, Russia.

Radaev, V. (2020), *Millennials: How Russian society is changing*, 2nd ed., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia, DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

Submitted: 20.06.2024

Revised: 30.09.2024

Accepted: 04.10.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316:61

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-84-94

Дата поступления: 06.05.2024
рецензирования: 02.09.2024
принятия: 25.09.2024

С.А. Сотников

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sotnikov96@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-3152-2926>

Становление идеи агентности пациентов в институте медицины

Аннотация: данная статья посвящена теме агентности пациентов. Цель данной работы – рассмотрение процесса становления идеи агентности пациентов в институте медицины. Автор данной статьи, начиная рассмотрение с концепции «роли больного», автором которой является известный американский социолог Т. Парсонс, показывает наблюдающуюся со второй половины XX века тенденцию отхода от господствующей в то время патерналистской модели взаимоотношений «врач-пациент». В статье рассматриваются работы таких современных исследователей, как А. Бок, Э. Деффос, П.С. Сорокин, А.В. Зыкова и др. Отмечается, что интерес к проблематике агентности в целом и к агентности пациентов в частности усилился в период пандемии коронавируса. Становлению агентности пациентов в последние годы способствуют и цифровые технологии, которые стали применяться в медицине благодаря так называемой «цифровой революции», которую, по мнению исследователей, пандемия лишь ускорила. К примеру, активно начала развиваться телемедицина, различные сайты, на которых пациенты могут найти необходимую информацию. Вместе с тем само понятие агентности на сегодняшний день не имеет устоявшегося значения в научных кругах, вокруг этого понятия ведутся бурные дискуссии, тема агентности пациентов является перспективной для исследования и нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: пациент; врач; агентность; цифровизация; цифровые технологии; патернализм; болезнь; интернет.

Цитирование: Сотников С.А. Становление идеи агентности пациентов в институте медицины // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 84–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-84-94>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сотников С.А., 2024 – аспирант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Sotnikov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: sotnikov96@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-3152-2926>

The formation of the idea of patient agency at the institute of medicine

Abstract: this article is devoted to the topic of patient agency. The aim of this work is to consider the process of formation of the idea of patient agency at the Institute of Medicine. The author of this article, starting the consideration with the concept of the «patient role», authored by the famous American sociologist T. Parsons, shows the trend observed since the second half of the 20th century to move away from the paternalistic model of the «doctor-patient» relationship that was dominant at that time. The article examines the works of such modern researchers as A. Bock, E. Deffos, P.S. Sorokin, A.V. Zykova et al. It is noted that interest in the issue of agency in general and in the agency of patients in particular has increased during the coronavirus pandemic. The emergence of patient agency in recent years has also been facilitated by digital technologies, which began to be used in medicine thanks to the so-called «digital revolution», which, according to researchers, the pandemic has only accelerated. For example, telemedicine and various websites where patients can

find the necessary information have begun to actively develop. At the same time, the very concept of agency today does not have an established meaning in scientific circles; there are heated discussions around this concept; the topic of patient agency is promising for research and needs further study.

Key words: patient; doctor; agency; digitalization; digital technologies; paternalism; disease; Internet.

Citation: Sotnikov, S.A. (2024), The formation of the idea of patient agency at the institute of medicine, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 84–94, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-84-94>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sotnikov S.A., 2024 – postgraduate student of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Во второй половине XX века, а именно в 1951 году, социологом Т. Парсонсом был предложен, как считает А.В. Лядова (Лядова 2019, с. 49), социологический взгляд на медицину. Парсонс, являвшийся представителем структурного функционализма, рассматривал медицину как один из элементов социальной структуры – как социальный институт. Парсонсом была разработана концепция «роли больного».

Согласно данной концепции:

– заболевая, индивид вынужденно «выпадает» из привычного для него образа жизни по не зависящим от него причинам;

– вследствие заболевания индивид освобождается от привычных для него обязанностей – в первую очередь от работы;

– общество не изгоняет заболевшего индивида из-за его «дисфункциональности», если освобождение от обязанностей является легитимным и он соглашается взять на себя «роль больного»;

– легитимируют данную роль врачи, являясь агентами социального контроля;

– в случае согласия принятия на себя «роли больного» индивид берёт на себя ряд обязательств. Ключевое обязательство в данном случае – желание индивида выздороветь.

По мнению Д. Армстронга, в этой концепции Парсонсом было выделено 3 особенности положения пациентов при обращении к врачу в случае болезни: беспомощность, некомпетентность, эмоциональная вовлечённость (Armstrong 2014). Больной, по Парсонсу (Parsons 1951), не мог избежать или смягчить своё состояние собственными усилиями, иными словами, больные не могли помочь сами себе справиться с заболеванием. Кроме того, больные, по Парсонсу, не считались компетентными в медицинских вопросах – что и как именно нужно делать, им было обязательно необходимо обращаться к профессионалам – врачам. В процессе принятия «роли больного» пациенты и их близкое окружение сталкиваются с проблемами, которые требуют от них эмоционального напряжения, снизить которое также помогают врачи. Сам Парсонс отмечал, что эта модель явля-

ется абстрактной, она не учитывает особенности взаимоотношений в случае каких-либо конкретных болезней (Parsons 1951).

Как справедливо отмечает Д. Армстронг (Armstrong 2014), в концепции «роли больного» у Парсонса мало места для независимых действий пациентов. Пациенты в ситуации болезни уязвимы, беззащитны, иррациональны. Как было отмечено ранее, «роль больного» накладывала на пациента определенные обязательства, ключевое из которых – желание выздороветь, однако последующим действиям пациента в концепции уделено мало внимания, в целом, пациенты должны лишь следовать рекомендациям профессионалов, то есть врачей. Если пользоваться классификацией взаимоотношений «врач-пациент», которая была выделена американским биоэтиком Р. Витчем, концепция Парсонса наглядно демонстрирует характерную для того периода «патерналистскую модель» взаимоотношений между врачом и пациентом, согласно которой пациенту отведена пассивная роль – он должен чётко следовать указаниям врача, подчиняться врачу, поскольку авторитет и профессиональные компетенции врача в рамках данной модели являются непререкаемыми. Врач полностью берёт на себя ответственность за дальнейшую судьбу пациента. Отношения между пациентом и врачом подобны отношениям «наставника» (который, несомненно, разбирается в своём деле) и «подопечного».

На пути к «активному пациенту»

В 1958 году социальным психологом Годфри Хохбаумом совместно с коллегами из Службы общественного здравоохранения США был представлен отчёт о результатах исследования под названием «Участие общественности в программах медицинского скрининга». Ученых и практикующих врачей беспокоило следующее обстоятельство: почему люди игнорировали приглашения пройти скрининги на определённые заболевания? В частности, многие игнорировали приглашение пройти скрининг на туберкулёз, даже когда специальные мобильные пункты ездили по окрестностям (Armstrong 2014).

Основная проблема скринингов заключалась в том, что люди могли не обращаться в медицинские учреждения, поскольку не наблюдали у себя какой-либо симптоматики определённых заболеваний. То есть люди не видели необходимости обращения в медицинское учреждение, так как субъективно чувствовали себя полностью здоровыми. Однако существуют заболевания, которые могут достаточно длительное время протекать бессимптомно. Хохбаум считал, что необходимо поднять осведомлённость пациентов о заболеваниях на иной уровень: психологическое осознание пациентами того, что они могут быть подвержены заболеваниям, которые могут протекать длительное время без симптомов, может благоприятным образом сказаться на их здоровье. Кроме того, Хохбаум считал, что некоторые пациенты могут знать о симптомах заболевания, однако думать, что это заболевание коснётся кого угодно другого, только не их самих. Поэтому Хохбаум видел необходимость в повышении уровня рефлексии пациентов относительно их здоровья: необходимо было не только осознание людьми того факта, что существует множество различных заболеваний, которые могут до определённого времени протекать совершенно бессимптомно, но и осознание того, что риск заболеть у людей существует всегда, то есть, можно сказать, что Хохбаум ставил задачу сформировать новую личность пациента – психологически подготовленного к различным медицинским рискам и опасностям (Hochbaum 1958), а значит, не пассивным, а готовым к действию. Стоит отметить, что в научных кругах второй половины XX все новое постиндустриальное общество, которое пришло на смену индустриальному, в целом воспринималось многими как общество, которое имеет рискогенный характер – концепции «общества риска» посвящены работы таких социологов и философов, как У. Бек (Бек 2000), Э. Гидденс (Гидденс 1994), Н. Луман (Луман 1994).

Амбициозная задача, которая была обозначена Хохбаумом и его коллегами, конечно же, не могла реализоваться сиюминутно, однако Хохбаумом в некоторой степени был задан вектор, который положил начало другой, отличающейся от описанной в концепции Т. Парсонса модели отношений «врач-пациент». «Новая» медицина стала требовать как от врача, так и от пациента рефлексии, а пациенты постепенно начинали нести всё больше ответственности за собственные действия. Немаловажный вклад в этот процесс внесли и другие психологи. Например, американским социальным психологом Дж. Роттером (Бокова 2014, с. 182) во второй половине XX века была введено понятие «локус контроля». «Локус контроля», согласно Роттеру, бывает «внешним» («экстернальным») или внутренним («интернальным»). Люди

с внутренним локусом контроля уверены в том, что они ответственны за результаты собственной деятельности, что многое зависит от них самих. Люди с внешним локусом контроля «плывут по течению», будучи уверены в том, что их жизнь управляется различного рода внешними факторами. Стоит отметить, что концепция локуса контроля не утратила своей актуальности и по сей день, в том числе и в медицинской сфере. Так, к примеру, анализируется локус контроля у людей с различными заболеваниями (Циринг, Забелина 2019).

Кроме того, другим социальным психологом – Альбертом Бандурой – было введено понятие «самоэффективность». «Самоэффективность» – одно из ключевых понятий в его социально-когнитивной теории. Самоэффективность – это убеждение человека в своей способности эффективно (успешно) действовать в той или иной ситуации, в определенных условиях, вера в успех этих действий, что сопровождается предпочтением более сложных задач, постановкой довольно трудных целей и проявлением упорства, настойчивости при их достижении (Bandura 1977, p. 193), (Bandura 1982, p. 123). Таким образом, во второй половине XX века заметно возрастание внимания учёных к потенциалу личности, а также к действиям индивида в той или иной ситуации, нередко рискогенной, опасной, в ситуации изменений, неопределённости. Благодаря биоэтике, одним из ключевых принципов которой является принцип автономии пациента, также произошёл отход от господствующей в то время концепции «роли больного» Т. Парсонса – автономия пациента подразумевает свободу выбора пациента, выбор должен быть сделан пациентом осознанно и самостоятельно. Как отметил Д. Армстронг: «Активный пациент, подобно фениксу, возник из пепла профессиональной автономии» (Armstrong 2014, p. 171). Как считают М.В. Лядова и А.В. Лядова (Лядова А.В., Лядова М.В. 2019, с. 23), утрачивание патерналистской моделью господствующего положения связано не только с развитием биомедицины и трансформацией медицинской практики, но также и с развитием общества в целом, т.е. изменением самой социальной жизни, становлением так называемого «информационного общества», о котором писали такие учёные, как, например, М. Кастельс, Э. Тоффлер, М. Белл и другие.

Рассмотрение исследований «агентности пациентов»

В настоящее время всё активнее ведутся дискуссии, касающиеся агентности в медицине. Ещё не сложилось консенсуса вокруг самого понятия «агентность». Вместе с тем, как отметили современные российские социологи П.С. Сорокин и

А.В. Зыкова, на фоне пандемии COVID-19, которая явилась вызовом для медицинской структуры и общества в целом, стало особенно заметно возрастание внимания различных экспертов, учёных к проблематике так называемой «агентности». Само понятие агентности в настоящее время является предметом бурных научных дискуссий, пока ещё не сложилось консенсуса вокруг самого понятия (Сорокин, Зыкова 2021, с. 220), (Сорокин 2023). Сорокин отмечает, что некоторые трактуют агентность как «внедрение инноваций на основе уже существующих правил и механизмов контроля их исполнения», другие же под агентностью понимают «способность самостоятельного принятия решений, руководствуясь личными побуждениями, а не вследствие внешнего давления». Кроме того, под агентностью понимают и способность активного противостояния различным изменениям (в том числе «противостояние» инновациям), что, по мнению Сорокина и Зыковой, можно рассматривать и как вызов иерархиям через отставание собственной автономии (Сорокин, Зыкова 2021, с. 226). Дж. Сильва и С. Корс в своей работе под агентностью понимают тип самости, который подразумевает, во-первых, присвоение культурно и социально обусловленного нарратива о себе, включающего ориентацию на будущее, ощущение контроля над собственной жизнью, упорство при возникновении трудностей; и, во-вторых, интернализацию необходимых знаний и культурных ресурсов для реализации нарратива в жизни, в повседневных действиях и решениях. Агентность – сложный конструкт, объединяющий результаты исследований в психологии и нарративную теорию (Silva, Corse 2018).

Исследование Дж. Сильвы и С. Корс опирается на ряд работ в психологии (например, на работы вышеупомянутого Альберта Бандуры). Работы подтверждают, что такие личностные характеристики индивида, как упорство при достижении целей, ориентация на будущее и чувство индивидом контроля над своей жизнью, приводят к лучшим результатам, а также облегчают вертикальную мобильность (Silva, Corse 2018).

Агентность (самостоятельность) – транслитерация термина *agency*, который, по мнению учёных ВШЭ (сайт ВШЭ 2022), довольно часто встречается в современной мировой науке, однако на данный момент в различных областях знания сделаны лишь первые попытки объяснить и отрефлексировать это понятие, для которого устойчивого определения на данный момент нет. Данное понятие лишь относительно недавно оказалось: в поле зрения ученых как одно из центральных для современных социальных наук. Отметим, что на сегодняшний день можно выделить и «пациентскую агентность». На данный момент изучением агентности пациентов наиболее ак-

тивно занимаются исследователи из зарубежных стран. Элен Дефосс было выделено три «измерения» пациентской агентности (Defossez 2016):

– «Пациентская агентность как желание знать». То есть такие пациенты желают расширить свои знания, касающиеся медицинской сферы и здоровья, они желают знать как можно больше информации, чтобы сохранить свое здоровье. При этом отмечается, что интернет значительно расширил возможности ознакомления с медицинской информацией, сделал её доступнее. Так, Дефосс приводит данные социологического исследования за 2012 год: 72 % интернет-пользователей в США заявляли, что они искали информацию, связанную со здоровьем. Более 30 % взрослого населения США заявляли, что они искали информацию, позволяющую определить заболевание, которое может быть у них или у кого-то другого, а 18 % говорят, что они заходили в интернет, чтобы найти «единомышленников». Конечно, у этого есть другая крайность – иногда люди, стремясь предотвратить риски, проходят различные медицинские онлайн-тесты, постоянно ищут симптомы различных заболеваний, подзревая их у себя, т.е. становятся тревожными, ипохондриками (Defossez 2016).

– «Пациентская агентность как желание предотвратить». Здесь речь идет о так называемых «предпациентах». Для «предпациентов» отсутствие симптомов или семейного анамнеза, предполагающего повышенный риск, не обязательно отменяет необходимости оставаться начеку. Пациентов, которые активно ищут эти знания во имя снижения и предотвращения риска, хвалят за то, что они «стали образованнее» и «взяли под контроль» свою жизнь, отмечает Дефосс. Также отмечается, что в последние годы возросла роль различных тестов на генетическую предрасположенность к тем или иным заболеваниям, также подчеркивается, что эти тесты можно приобрести и в интернете. В качестве примера такого «предпациента», желающего предотвратить заболевание, Дефосс приводит актрису Анжелину Джоли, сделавшую двойную мастэктомию после того, как она узнала, что у нее генетическая предрасположенность к раку груди и матки (Defossez 2016). Согласно результатам качественного эмпирического социологического исследования на пример Анжелины Джоли ссылаются и российские информанты (Лехциер, Шекунова 2022, с. 137).

Стоит отметить, что эти два «измерения» агентности перекликаются с вышеописанными идеями психолога Годфри Хохбаума.

– «Пациентская агентность как желание принимать решение». Здесь речь идет о том, что пациенты могут самостоятельно принимать решения (например, где-то разрешается составить план родов) (Defossez 2016).

В 2021 году прошёл первый экспертный семинар Европейского консорциума по гемофилии, посвященный агентности пациентов. Европейский консорциум по гемофилии – это некоммерческая организация, которую возглавляют пациенты с данным заболеванием. Организация занимается вопросами, связанными с улучшением качества жизни людей, страдающих данным заболеванием. Аналитический отчёт по результатам экспертного семинара представили Аманда Бок, Деклан Нун и Ная Скоув-Расмуссен. Аманда Бок и её соавторы определяют агентность пациента как «способность и возможность пациента действовать, вносить свой личный вклад принимать решения относительно своего здоровья» (Bok et al. 2022). На экспертном семинаре было выделено пять основных тем для обсуждения: концепция совместного принятия решений (SDM), расширение прав и возможностей пациентов, уровень вовлечённости пациентов, культурные изменения и медицинская грамотность. Авторы отмечают, что общими проблемами для выделенных тем являются: неравные отношения между пациентами и медицинскими работниками, службами и системами; патернализм и иерархические культуры; неспособность признать проблемы; консерватизм и сопротивление переменам. Авторы отмечают, что у концепции совместного принятия решений (SDM) не существует стандартизированной методологии, при этом для данной концепции разрабатываются всё новые инструменты, однако данные об эффективности методов являются, по мнению Бок и соавторов, весьма ограниченными, что приводит к отсутствию систематизированной информации о том, какие же именно инструменты являются наиболее полезными. «Медицинский работник часто рассматривается как источник информации, а пациент как получатель – в этом сценарии пациентов можно услышать, но это не означает, что их действительно слушают», – отмечает Бок и соавторы (Bok et al. 2022, с. 28). Для возникновения настоящего SDM требуется сбалансированный диалог, в котором могли бы принимать участие как пациенты, так и различные медицинские работники, нередко необходимо привлечение нескольких врачей, которые могли бы сотрудничать в команде. В свою очередь, для этого необходимо согласие пациентов и врачей в понимании того, что же такое SDM. Простое предоставление пациентам права выбора из нескольких вариантов лечения – как считает Бок и соавторы – не является SDM (Bok et al. 2022, с. 28). Бок и соавторы отмечают, что создание такого «коллективного разума», который будет ориентирован на реальный опыт пациентов, например, посредством аудиозаписей консультаций, вероятно, будет более эффективным для SDM, чем использование инструментов

принятия решений с неопределенной ценностью. Стоит отметить, что в Дании проводились исследования, результаты которых показали, что ведение аудиозаписей консультаций служит ценным напоминанием как пациентам, так и врачам о том, что обсуждалось, и может помочь выстроить более «равный» диалог (Wolderslund et al. 2017).

Кроме того, несмотря на то, что права и возможности пациента постепенно расширяются, так или иначе на данный момент ещё существует «эффект стеклянного потолка»: «цифровая революция», конечно, обеспечила доступ пациентов к медицинской информации, но необходимо обеспечение качественной и проверенной информации, особенно для пациентов с гемофилией. Кроме того, Бок и соавторы отмечают, что «цифровое неравенство» всё ещё имеет место быть – пациенты по каким-либо причинам могут не иметь доступа в интернет, поэтому необходимо выстраивать поддержку пациентов так, чтобы имелась возможность оказания помощи, повышения уровня медицинских знаний у всех категорий пациентов, независимо от различных факторов.

Также Бок с соавторами отмечает, что недостаточно только лишь расширения прав и возможностей именно пациентов, необходимо участие в этом процессе врачей. Врачи должны быть ознакомлены с фактическими данными, которые подтверждают ценность участия пациентов. Врачам для понимания того, как облегчить и стимулировать расширение прав и возможностей пациентов, также требуется дополнительное обучение. Направленные на повышение уровня вовлечённости пациентов мероприятия необходимо выстраивать с учётом различных факторов (пол, возраст, доход, психологическое состояние) и т.д. Бок и соавторы отмечают, что возраст может оказывать серьёзное влияние на уровень вовлечённости пациентов, так как возрастные пациенты могут быть подвержены патерналистской установке о том, что «врач знает лучше». Также пациенты могут отказываться от каких-либо процедур не потому, что не хотят проходить их – для них та или иная процедура может оказаться дорогостоящей. Кроме того, психологическое состояние пациента также может оказывать серьёзное влияние на уровень вовлечённости, так как пациент с хроническим заболеванием может находиться в подавленном состоянии, будучи уверенным, что «лучше уже не будет». При этом Бок и соавторы отмечают, что врач на консультации видит пациента с позиции «моментального снимка» (Bok et al. 2022), то есть «здесь и сейчас», однако уровень вовлечённости пациента – это явление динамическое, подверженное изменениям. Необходимо выстраивать работу с пациентами так, чтобы помочь им преодолеть разного рода барьеры, которые влияют на уровень вовлечённости.

Кроме этого, необходимо устранение различных культурных барьеров: например, сопротивление переменам. Кроме того, считает Бок и соавторы, необходимо найти баланс между стандартизацией и индивидуализацией медицинской помощи, поскольку системы создавались с учетом потребностей пациентов с более распространенными заболеваниями. Поэтому могут возникать трудности с внесением культурных изменений, которые бы учитывали потребности людей с редкими заболеваниями, такими как гемофилия.

Бок и соавторы считают, что в настоящее время медицинская грамотность – это проблема пациентов, а не медицинской системы в целом, однако, по мнению Бок, медицинские работники также должны адаптироваться к различному уровню медицинской грамотности пациентов и помочь им преодолеть проблемы, связанные с этим. Важно доносить медицинскую информацию до пациентов так, чтобы она была понятна пациенту с разным уровнем медицинской грамотности.

Можно отметить, что Бок и соавторы рассматривают сферу медицины как сложную экосистему.

В 2021 году исследователи Олауг С. Лиан, Сара Неттлтон, Хью Граунджи и Кристофер Дюрик изучили процессы принятия решений в медицинской сфере. Их интересовало, как пациенты могут влиять на решения, принимаемые врачами, и как они могут предлагать и отклонять определенные действия. Также исследователи хотели понять, какие нормы и ожидания связаны с участием пациентов в этих процессах. Для изучения этих вопросов исследователи проанализировали транскрипты медицинских консультаций и представили результаты своей работы в статье «Я не врач; Я всего лишь пациент»: агентность пациентов и совместное принятие решений на консультациях первичной медико-санитарной помощи» (Liana et al. 2021). Было выделено три основные формы взаимодействия пациентов с врачами:

- активные действия пациента («информированный пациент»);
- приглашение врача к переговорам (некое подобие «коллегиальной модели» по Витчу);
- передача власти врачу (некое подобие «патерналистской модели» по Витчу).

Также были выделены модели агентности пациентов:

- пациенты чаще критикуют действия врача, чем предлагают варианты собственных действий. При этом критика может быть очень острой;
- пациенты пытаются скрыто, намёками предложить врачу собственные варианты действий;
- пациенты воздерживаются от собственных предложений действий, когда врач просит их об этом напрямую;
- пациенты предлагают свои варианты действий или отвергают предложения врача, ссы-

лаясь на опыт друзей, знакомых или на личные убеждения;

- пациенты меняют роли на разных этапах консультации с врачом, действуя неоднозначно;
- в последний момент консультации пациент передает «власть» врачу» (Liana et al. 2021).

Пациенты могут колебаться в принятии на себя ответственности за окончательные решения (и, следовательно, за их последствия) по следующим причинам:

- поскольку считают, что это «имманентные правила игры»;
- потому что они знают, что формально должны полагаться на согласие врачей;
- потому что пациенты опасаются отказа врачей от ответственности: за те действия, которые они (врачи) изначально не рекомендовали делать;
- потому что они признают достоинства профессиональной медицинской диагностики.

Перечисление врачами возможных вариантов действий может маскировать власть, создавая представление о выборе и, таким образом, «действовать не столько как практика снижения власти, сколько как практика сокрытия ее осуществления». Это вызывает вопросы о том, что такое «совместное», что квалифицируется как «совместные» решения; как можно уловить влияние пациента на клинические консультации, как можно оценить соответствие между восприятием врачей и пациентов.

Отмечается, что сохраняются «авторитетные, а не совместные» профессиональные позиции. Врачам нужно уметь видеть в пациентах личность. Врачи должны осознавать возможность совместного принятия решений на всех этапах консультации и рассматривать каждого пациента индивидуально, не недооценивая и не переоценивая его готовность участвовать» (Liana et al. 2021).

Изучением агентности пациентов занимаются в том числе и отечественные исследователи: например, К.А. Галкин, который затрагивал тематику агентности пожилых пациентов в сельской местности как в офлайн-пространстве (Галкин 2021), так и в «онлайн-пространстве», в «онлайн-сообществах здоровья» (Галкин 2022а). А.А. Кирзюк (Кирзюк 2021) затронула в своей работе «самодельную» агентность так называемых «ковид-диссидентов».

Бурное развитие цифровых технологий, произошедшее в последние десятилетия вследствие «цифровой революции», вызывает интерес у многих ученых, в том числе, конечно же, и у социологов, так как цифровые технологии трансформируют существующие социальные практики и способствуют возникновению новых, влияют на поведение индивидов, трансформируют культурную сферу и социальные институты. Цифро-

визация в наши дни проникает во многие сферы профессиональной деятельности, в том числе и в сферу медицины. Как считает В.Л. Лехциер, благодаря «всемирной паутине» происходит «взрыв госпитальной имманенции и перераспределение медицинского знания». «Сегодня пациент в палате, находясь на своём фиксированном месте, даже будучи прикованным к постели, не изолирован, больница становится больницей без стен. Койка – больше не место, отделяющее болезнь и больного от других больных, от здоровых людей и медицинского персонала. Пациент, подключенный к глобальной сети, находится не только в бесконечном пространстве возможной солидарной боли, возможного солидарного переживания собственных симптомов, но и в пространстве немнополизованного экспертного знания, которое изменяет отношение между пациентом и его непосредственными врачами» (Лехциер 2018, с. 91).

Франциско Нуньес, Тарик Андерсен и Джеральдин Фицпатрик (Nunes, Andersen, Fitzpatrick 2017, р. 331) одним из факторов, который все больше влияет на свободу выбора в сфере здоровья, называют новые цифровые технологии. Поскольку технологии для взаимодействия с врачами (такие как форумы пациентов, телемедицина и т.д.) часто вводят практики лечения и перераспределяют существующие, они, скорее всего, изменят способы взаимодействия пациентов и лиц, проходящих лечение, с врачами. Так, авторы, проанализировав видеоконсультации и форумы пациентов с болезнью Паркинсона, отметили, что после общения с другими пациентами некоторые пациенты смогли подобрать для себя нужный интервал приема лекарств, который облегчил их состояние, хотя этот интервал не прописан в протоколах лечения данной болезни, а кто-то после поиска информации на специализированном форуме обратился к врачу с желанием поменять выписанные ему лекарства (Nunes, Andersen, Fitzpatrick 2017).

По мнению ряда исследователей, пандемия новой коронавирусной инфекции, с которой недавно столкнулось мировое сообщество, лишь ускорила процесс цифровизации, послужила своеобразным катализатором (Мамедьяров 2021). В связи с этим обстоятельством можно отметить, что в фокусе исследовательского интереса сейчас находится и изучение различных практик пациентов, пользующихся цифровыми медицинскими технологиями.

Так, к примеру, современным отечественным исследователем К.А. Галкиным было проведено эмпирическое исследование, посвященное изучению практик использования пожилыми людьми онлайн-сообществ (форумов, порталов), позволяющих получать разнообразную информацию медицинской тематики, коммуницировать

пациентам как с такими же пациентами, как и они сами, так и с врачами. Подобного рода онлайн-сообщества называют «онлайн-сообщества здоровья».

В рамках своего исследования Галкин взял полуструктурированные интервью у 30 информантов из сельской местности: возраст информантов был в диапазоне от 65 до 73 лет, они проживали в Ленинградской области, все они являлись пользователями довольно крупного «онлайн-сообщества здоровья». Как отметил Галкин, при анализе этих интервью использовался разговорный анализ (Галкин 2022а, с. 92). Дополнительным методом в исследовании, которое проводилось Галкиным, послужила цифровая этнография. Цифровая этнография использовалась Галкиным с целью изучения практик и коммуникации пожилых пациентов в рамках так называемых «онлайн-сообществ здоровья». Как отметил К.А. Галкин, всего при этом было проанализировано 1000 сообщений («постов») на форуме.

В результате исследования К.А. Галкиным (Галкин 2022а, с. 92–94) было выделено 3 следующих стратегии поведения пожилых пациентов в рамках «онлайн-сообщества здоровья»: 1) стратегия общения, 2) стратегия пользования, 3) стратегия наблюдения.

Представители так называемой «стратегии общения» довольно положительно оценивали опыт лечения посредством сети Интернет, в целом доверяли советам, которые размещены в «онлайн-сообществе здоровья», подчеркивали перспективность этих сообществ. При этом люди, избравшие такую стратегию общения, делились с другими пользователями сообщества не только информацией, касающейся своего заболевания, но и информацией о других, житейских проблемах, с которыми они сталкивались. Так, к примеру, в одном из сообщений некий пользователь обратился к другим пользователям с вопросом о том, где лучше «достать недорогой электрогенератор». К.А. Галкин акцентирует внимание на том, что для данной стратегии общения нередко разница между описанием болезни в «онлайн-сообществе» и интервью, которые были взяты в рамках исследования – в интервью болезнь описывали гораздо более серьезно и сложно, чем при общении в «онлайн-сообществе». При этом в рамках данной стратегии общения, пожилые информанты рассматривали общение на форуме как некую отдушину, способ выговориться и быть услышанным, способ расслабиться, ведь «онлайн-сообщество здоровья» позволяет жителям отдаленных сёл пообщаться с жителями разных регионов, крупных городов и обменяться с ними опытом. Как отмечает К.А. Галкин, представителями данной стратегии ценится способ общения, который он назвал «терапевтическим»

(Галкин 2022а, с. 92) – советы, поддержка, неспешные беседы и разговоры. При этом пожилые представители данной стратегии весьма избирательно подходили к выбору собеседника – предпочитали общаться с ровесниками, стараясь избегать общения с более молодыми участниками сообщества.

Для представителей следующей выделенной стратегии – «стратегии пользования» – было характерно восприятие «онлайн-сообщества здоровья» как сообщества экспертов. Участники групп доверяют советам как профессиональных врачей, так и рядовых пациентов. При этом подчёркивалось, что в «онлайн-сообществе» они нашли для себя гораздо больше полезной информации, чем в справочниках и на форумах. Кроме того, для представителей данной стратегии важно не только ознакомление с информацией о заболевании, обсуждение заболевания и получение советов и рекомендаций, но и практическая реализация полученных советов, следование им. Также для представителей данной стратегии характерен сугубо инструментальный взгляд на «онлайн-сообщество»: «онлайн-сообщество» для них – это некий инструмент, помогающий в борьбе с заболеванием, а не средство общения. Как отмечали информанты, появление «лишней информации» (не относящейся напрямую к их заболеванию) в чате может служить и своеобразным поводом для прекращения общения в этом чате. А обсуждение житейских проблем, очень длинные рассказы о болезни выступают негативным фактором, который и вовсе может подтолкнуть пользователя к тому, чтобы покинуть сообщество. При этом представители данной стратегии были удовлетворены своей жизнью в селе, в отличие от представителей «стратегии общения».

Представители «стратегии наблюдения» рассматривают «онлайн-сообщество здоровья» (и «всемирную паутину» в целом) как источник знаний, накопленных другими пользователями, при этом не желают дополнять этот источник своим опытом. Для них важно извлечь пользу из того, что уже имеется в «онлайн-сообществе», они читают представленную информацию, но не задают уточняющие вопросы, не пытаются изучить вопрос глубже. Иными словами, представители «стратегии наблюдения» не вносят личный вклад в развитие «онлайн-сообщества здоровья», оставаясь пассивными наблюдателями. «Онлайн-сообщество здоровья» служит для таких информантов «энциклопедией».

По мнению К.А. Галкиной, такие «онлайн-сообщества» позволяют пожилым людям получить нужный им совет, выполнять различные физические упражнения и быть активными. Также Галкин считает (Галкин 2022b, с. 459), что именно цифровая медицина и E-Health могут способ-

ствовать развитию и расширению агентности у пожилых пациентов, особенно проживающих в сельской местности.

Заключение

В 1951 году социолог Т. Парсонс, создавший свою знаменитую концепцию «роли больного», наглядно продемонстрировал в своей концепции «патерналистскую модель» отношений «врач-пациент» (если пользоваться классификацией Р. Витча), являющуюся господствующей моделью коммуникации между врачами и пациентами того периода – «подопечный» (пациент) беспрекословно подчинялся своему «наставнику» (врачу). Однако к концу 1950-х годов социальными психологами, такими как, например, Годфри Хохбаум, была поставлена довольно амбициозная задача – формирование личности «активного пациента», пациента, готового к действию, к самостоятельному действию. В целом, на протяжении второй половины XX века наблюдается возрастание внимания учёных к потенциалу личности, а также к действиям индивида в различных рискованных ситуациях. Благодаря трудам социальных психологов, а также биоэтике, одним из ключевых принципов которой является принцип автономии пациента, произошёл отход от господствующей в то время «патерналистской модели» отношений «врач-пациент» – автономия пациента подразумевает свободу выбора пациента, выбор должен быть сделан пациентом осознанно и самостоятельно. По мнению учёных, «патерналистская модель» утрачивает своё господствующее положение, в том числе и из-за изменения самой социальной жизни, становления так называемого «информационного общества». Так, благодаря интернету и цифровизации в целом пациент более не является изолированным в больничных стенах, ведь он может общаться онлайн с «такими же, как он пациентами», врачами со всего мира, а также, к примеру, искать медицинскую информацию. Стоит отметить, что пандемия COVID-19 ускорила процесс цифровизации многих сфер, в том числе и медицины. Также на фоне пандемии COVID-19 возросло внимание ученых и экспертов к проблематике так называемой «агентности» – данное понятие является предметом бурных научных дискуссий, которые ведутся как среди зарубежных, так и среди отечественных исследователей. Одно из определений данного понятия – «способность самостоятельного принятия решений, руководствуясь личными побуждениями, а не вследствие внешнего давления». На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о становлении идеи агентности пациентов в институте медицины. На данный момент изучением агентности пациентов наиболее активно занимаются исследователи преимущественно из зару-

бежных стран: этой теме посвящены работы Сары Неттлтон, Хью Граунджи и Кристофера Доурик, Элен Дефосс. Так, например, Э. Дефосс было выделено три «измерения» пациентской агентности. Стоит отметить, что некоторые из «измерений» пациентской агентности перекликаются с идеями социального психолога Годфри Хохбаума.

Отмечается, что цифровые технологии в медицине могут способствовать расширению агентности пациентов (об этом, к примеру, пишет К.А. Галкин в своей работе «Практики медикации и агентность пожилых людей с хроническими заболеваниями в сельской местности»). Тема агентности пациентов требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

- Armstrong, D. (2014), Actors, patients and agency: a recent history, *Sociology of Health & Illness*, vol. 36, no. 2, pp. 163–174.
- Bandura, A. (1977), Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change, *Psychological Review*, vol. 84, pp. 191–215.
- Bandura, A. (1982), Self-efficacy mechanism in human agency, *American Psychologist*, vol. 37, pp. 122–147.
- Bok, A., Noone, D., Skouw-Rasmussen, N. (2022), Patient agency: key questions and challenges – A report from the 1st workshop of the EHC Think Tank Workstream on Patient Agency, *The Journal of Haemophilia Practice*, vol. 9(1), pp. 27–35.
- Defossez, E. (2016), *Between control and constraint: charting three rhetorics of patient agency* [Online], available at: <https://pubs.lib.uiowa.edu/po-roi/article/id/3403/download/pdf/> (Accessed 05 September 2023).
- Liana, O., Nettleton, S., Grangea, H., Dowrick C. (2021), "I'm not the doctor; I'm just the patient": Patient agency and shared decision-making in naturally occurring primary care consultations, *Patient Education and Counseling*, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/356831425_I'm_not_the_doctor_I'm_just_the_patient_Patient_agency_and_shared_decision-making_in_naturally_occurring_primary (Accessed 09 May 2023).
- Nunes, F., Andersen, T.O., Fitzpatrick, G. (2017), The agency of patients and carers in medical care and self-care technologies for interacting with doctors, *Health Informatics Journal*, no. 25(2), pp. 330–349.
- Hochbaum, G.M. (1958), *Public participation in medical screening programs: a socio-psychological study*, Public Health Service Publication, Washington, USA.
- Parsons, T. (1951), *The social system*, New York, USA.
- Silva, J., Corse, S. (2018), Envisioning and enacting class mobility: the routine constructions of the agentic self, *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 6(2), pp. 231–265, DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0026-x>.
- Wolderslund, M., Kofoed, P.-E., Holst, R., Axboe, M., Ammentorp, J. (2017), Digital audio recordings improve the outcomes of patient consultations: A randomised cluster trial, *Patient Educ Couns*, vol. 100(2), pp. 242–249.
- Бокова О.А. К вопросу о теоретических основах изучения психологических феноменов ответственности и локуса контроля // МНКО. 2014. № 5 (48). С. 181–183.
- Галкин К.А. Практики медикации и агентность пожилых людей с хроническими заболеваниями в сельской местности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 95–101.
- Галкин К.А. Стратегии использования онлайн-сообществ здоровья пожилыми людьми в сельской местности // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 3. С. 88–96.
- Галкин К.А. Цифровая медицина в повседневности пожилых людей в пандемию. кейс республики Карелия // Материалы VI Международной научной интернет-конференции «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства». 2022. С. 457–461.
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 40–102.
- Кирзюк А.А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484–509.
- Лехциер В.Л., Шекунова Ю.О. Генетизация с точки зрения генетиков: направления, проблемы и перспективы персонализированного и предиктивного молекулярно-генетического тестирования в России // Экономическая социология. 2022. № 3. С. 129–159.
- Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literaturos namai, 2018. 312 с.
- Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 4–160.
- Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1. С. 42–61.
- Лядова А.В., Лядова М.В. Особенности формирования взаимоотношений в системе врач-пациент в современных условиях // Социология медицины. 2016. № 2. С. 20–25.
- Мамедьяров З.А. Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 4. С. 92–108.
- Первое приближение к самостоятельности («агентности»): что известно о малоизвестном яв-

лении [Электронный ресурс]. URL: <https://stratpro.hse.ru/human-success/news/779418478.html>.

Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. С. 91–102.

Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг. 2021. № 5. С. 216–241.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелнику и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Циринг Д.А., Забелина Е.В. Локус контроля у пациентов с онкологическими заболеваниями: теоретический обзор // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 4 (29). С. 382–385.

References

Armstrong, D. (2014), Actors, patients and agency: a recent history, *Sociology of Health & Illness*, vol. 36, no. 2, pp. 163–174.

Bandura, A. (1977), Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change, *Psychological Review*, vol. 84, pp. 191–215.

Bandura, A. (1982), Self-efficacy mechanism in human agency, *American Psychologist*, vol. 37, pp. 122–147.

Bok, A., Noone, D., Skouw-Rasmussen, N. (2022), Patient agency: key questions and challenges – A report from the 1st workshop of the EHC Think Tank Workstream on Patient Agency, *The Journal of Haemophilia Practice*, vol. 9(1), pp. 27–35.

Defossez, E. (2016), *Between control and constraint: charting three rhetorics of patient agency* [Online], available at: <https://pubs.lib.uiowa.edu/po-roi/article/id/3403/download/pdf/> (Accessed 05 September 2023).

Liana, O., Nettletonb, S., Grangea, H., Dowrick C. (2021), "I'm not the doctor; I'm just the patient": Patient agency and shared decision-making in naturally occurring primary care consultations, *Patient Education and Counseling*, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/356831425_I'm_not_the_doctor_I'm_just_the_patient_Patient_agency_and_shared_decision-making_in_naturally_occurring_primary (Accessed 09 May 2023).

Nunes, F., Andersen, T.O., Fitzpatrick, G. (2017), The agency of patients and carers in medical care and self-care technologies for interacting with doctors, *Health Informatics Journal*, no. 25(2), pp. 330–349.

Hochbaum, G.M. (1958), *Public participation in medical screening programs: a socio-psychological study*, Public Health Service Publication, Washington, USA.

Parsons, T. (1951), *The social system*, New York, USA.

Silva, J., Corse, S. (2018), Envisioning and enacting class mobility: the routine construction of the agentic self, *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 6(2), pp. 231–265, DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0026-x>.

Wolderslund, M., Kofoed, P-E., Holst, R., Axboe, M., Ammentorp, J. (2017), Digital audio recordings improve the outcomes of patient consultations: A randomised cluster trial, *Patient Educ Couns*, vol. 100(2), pp. 242–249.

Bokova, O.A. (2014), On the issue of the theoretical foundations for studying the psychological phenomena of responsibility and locus of control, *MNKO*, no. 5 (48), pp. 181–183.

Galkin, K.A. (2021), Medicine practices and agency of older people with chronic diseases in rural areas, *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, Series: Social Sciences, no. 3 (63), pp. 95–101.

Galkin, K.A. (2022), Strategies for the use of online health communities by older people in rural areas, *Digital Sociology*, vol. 5, no. 3, pp. 88–96.

Galkin, K.A. (2022), Digital medicine in the everyday life of older people during a pandemic. case of the Republic of Karelia, *Materials of the VI International Scientific Internet Conference "Problems and Prospects for the Development of Scientific and Technological Space"*, pp. 457–461.

Giddens, E. (1994), Fate, risk and security, *Thesis*, vol. 5, pp. 40–102.

Kirzyuk, A.A. (2021), "I have no fear": Covid dissidents in search of agency and truth, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 2, pp. 484–509.

Lekhtsier, V.L. (2018), *Illness: experience, narrative, hope. Essay on social and humanistic studies of medicine*, Logvino literaturos namai, Vilnius, Lithuania.

Lekhtsier, V.L., Shekunova, Yu.O. (2022), Genetization from the point of view of geneticists: directions, problems and prospects of personalized and predictive molecular genetic testing in Russia, *Economic Sociology*, no. 3, pp. 129–159.

Luhmann, N. (1994), The concept of risk, *Thesis*, vol. 5, pp. 4–160.

Lyadova, A.V. (2019), Features of the formation of the sociology of medicine as an interdisciplinary scientific direction, *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, no. 1, pp. 42–61.

Lyadova, A.B., Lyadova, M.B. (2016), Features of the formation of relationships in the doctor-patient system in modern conditions, *Sociology of Medicine*, no. 2, pp. 20–25.

Mamedyarov, Z.A. (2021), Accelerating digitalization against the backdrop of a pandemic: world experience and Russia, *Contours of global transformations: politics, economics, law*, no. 4, pp. 92–108.

The first approximation to independence (“agency”): what is known about a little-known phenomenon [Online], available at: <https://www.izea.com/influencer-commerce> (Accessed 09 May 2023).

Sorokin, P.S. (2023), The problem of “agency” through the prism of the new reality: state and directions of development, *Sociological Studies*, pp. 91–102.

Sorokin, P.S., Zykhova, A.V. (2021), “Transformative agency” as a subject of research and development in the 20th century: review and interpretation of international experience, *Monitoring*, no. 5, pp. 216–241.

Beck, U. (2000), *Risk Society. On the way to another modernity*, Progress-Tradition, Moscow, Russia.

Tsiring, D.A., Zabelina, E.V. (2019), Locus of control in patients with cancer: a theoretical review, *ANI: Pedagogy and Psychology*, no. 4 (29), pp. 382–385.

Submitted: 06.05.2024

Revised: 02.09.2024

Accepted: 25.09.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.35

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-95-103

Дата поступления: 03.06.2024
рецензирования: 14.08.2024
принятия: 02.10.2024

С.Н. Майорова-Щеглова
Московский государственный
психолого-педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: sheglova-s@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4935-9148>

Дед Мороз как социальный конструкт детства и социума

Аннотация: в статье предлагается расширить представления о сказочном волшебнике Дед Морозе как мифе и культурно-символическом образе с использованием социологических подходов. В качестве методологии анализа применена концепция социального конструирования реальности, которая позволила охарактеризовать социальный конструкт «Дед Мороз», выполняющий многочисленные социальные функции для взрослого населения и дополнительные, специфические для детей. К основным функциям относятся участие в формировании национальной идентичности, традиций, политического различия, экономическая, образовательная, воспитательная, социализирующая, дополнительно описано применение как стимула в проективных исследовательских методиках. Приводятся аргументы, доказывающие, что Дед Мороз не только является атрибутом культурного наследия России, но и объединяет многочисленные представления, социальные практики детей и организацию повседневного пространства ребенка, способствует социализации современного юного поколения, участвует в межпоколенной трансмиссии ценностей и идентичности. Выделены субъекты и механизмы конструирующих процессов, уровни и возможности применения в периодизации детства. С помощью репрезентативного эмпирического исследования 2023 г. оценок молодежи событийности своего детства, и в том числе ситуации потери веры в Деда Мороза (средний возраст – 9,1 года), сделаны выводы о социальных факторах стабильности и изменчивости возраста развенчания мифа о реальности сказочного героя. Предложены некоторые гипотезы для дальнейших исследований, в том числе новой роли «социального работника и социального защитника» у Деда Мороза, искусственного удлинения самими детьми периода доверия к сказочному персонажу с целью получения подарков и развлечений.

Ключевые слова: детство; Дед Мороз; событие; вера; социальное конструирование; социализация; воспитание; миф.

Цитирование: Майорова-Щеглова С.Н. Дед Мороз как социальный конструкт детства и социума // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 95–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-95-103>.

Благодарности: автор выражает благодарность коллегам по ВНИК (А.Ю. Губановой, Е.А. Колосовой, А.С.В. Коняшкиной, А.В. Кученковой, С.Ю. Митрофановой) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Майорова-Щеглова С.Н., 2024 – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью факультета «Социальная коммуникация» Московского государственного психолого-педагогического университета, 127051, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.N. Mayorova-Scheglova
Moscow State University of Psychology
& Education, Moscow, Russian Federation
E-mail: sheglova-s@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4935-9148>

Ded Moroz (Father Frost) as a social construct of childhood and society

Abstract: the article proposes to expand the understanding of the fairy-tale wizard Ded Moroz (Father Frost) as a myth and cultural and symbolic image using sociological approaches. As an analysis methodology,

the concept of social construction of reality was applied, which made it possible to characterize the social construct «Ded Moroz (Father Frost)», which performs numerous social functions for the adult population and additional, specific for children. The main functions include participation in the formation of national identity, traditions, political distinction, economic, educational, educational, socializing, additionally described as an incentive in projective research methods. Arguments are presented to prove that Ded Moroz (Father Frost) is not only an attribute of the cultural heritage of Russia, but also unites numerous ideas, social practices of children and the organization of the child's daily space, promotes the socialization of the modern young generation, participates in the intergenerational transmission of values and identity. The subjects and mechanisms of constructing processes, levels and possibilities of application in the periodization of childhood are highlighted. With the help of a representative empirical study of 2023 estimates by young people of the eventfulness of their childhood, including the situation of loss of faith in Ded Moroz (Father Frost) (average age 9.1 years), conclusions were drawn about social factors of stability and variability of the age of debunking the myth of the reality of the fairy-tale hero. Some hypotheses have been proposed for further research, including the new role of a «social worker and social defender» for Ded Moroz (Father Frost), the artificial lengthening of the period of trust in the fairy-tale character by the children themselves in order to receive gifts and entertainment.

Key words: childhood; Ded Moroz; Santa Claus; event; faith; social construction; socialization; upbringing; myth.

Citation: Mayorova-Scheglova, S.N. (2024), Ded Moroz (Father Frost) as a social construct of childhood and society, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 95–103, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-95-103>.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to colleagues at the Institute (Gubanova A.Yu., Kolosova E.A., Konyashkina A.S.V., Kuchenkova A.V., Mitrofanova S.Yu.) for their assistance in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Mayorova-Scheglova S.N., 2024 – Doctor of Science (Sociological Sciences), Professor; Professor of Department of Social Communication and Organization of Work with Youth of Faculty of Social Communication of Moscow State University of Psychology & Education, 29, Sretenka Street, Moscow, 127051, Russian Federation.

Введение

Сложилась определенная традиция рассмотрения Деда Мороза в векторе изучения мифа, мифологии и изменений культуры. В первом случае новогодний персонаж определяется как символ веры, которому определенная группа последователей придает статус истинной и создает вокруг ситуации, события, деятельность, поддерживающие этот статус.

Интересно мнение о распространении мифов в несформированной, неразвитой культурно среде, с опривыченными тактиками простых, прямых и недолговременных решений по возникающим проблемным ситуациям. Считается, что культурная, образованная, продвинутая часть социума мифы не принимает, подвергает их критическому анализу и в результате отвергает. Однако в случае с ситуацией Деда Мороза это объяснение не вполне адекватно, так как она охватывает практически весь социум, продолжает воспроизводиться во всех социальных группах на протяжении достаточно долгого времени.

Само появление, распространение и функционирование празднования Нового Года с главным героем Дедом Морозом в российском обществе было подвержено на протяжении более полутора столетий многим поворотам и флуктуациям. В рамках культурно-исторического подхода выявлены периоды возникновения, ассимиляции

в обществе и среде образования, ограничений и поддержки данного феномена, согласующиеся с изменениями в политической и образовательной сферах (Шпаковский 2022).

Однако отдельные указанные аспекты изучения образа или символа Деда Мороза не охватывают полноты и многогранности этого феномена. В данной статье мы решим следующую задачу: докажем установление социального конструкта «Дед Мороз», а не только символа, культурного феномена, семиотического элемента. При этом мы полагаем, что этот конструкт влияет в большой степени на социальную реальность детства.

Теоретико-методологические и методические основания рассмотрения Деда Мороза как социального конструкта детства и на уровне всего общества

Для определения теоретических рамок нашего исследования важна позиция современных социологов, которые с опорой на теорию Ж. Бодриера настаивают на существовании Деда Мороза как социальной реальности, так как доказано влияние этого образа на сознание, поведение многих индивидов, т.е. последствия такого воздействия реальны (Плетнев 2024, с. 13). Мы уточним: конечно, это влияние оказывается на всех (а не некоторых индивидов) в детстве и на очень большие группы взрослых индивидов (родителей/прародителей, педагогов и др.).

Не случайно социологические центры изучения общественного мнения активно используют образ Деда Мороза, наделенного волшебными свойствами, как реальную персону, используют его как инструмент для выявления ценностей, социальных настроений, потребительских предпочтений населения. Изучение гипотетических просьб к Деду Морозу выявило приоритеты здоровья и мира (ВЦИОМ 2018). 25 % россиян наделили Деда Мороза правом выступить в качестве талисмана зимних Олимпийских Игр 2014 года, подчеркивая его способность отразить культуру принимающей стороны (ВЦИОМ 2011). При определении особенностей проведения новогодних мероприятий в условиях специальной военной операции абсолютное большинство опрошенных предложили сохранять традиции поздравления Деда Мороза в госпиталях и для детей участников СВО (ВЦИОМ 2022).

Социально-психологические исследования данного феномена проводились неоднократно зарубежными исследователями, при этом локус был направлен на выявление обстоятельств пересмотра взглядов в процессе взросления и его влияние/невлияние на степень доверия между родителями и юными членами семьи (Mills et al., 2020). Установлен факт, что опыт негативных эмоций после разуверования остается недолгим и молодое поколение также собирается воспроизводить подобные практики для своих детей.

Ж. Броннер использовал пример веры в существование главного новогоднего героя в качестве аргументов динамики формирования социальных представлений индивидов и зависимости ее от некоторых социальных аспектов (Ушкова 2005). Он показал в работе, что само верование имеет структуру (центр и периферию) и влияет на иные социальные представления. Им были обнаружены 14 элементов, из которых центральными обозначены внешний облик волшебника и ритуал вручения подарка. В его работе также важно, что он выделил основных «творцов» веры в Деда Мороза – родителей, но, как мы покажем ниже, они не являются единственными субъектами влияния на детей. Чем больше взрослые организуют пространство и деятельность вокруг Деда Мороза, тем глубже и дольше верят в его существование дети.

Мы полагаем возможным применение концепции социального конструирования реальности, разрабатываемой с опорой на базовую работу П. Бергера и Т. Лукмана, российскими социологами в отношении многих феноменов: религии, девиации отцовства и др. (Еникеева 2021, Осипова 2015, Шевченко 2021). Исходя из вектора теории социального конструирования, детство принято определять как многомерное многосоставное социальное образование, возникающее в долговременных процессах на основе бинарного сое-

динения объективной (условия) и субъективной (субъекты и их деятельность) реальностей (Майорова-Щеглова 2018, Alanen 2015).

Задачами настоящей работы являлись: 1. Выявление специфических характеристик Деда Мороза как социального конструкта, аргументация совокупности его элементов через разные сферы социума. 2. Определение специфики конструирования данного феномена для детского периода и детской аудитории. 3. Выделение основных субъектов и механизмов данного конструирования в детстве. 4. Доказательства применения веры/потери веры в Деда Мороза как структурирующего фактора детского периода. 5. Установление социальных факторов, влияющих на утрату детьми веры в Деда Мороза.

Наш анализ построен на контаминации актуальных междисциплинарных исследований (социологии, политологии, культурологи, экономики, маркетинга, педагогики и др.). Для выполнения задач, связанных со спецификой детского периода, нами был использован банк данных социологического исследования событийности детства, проведенного инициативным коллективом Исследовательского комитета Российского общества социологов «Социология детства». Онлайн-опрос, проведенный в мае-ноябре 2023 года среди молодежной аудитории, охватил тех, кто «находился на границе» между детством и законодательной взрослостью и предполагал сбор биографических воспоминаний о возрасте прохождения 100 знаковых событий. Одним из таких событий являлась, по мнению исследователей, ситуация осознания нереальности Деда Мороза. Применение неслучайной потоковой выборки потребовало двухступенчатого ремонта собранного массива, в результате соблюдены требования представленности по типу места проживания в детстве и возрасту. Всего было опрошено 1210 респондентов из 8 федеральных округов, возраст – 17–23 года.

Основные результаты и обсуждение

Мы предполагаем, что Дед Мороз в современном обществе может быть рассмотрен как социальный конструкт, и предлагаем следующее его определение – совокупность представлений, практик и событий, материальных, вещественных объектов и ценностей веры в Деда Мороза как реального волшебника, которая воссоздается из поколения в поколение благодаря деятельности социальных институтов и организации детской повседневности. Этот конструкт обладает стабильностью, так как служит определенным социальным функциям и помогает детям приобретать социальные характеристики.

Исходя из задач нашего исследования рассмотрим основные функции данного конструкта в современном российском обществе.

Образ Деда Мороза символизирует общенациональную ценность для россиян: принято подчеркивать его особенности, отличия во внешнем виде и поведении от новогодних персонажей других стран, например, Санта Клауса. Наряду с традиционными формами деятельности новогоднего персонажа, российский Дед Мороз проявляет свойства и черты характера: он обстоятелен, нетороплив, добродушен, строг и серьезен. Он дружелюбен и не воинственен, объединяет, кооперирует других новогодних героев России, не конкурируя с ними (например, приглашает их на ежегодные фестивали). Этот образ передает специфические особенности географического и климатического проживания на большей части нашей страны: одежда, головной убор, обувь для холодов. Дед Мороз имеет семью, демонстрирует образец близких межпоколенных отношений между прауродителями и внуками, приверженность своему месту рождения, вотчине.

Некоторые ученые полагают, что Дед Мороз и Санта Клаус становятся символами идеологического противостояния, акцент на различиях активно используется в государственной политике. На примере использования того или иного образа исследователями был сделан, например, вывод о степени согласия и примыкания к русскому миру тех или иных стран СНГ (Янглева 2022).

Как экономический бренд «Дед Мороз» вносит свою лепту в развитие многих территорий России, на сегодня существует целый кластер его «угодий» – усадьба, резиденции, Великий Устюг как вотчина, также территории имеют его родные (родина Снегурочки – Кострома) и приближенные (многочисленные Почты Деда Мороза во многих населенных пунктах). Например, конкурентное преимущество Вологодской области определяется именно наличием резиденции Деда Мороза в Великом Устюге, которая создает не только межрегиональный кластер в сфере туризма, но и развивает транспортную инфраструктуру и придорожный сервис (Кудревич 2023).

Также может быть зафиксирована специфическая профессиональная специализация в группе актеров и организаторов досуга. Эта профессия предполагает временную, сезонную занятость (подобно сборщикам фруктов, например), но подразумевает особые навыки и умения взаимодействия, прежде всего, с малышами.

Именно для детей образ Деда Мороза и сопутствующие ему практики имеют значение в социальном развитии, обучении и воспитании. Дед Мороз является значимой единицей в образе мира современного ребенка раннего дошкольного детства, соседствуя в этом образе с основными единицами родства («сестра», «бабушка», «дедушка», «тётя», «дядя», «крёстный/крёстная»), возраста («школьник», «малыш»), профессий («воспитатель», «за-

ведующая», «повар», «врач», «медсестра»), игрушек, основных понятий мироустройства («город», «страна», «столица», «новости», «суд», «милиция/полиция», «церковь») (Федулова 2008).

Веру в Деда Мороза ряд исследователей рассматривают как один из этапов формирования религиозного сознания, выделяя именно этот персонаж в качестве критерия разграничения первых двух ступеней его (сознания) становления (Сергеев и др. 2024). Первоначально для детей и Бог, и Дед Мороз, и другие знаковые сказочные персонажи находятся на одном уровне веры, их любят и боятся одновременно. Однако есть эмпирические свидетельства и о более высоком уровне принятия детьми этого новогоднего персонажа по сравнению с иными волшебниками (Kapitány et al. 2020).

Затем ребенок сам или под влиянием внешних ситуаций начинает сомневаться в их характеристиках и узнает, что сказочных героев не существует, и это в некоторых случаях сопряжено с переживаниями, эмоциями, становлением критического взгляда и скептицизма, но в определенной степени укрепляет веру в существование Бога. Этот этап предлагают обозначить как реалистичный, за которым уже следует индивидуалистский этап религиозной социализации (где нет места волшебству).

Еще одна важная функция – атрибут обучающих технологий. Сам образ сказочного персонажа присутствует во всех учебниках для начальной школы как в иллюстративном, как и в вербальном варианте. Причем используется он не только в материалах, обучающих языку и чтению, но и в задачниках, пособиях по математике. Так, например, как типичные и методически правильно выверенные описываются в литературе задачи на сравнение: «1. В подарке от Деда Мороза 8 конфет и 4 шоколадки. Во сколько раз конфет больше, чем шоколадок? Задача 2. В подарке от Деда Мороза 8 конфет и 4 шоколадки. На сколько конфет больше, чем шоколадок?» (Землянская 2024, с. 190–192). Учебная литература имеет большое значение в презентации детям образцов и правил жизни, влияет на формирование их ценностей, а образ сказочного героя создает дополнительно окрашенные положительные эмоциональные реакции и так способствует усвоению учебного материала (Майорова-Щеглова 2022).

Один из видов письменной речи – «письмо» осваивается в современном образовании с помощью предновогодних посланий Деду Морозу. Педагоги подробно объясняют, что такое письменное послание, обращение, пожелание адресату, информирование о своей жизни и успехах, просьбы о чем-либо (Сухотерина, Евсеева 2016).

Особая деятельность в преддверии праздника организует детскую повседневность. Дед Мороз может рассматриваться и как средство дисципли-

нирования: приход сказочного персонажа и получение от него подарка сопряжены с категориями заслуг, хорошего поведения, успехов ребенка. Дед Мороз входит как неотъемлемая часть в традиции празднования Нового Года, и еще одна его важная функция состоит в поддержании межпоколенных отношений. Помимо семейных устоев, такая деятельность может специально стимулироваться образовательными и общественными организациями (Соболева 2014).

Предварительное написание письма, продумывание просьб о подарке, передача письма, подготовка специального места для получения подарка, посещение мест, связанных с Дедом Морозом – некоторые элементы важной деятельности в детский период. Участие в подготовке Нового Года и встрече с Дедом Морозом расширяет культурное пространство ребенка, укрепляя общую российскую идентичность.

Кроме этого, мы утверждаем, что этот конструкт используется как социализирующая технология, которая в определенной степени служит для структурирования детского периода жизни: возраст веры/утраты этой веры и осознания его отсутствия выявляют иные грани в периодизации детства.

По данным нашего исследования, средний возраст потери веры в Деда Мороза – 9,1 года. Уже четверть опрошенных успела разувериться в этом к 7 годам, половина – к 10-летнему возрасту, а для $\frac{3}{4}$ граница доверия прошла в 11 лет.

Данные нашего исследования не вполне согласуются с немногочисленными проектами по аналогичной проблеме. Так, Ж. Броннер в 2004 году отметил возраст 6,99 года, что соотносится с мнением психологов о 7 годах как водоразделе четкого разграничения воображаемого и реальности (Bronner 2004). Американские исследователи в 2024 году также назвали возраст около 8 лет (Mills et al. 2024). Мы полагаем, что объяснение данному рассогласованию следует искать в различиях методики. Указанные выше работы аккумулировали воспоминания взрослых людей, в то время как мы обратились к молодежи и их воспоминания ближе к детскому периоду и актуальнее. Также напомним, что в нашем исследовании данный эпизод был одним из 100 и мы не ставили акцент при опросе именно на нем. Еще одно из объяснений может быть сопряжено с описанными выше особенностями использования образа Деда Мороза в российском обществе, а именно технологиями в патриотическом воспитании, образовании, в рекламе, поддержания Деда Мороза как элемента культурного наследия.

Разоблачение волшебника, по данным французского исследователя, происходит в результате многих случаев (Bronner 2004), мы уточним, что все ситуации связаны с социальными условиями

взросления: например, идентификация родителей или актеров как истинных дарителей подарков, взаимодействие с несколькими Дедами Морозами в разных институциях (в школе, ТЦ, на концерте и пр.).

Мы зафиксировали зависимость возраста потери веры в зимнего волшебника от некоторых демографических, территориальных, экономических и иных социальных факторов.

Мальчики раньше чем девочки начинают сомневаться в существовании Деда Мороза, медианное значение ниже и средний возраст меньше приблизительно на 2 месяца.

Как мы выяснили, на сохранение доверия к новогоднему персонажу влияют родители, а именно, мамы продолжают поддерживать эту традицию. Например, при сравнении групп детей, воспитывающихся отдельно мамами и папами, выяснилось: средний возраст осознания того, что Деда Мороза не существует, в первом случае – 9,1, а во втором – 8,3 года. В этом факте нам видится дополнительное доказательство включения феномена в социализационные процессы: ведь именно женщины-матери в российских семьях выполняют основные функции ухода, воспитания и помощи в образовании детей.

Имело значение и наличие сиблингов в семье. Если респондент был единственным ребенком, то его освобождение от волшебства прошло в 9,1 года, а если имел братьев, сестер, то в иной период – средний возраст 9,4 года, с младшими сиблингами – в 9,6. То есть родители, поддерживая сказку, ориентируются в семье не на отдельного ребенка, а на более младшего. Наличие старших детей провоцирует более раннее осознание отсутствия Деда Мороза – средний возраст 8,6 года.

Проживание в сельской местности влияет на повседневность детей, здесь потеря веры происходит раньше (8,9 года), одно из пояснений, вероятно, может быть связано и с тем, что в селе проживает большая доля семей с 2 и более детьми.

Мы обнаружили различия между исследуемым событием и социально-экономическим положением семьи, однако оно не линейно и требует дополнительного изучения. Одно из направлений – в чем состоит причина более раннего, чем во всем другом массиве, наступления реалистичного осознания в семьях с высокими доходами (8,8 года)? Наше предварительное предположение состояло как раз в обратном – мы полагали, что они имеют больше возможностей для поддержания веры в сказку у детей. Сегодня как гипотезу-следствие возможно выделить трек на ускоренное, по сравнению с другими семьями по экономическому положению, взросление, что проявилось в некоторых иных событиях: мобильности, проявления автономности, некоторых видов девиации и пр.

13,8 % заявили, что, уже перешагнув рубеж во взрослость, сохранили веру в волшебство Деда Мороза. И именно в этой группе больше тех, кто считает свое детство счастливым (почти 90 %), а среди тех, кто в том или ином возрасте потерял веру в Деда Мороза, меньше тех, кто обозначил свое детство как счастливое (около 54 %). Серьезно, почти на 1 год, отличаются и средние возраста из групп благополучия/неблагополучия: 9,25 у констатировавших счастливое детство и 8,33 у тех, кто таковым этот период в жизни не считает.

Предварительная гипотеза, также требующая более глубокого изучения в будущих эмпирических исследованиях, возникла у нас и в связи с рассмотрением коэффициентов корреляции между данным событием и другими. Так, верящих в героя больше в выделяемой нами группе с запаздывающей социализацией, и наоборот, есть зависимость у рано взрослеющих детей (тех, у кого, по их собственному ощущению, окончание детства прошло до возраста 14 лет).

Рассмотрение социального конструкта неполно без включения еще одной грани – использования письма-обращения к Деду Морозу как исследовательской методики изучения детства. Детские письма могут выступать как документы жизни и подвергаться качественному и контент-анализу, а также как один из видов проективной методики, когда с помощью непрямого вопроса ученые могут выяснить ценности и интересы детей, их потребности в сфере досуга, образования, спорта и др., социальное самочувствие, выявление проблемных сфер. Некоторые аспекты, остающиеся неизменными, могут свидетельствовать о константах детского пространства (например, желание иметь домашнего питомца), однако культурно-историческая ситуация помогает выявить динамику благополучия/неблагополучия детства, степень влияния внешних стимулов и происшествий (Липовка 2014). Таким образом, Дед Мороз выступает в качестве эффективного стимульного материала.

Интересен один из зарубежных проектов, когда проводилось сравнительное исследование писем детей в 2001–2002 гг., после известного террористического акта во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке, и имеющихся у ученых архивов аналогичных писем до 2000 года. Тогда было обнаружено увеличение запросов на подарки другим людям – проявление эмпатии, сострадания к жертвам, а также рост доли нематериальных просьб в русле антитеррористических и патриотических настроений (Slotterback 2006).

Выводы и перспективы дальнейших исследований

В результате проведенного анализа нам удалось доказать, что в случае с исследуемым феноменом Деда Мороза мы имеем дело с социальным

конструктом, который, с одной стороны, воссоздается из поколения в поколение взрослыми членами общества с целью передачи социально важной информации и паттернов поведения, а с другой стороны, входит в семиотику детской жизни как система знаков, образов, практик, наполняющих повседневность детей и участвующих в коммуникации взрослых и детей, а также детей между собой.

Выявлены несколько социальных функций Деда Мороза как социального конструкта: формирование национальной идентичности, традиций, политического различия, стимул экономики, образовательная, воспитательная, социализирующая, научно-исследовательская и др. В качестве основных его элементов выступают визуальный и литературно-художественный образ, субъекты (дети, родители, педагоги, маркетологи, политики и др.), практики (организации пространства, подготовки писем и подарков, механизмы включения субъектов (образование, воспитание, реклама и др.), уровни, подразумевающие использование конструкта (макро – даже на межстрановом уровне; мезо – при функционировании отдельных институтов: политики, СМИ, школы и пр.; микро – семейные традиции, коммуникация в детской среде).

В результате освоения этого конструкта и прохождения выделенного события современные дети приобретают социальные знания и навыки: информирование о российских традициях, истории и краеведении, о родительских ролях в отношении маленьких детей, пробы организации праздничного пространства семьи, регуляции собственного поведения при ожидании вознаграждения и многое другое. Специфика конструирования данного феномена видится нам в его устойчивости, постоянной воспроизводимости и широкой распространенности во всех слоях российского общества. С другой стороны, этот конструкт подвержен изменению как целенаправленного характера (например, через политико-управленческие решения о его включении в технологии воспитания), так и хаотичным процессам информатизации и виртуализации. Дед Мороз в современном российском обществе соединяет инновационные цифровые пространства и новые формы общественной солидарности. Сегодня он выступает как организующий символ, образец добрых дел, социальной помощи, материальной поддержки группам детей в трудной жизненной ситуации (например, проект Дедморозим <https://dedmorozim.ru/projects/> или поздравления детей, находящихся на длительном лечении в больницах, волонтерами-спасателями и альпинистами).

Но основными субъектами конструирования выступают родители и близкие родственники, зачастую выполняющие роли Деда Мороза. Имен-

но их социально-демографические и иные характеристики (пол, состав семьи, место проживания, материальный достаток) могут влиять на возраст утраты веры в Деда Мороза.

Мы зафиксировали особенность в принятии идеи о Дед Морозе у российской молодежи, а именно связь веры с запаздывающим взрослением и с эмоциональной оценкой своего детства как счастливого. Одна из идей, требующая в дальнейшем эмпирической перепроверки: действительно ли у современных детей период веры в Деда Мороза пролонгирован или же мы имеем дело с новым прагматичным подходом юных потребителей, когда дети сознательно готовы продлить веру в сказку ради получения подарков?

Мы склонны согласиться с позицией, что современные геополитические вызовы могут трансформировать детские биографии как поколенческие, произвести переконструирование событийности (последовательности событий, времени их наступления, откладывания на более поздний срок или ускорения прохождения) (Вандышева и др. 2023). Проведенное нами исследование о возрасте потери веры в Деда Мороза имеет некоторые ограничения, и главное видится нами в том, что оно сосредоточено на событиях детства определенного «пограничного поколения» (Чернова 2023), характеризующегося смешением инноваций и традиций в семейной, информационной сферах, в образовании и воспитании. Именно поэтому необходим социологический мониторинг повседневности детства, включая и социальный конструкт «Дед Мороз».

Библиографический список

Alanen, L. (2015), Are we all constructionists now?, *Childhood*, no. 22, pp. 149–153.

Bronner, G. (2004), Contribution à une théorie de l'abandon des croyances: La fin du père Noël, *Cahiers intern. de sociologie*, vol. 66, pp. 117–140.

Kapitány, R., Nelson, N., Burdett, E.R.R., Goldstein, T.R., & Jong, J. (2020), The child's pantheon: Children's hierarchical belief structure in real and non-real figures, *PLoS ONE*, no. 15(6), DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234142>.

Mills, C.M., Goldstein, T.R., Kanumuru, P., Monroe, A.J., & Quintero, N.B. (2024), Debunking the Santa myth: The process and aftermath of becoming skeptical about Santa, *Developmental Psychology*, no. 60(1), pp. 1–16, DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0001662>.

Slotterback Carole, S. (2006), Terrorism, altruism, and patriotism: An examination of children's letters to Santa Claus, *Current Psychology*, no. 25(2), pp. 144–153.

Вандышева Л.В., Васкина Ю.В., Малаканова О.А., Митрофанова С.Ю., Пустарнакова А.А.

Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи // *Семиотические исследования*. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 81–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89>.

ВЦИОМ: Дед Мороз, ты подарки нам принес? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 28.12.2018. URL: <https://wciom.ru/infografika-statja/ded-moroz-ty-podarki-nam-prinyos> (дата обращения: 1.08.2024).

ВЦИОМ: Новогодние мероприятия на фоне СВО. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 18.11.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novogodnie-meroprijati-na-fone-svo> (дата обращения: 1.08.2024).

ВЦИОМ: Талисман Олимпиады: все больше россиян голосуют за «Деда Мороза» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 20.02.2011 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/talisman-olimpiady-vse-bolshe-rossiyan-golosuyut-za-deda-moroza> (дата обращения: 1.08.2024).

Землянская Е.Н. Учебное действие сравнения как результат обучения в начальной школе // *Наука и школа*. 2024. № 1. С. 183–194. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X2024-1-183-194>.

Кудревич А.Ю. Стратегические аспекты развития автомобильного туризма в регионе // *Стратегирование: теория и практика*. 2023. Т. 4. № 3. С. 389–405. DOI: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-3-389-405>.

Липовка В.О. Анализ писем учащихся как способ выявления ценностных ориентаций подростков (на примере писем Деду Морозу) // *Научно-педагогическое обозрение*. 2014. № 3(5). С. 70–75.

Майорова-Щеглова С.Н. Концепция социального конструирования детства. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник. Москва: РОС, 2018. 638 с. С. 31–35. URL: https://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Mayorova-Scheglova.%20Detstvo%20XXI%20veka_Sociogumanitarniy%20tezaurus.pdf (дата обращения: 1.08.2024).

Майорова-Щеглова С.Н. Школьные учебники как отражение повседневности детства и как ее конструкторы // *Комплексные исследования детства*. 2022. Т. 4, № 3. С. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-3-147-162>.

Плетнев А.В., Конанчук С.В. Влияние развития процессов виртуализации на распространение феномена «аномической депрессии» в системе социальных отношений // *Социология*. 2024. № 6. С. 12–15.

Сергеев А.А., Медведев М.М., Дудникова Е.Н. Необходимость психологического проектирования в рамках реализации успешной религиозной социализации в казачьих образовательных учреждениях // *Телескоп: журнал социологических*

и маркетинговых исследований. 2024. № 1(13). С. 121–126.

Соболева Н.Л. Совместный детско-родительский проект «Ждем новый год» в начальной школе. Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 44. С. 95–99.

Сухотерина Т.П., Евсеева К.Р. Жанр праздничной коммуникации «новогоднее письмо» в пространстве естественной письменной речи // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6. (61). С. 438–441.

Ушкова Е.Л. 2005.03.019. Броннер Ж. Об утрате верований в существование Деда Мороза (Bronner, G. (2004), Contribution à une théorie de l'abandon des croyances: La fin du père Noël, *Cahiers intern. de sociologie*, vol. 66, pp. 117–140) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2005. № 4. С. 100–105.

Федулова Е.В. Основные концепты «Образа мира» современного дошкольника // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 187–194.

Чернова Н.Ю. Поколение хоумлэндеров: репрезентации формативного контекста // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 2. С. 83–91. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-83-91>.

Шевченко И.О. Социальное конструирование отцовства: трансформация социальных практик в современной России: диссертация на соиск. степени доктора социол. наук. Москва: РГГУ, 2021. 443 с.

Шпаковский Ю.Г. Главный праздник года. Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12 (100). С. 247–252.

Янглева М.М. К изучению информационной обстановки: тропосы в ментальном пространстве (на примере праздничной ритуальности) // Вестник Волжского университета им. В.И. Татищева. 2022. Т. 1, № 1. С. 145–152.

References

Alanen, L. (2015), Are we all constructionists now? *Childhood*, no. 22, pp. 149–153.

Bronner, G. (2004), Contribution à une théorie de l'abandon des croyances: La fin du père Noël, *Cahiers intern. de sociologie*, vol. 66, pp. 117–140.

Kapitány, R., Nelson, N., Burdett, E.R.R., Goldstein, T.R., & Jong, J. (2020), The child's pantheon: Children's hierarchical belief structure in real and non-real figures, *PLoS ONE*, no. 15(6), DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234142>.

Mills, C.M., Goldstein, T.R., Kanumuru, P., Monroe, A.J., & Quintero, N.B. (2024), Debunking the Santa myth: The process and aftermath of becoming skeptical about Santa, *Developmental Psychology*,

no. 60(1), pp. 1–16, DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0001662>.

Slotterback Carole, S. (2006), Terrorism, altruism, and patriotism: An examination of children's letters to Santa Claus, *Current Psychology*, no. 25(2), pp. 144–153.

Vandysheva, L.V., Vas'kina, Yu.V., Malakanova, O.A., Mitrofanova, S.Yu., Pustarnakova, A.A. (2023), Strategiya smeshivaniya metodov v issledovanii identichnosti i praktik konsolidatsii sovremennoi molodezhi, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 81–89, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89>.

VTsIOM: Ded Moroz, ty podarki nam prines? (2018), [Online], available at: <https://wciom.ru/infografika-statja/ded-moroz-ty-podarki-nam-prinyos> (Accessed 1 August 2024).

VTsIOM: Novogodnie meropriyatiya na fone SVO (2022), [Online], available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novogodnie-meropriyatija-na-fone-svo> (Accessed 1 August 2024).

VTsIOM: Talisman Olimpiady: vse bol'she rossiyan golosuyut za «Deda Moroza» (2011), [Online], available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/talisman-olimpiady-vse-bol-she-rossiyan-golosuyut-za-deda-moroza> (Accessed 1 August 2024).

Zemlyanskaya, E.N. (2024), Uchebnoe deistvie sravneniya kak rezul'tat obucheniya v nachal'noi shkole, *Nauka i shkola*, no. 1, pp. 183–194, DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463X2024-1-183-194>.

Kudrevich, A.Yu. (2023), Strategicheskie aspekty razvitiya avtomobil'nogo turizma v regione, *Strategirovanie: teoriya i praktika*, vol. 4, no. 3, pp. 389–405, DOI: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-3-389-405>.

Lipovka, V.O. (2014), Analiz pisem uchashchikhsya kak sposob vyyavleniya tsennostnykh orientatsii podrostkov (na primere pisem Dedu Morozu), *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, no. 3(5), pp. 70–75.

Maiorova-Shcheglova, S.N. (2018), *Kontseptsiya sotsial'nogo konstruirovaniya detstva. Detstvo XXI veka: sotsiogumanitarnyi tezaurus: tematicheskii slovar'-spravochni*, ROS, Moscow, Russia, pp. 31–35, [Online], available at: https://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Maiorova-Scheglova.%20Detstvo%20XXI%20veka_Sociogumanitarniy%20tezaurus.pdf (Accessed 1 August 2024).

Maiorova-Shcheglova, S.N. (2022), Shkol'nye uchebniki kak otrazhenie povsednevnosti detstva i kak ee konstruktory, *Kompleksnye issledovaniya detstva*, vol. 4, no. 3, pp. 147–16, DOI: <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-3-147-162>.

Pletnev, A.V., Konanchuk, S.V. (2024), Vliyaniye razvitiya protsessov virtualizatsii na rasprostraneniye fenomena «anomicheskoi depressii» v sisteme sotsial'nykh otnoshenii, *Sotsiologiya*, no. 6, pp. 12–15.

- Sergeev, A.A., Medvedev, M.M., Dudnikova, E.N. (2024), Neobkhodimost' psikhologicheskogo proektirovaniya v ramkakh realizatsii uspezhnoi religioznoi sotsializatsii v kazach'ikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh, *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovani*, no. 1(13), pp. 121–126.
- Soboleva, N.L. (2014), Sovmestnyi detsko-roditel'skii proekt «Zhdem novyi god» v nachal'noi shkole, *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*, no. 44, pp. 95–99.
- Sukhoterina, T.P., Evseeva, K.R. (2016), Zhanr prazdnichnoi kommunikatsii «novogodnee pis'mo» v prostranstve estestvennoi pis'mennoi rechi, *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6 (61), pp. 438–441.
- Ushkova, E.L. (2005), Bronner Zh. Ob utrate verovanii v sushchestvovanie Deda Moroza (Bronner, G. (2004), Contribution à une théorie de l'abandon des croyances: La fin du père Noël, *Cahiers intern. de sociologie*, vol. 66, pp. 117–140), *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. II: Sotsiologiya*, no. 4, pp. 100–105.
- Fedulova, E.V. (2008), Osnovnye kontsepty «Obraza mira» sovremennogo doshkol'nika, *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 187–194.
- Chernova, N.Yu. (2023), Pokolenie khoumlenderov: reprezentatsii formativnogo konteksta, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 2, pp. 83–91, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-83-91>.
- Shevchenko, I.O. (2021), *Sotsial'noe konstruirovaniye ottsovstva: transformatsiya sotsial'nykh praktik v sovremennoi Rossii: dissertatsiya na soisk. stepeni doktora sotsiol. Nauk*, RGGU, Moscow, Russia.
- Shpakovskii, Yu.G. (2022), Glavnyi prazdnik goda, *Vestnik Universiteta im. O.E.Kutafina (MGYuA)*, no. 12 (100), pp. 247–252.
- Yanglyaeva, M.M. (2022), K izucheniyu informatsionnoi obstanovki: tropozy v mental'nom prostranstve (na primere prazdnichnoi ritualistiki), *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.I.Tatishcheva*, vol. 1, no. 1, pp. 145–152.

Submitted: 03.06.2024

Revised: 14.08.2024

Accepted: 02.10.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2+316.347

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-104-111

Дата поступления: 15.06.2024
рецензирования: 24.08.2024
принятия: 01.10.2024

А.И. Иваненко

Высшая школа технологии и энергетики
Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных технологий
и дизайна,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: iwanenkoalexu@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6330-7179>

Степень лояльности виртуальных репрезентаций народов Северного Кавказа к России

Аннотация: статья посвящена исследованию того, как этнические сообщества Северного Кавказа осуществляют свою репрезентацию в социальной сети «ВКонтакте» по отношению к России. Этот аспект межкультурной коммуникации раскрывает термин «степень лояльности», который выражает уровень интеграции того или иного народа в Российское государство. В основу степени лояльности были положены два фактора: герои (антироссийской или пророссийской направленности) и памятные даты, фиксирующие отношение к России – от празднования дня вхождения до траура по случаю победы России в Кавказской войне. Всего были проанализированы виртуальные репрезентации 15 народов Северного Кавказа в 30 сообществах. Ряд зафиксированных в переписях населения народов в виртуальных сообществах оказались объединены общим самосознанием: адыгами считали себя адыгейцы, черкесы и кабардинцы, а народом аланла – карачаевцы и балкарцы. Из народов Северного Кавказа высокую степень лояльности продемонстрировали виртуальные репрезентации аланла, ингушей, лакцев и осетин. Низкая степень лояльности связана, как правило, с героизацией лидеров антироссийского сопротивления времен Кавказской войны, наибольшим авторитетом из которых пользуется аварский Имам Шамиль. Фактором, повышающим лояльность виртуальных репрезентаций, является память об офицерах императорской российской армии северо-кавказского происхождения, героях Великой Отечественной войны, а также государственных деятелях национальных республик советского периода. Таковы ингушский генерал и георгиевский кавалер Тонт Укуров, табасаранский снайпер Абдулла Сефербеков, кумыкский летчик Юсуп Акаев и советский космонавт лакского происхождения Муса Манаров.

Ключевые слова: Северный Кавказ; памятные даты; герои; виртуальные репрезентации; лояльность; коммеморация; межкультурные коммуникации.

Цитирование: Иваненко А.И. Степень лояльности виртуальных репрезентаций народов Северного Кавказа к России // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 104–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-104-111>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иваненко А.И., 2024** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 198095, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 4.

SCIENTIFIC REVIEW

A.I. Ivanenko

High School of Technology and Energetics
Saint-Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: iwanenkoalexu@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6330-7179>

Virtual representations of the Northern Caucasus peoples in terms of degree of their loyalty to Russia

Abstract: the article is devoted to the representations of Northern Caucasus ethnical communities in social network "VKontakte" in terms of their connection with Russia. This aspect of cross-cultural communications

is expressed in a loyalty index, which represents degree of ethnical integration into Russian state. The base of this index consist of two factors: heroes and memorial dates stipulating relationship with Russia – from celebration of integration to sorrow about Russian victory in the Russo-Caucasian War. 15 Northern Caucasus peoples are investigated altogether through their virtual representations in 30 Internet-communities. Some peoples in virtual representations turn out to have a more general ethnonym and general self-consciousness: Circassians and Kabardians represent themselves as Adyghe; Karachays and Balkars represent themselves as the Alanla. In Northern Caucasus, higher degrees of loyalty are demonstrated by the virtual representations of the Alanla, the Ingush people, the Ossetians and the Lak people. Lower degrees of loyalty are expressed in conjunction with the commemoration of anti-Russian resistance leaders during Russo-Caucasians War, the most important of which is Imam Shamil. The factors which make loyalty higher are commemorations of the Russian Imperial Army officers of local ethnic descent, heroes of the Great Patriotic War and prominent Soviet activists. Examples of them are general Tonta Ukurov, sniper Abdulla Seferberov, pilot Yusup Akaev and astronaut Musa Manarov.

Key words: Northern Caucasus; memorial dates; heroes; virtual representations; loyalty degree; commemoration; cross-cultural communications.

Citation: Ivanenko, A.I. (2024), Virtual representations of the Northern Caucasus peoples in terms of degree of their loyalty to Russia, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 104–111, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-104-111>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Ivanenko A.I., 2024** – doctor of philosophy, assistant professor of the Department of History and Philosophy, High School of Technology and Energetics Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 4, Ivana Chernykh st., St. Petersburg, 198095, Russian Federation.

Интернет представляет собой не только пространство межличностной коммуникации, но и пространство виртуальных репрезентаций. Пользователи этой телекоммуникационной сети публикуют свои данные на веб-страницах и осуществляют саморепрезентацию посредством изображений и текстовой информации. Сам термин «репрезентация» восходит к феноменологии Эдмунда Гуссерля и означает «образное воспроизведение объекта» (Клюсова 2020, с. 7). В культурологических исследованиях он связан не столько с объектами, сколько с субъектами и подразумевает понятия идентичности и конструирования (Клюсова 2020, с. 8). Внутри интернета коммуникация и репрезентация осуществляется в рамках социальных сетей, мессенджеров и telegram-каналов.

Среди виртуальных репрезентаций есть место и этническим. Согласно современным представлениям этничность основывается преимущественно на идентичности, тогда как происхождение или язык играют второстепенную роль (Клюсова 2020, с. 34). Свою идентичность пользователи интернета выражают преимущественно в образно-символической форме. Помимо ведения персональных страниц (аккаунтов), они также создают интернет-сообщества или присоединяются к уже имеющимся, где осуществляется виртуальная репрезентация по этническому принципу. Чем больше число участников (подписчиков) в подобных сообществах, тем более они представительны. В определенной степени их пользователи оказываются в роли тех информаторов, которые могли бы быть выявлены в ходе специальных этнографических экспедиций.

В российском сегменте интернета особо следует выделить социальную сеть «ВКонтакте», которая была создана Павлом Дуровым в 2006 году по образцу существовавшей в США с 2004 года сети *Facebook* (с 2022 признана экстремистской организацией в РФ). Уже к 1 февраля 2007 года сайт «ВКонтакте.ру» стал «одним из самых посещаемых сайтов Рунета» (Морозова 2019, с. 201). К 2018 году в России 67 миллионов граждан имели свои аккаунты в сети «ВКонтакте», а 97 миллионов пользователей интернета посещали эту сеть ежемесячно. Исследователи на 2017 год отмечали, что интернет-пользователи сети «ВКонтакте» являются особым срезом общества – это преимущественно активные молодые обеспеченные образованные мужчины, возраст которых 18–35 лет (Ермолаев 2017, с. 66), что соответствует поколению 1982–1999 г.р. Эта тенденция сохраняется и в наши дни.

Следует отметить, что социальные сети – это не только сфера досуга или непринужденного дистанционного общения, но и существенный мобилизационный и координационный ресурс. Так, в 2011 году социальные сети, сыграли заметную роль в произошедших событиях «Арабской весны», которая привела к массовым беспорядкам в Египте и свержению власти в стране (Ба Алави 2014). Среди факторов значимости указывалась целевая аудитория (активная столичная молодежь) и низкие возможности цензуры, поскольку в социальных сетях происходит мгновенный обмен информацией среди большой массы пользователей. Аналогичная ситуация, хотя и значительно меньшего масштаба, произошла на Северном Кавказе

29 октября 2023 года. Тогда в аэропорту Махачкалы вспыхнули беспорядки. Первые лица региона возложили ответственность за произошедшее на telegram-канал «Утро Дагестана».

Этнические сообщества в социальных сетях представляют собой виртуальные проекции соответствующих народов, которые содержат информацию о национальной кухне, национальной одежде, национальных праздниках и иных аспектах национальной культуры. Оценка этих проекций может быть критической, поскольку виртуальное нередко отождествляется с иллюзорным, ирреальным и искусственным (Немыкина 2011, с. 54). Репрезентации могут вызывать сомнения, поскольку они неизбежно содержат субъективный взгляд или личные предпочтения организаторов. Однако в наши дни научная объективность базируется на интересубъективном фундаменте, а отдельные случаи в массе выявляют общие закономерности. Кроме того, виртуальные репрезентации могут демонстрировать новейшие тенденции этнической динамики.

Практический интерес к этнической тематике в России связан с профилактикой экстремизма и разрядкой межнациональной напряженности. Поэтому при анализе виртуальных репрезентаций народов важно выявить своеобразную *степень лояльности к России*, а именно меру интеграции регионального этнического самосознания в российское общегражданское. Выражением этого может быть поддержка или её отсутствие в отношении протестных настроений со стороны администраторов и/или активных участников этнических интернет-сообществ («инфлюенсеры»). Эти протестные настроения могут иметь конкретный характер и затрагивать определенных исторических личностей или события, а могут приводить к эксплуатации этнических стереотипов о «настоящем» (типичном) представителе того или иного народа и формировать поляризацию этнического поля через противопоставление с типичным представителем другого (нередко соперничающего) этноса.

В рамках данного исследования рассмотрим отношение виртуальных репрезентаций народов Северного Кавказа к России, поскольку в целом Кавказ был одной из болевых точек нашей страны, где часто вспыхивали межэтнические конфликты: абхазо-грузинский, грузино-осетинский, осетино-ингушский, армяно-азербайджанский. В современных реалиях сузим предмет нашего исследования до российского (северного) Кавказа, исключив из рассмотрения народы Южного Кавказа (Закавказья).

Практический интерес к виртуальным репрезентациям народов Северного Кавказа связан прежде всего с тем, что, помимо профилактики экстремизма и межнациональной напряженности, данный регион представляет собой место, где эт-

нические процессы имеют высокую динамику и весьма важно осуществлять мониторинг данных процессов, чтобы они не перешли в деструктивное русло.

Первым методологически вопросом является уже само количество народов Северного Кавказа. Это связано не столько с недостатком информации, сколько с вариативностью её интерпретаций. В научной литературе можно встретить утверждение, что на Кавказе обитает «более (! – прим. мое А.И.) 44 аборигенных народов, говорящих на кавказских языках» (Бугаев 2016, с. 18). Иногда фактор «аборигенности» не учитывается и в список включаются все народы, представители которых живут в данном регионе, включая даже латышей, немцев или цыган, чьи культуры слабо ассоциируются с Северным Кавказом (Туаева 2009, с. 154). Официальный портал северокавказской Республики Дагестан утверждает, что на территории только этого субъекта федерации в 2010 году насчитывалось «более (! – прим. мое А.И.) 110 наций и народностей».

В результате мониторинга сети «ВКонтакте» удалось обнаружить и выделить 22 северокавказских народа, представленных в 38 этнических сообществах. Из них виртуальные репрезентации 5 малых народов Дагестана демонстрировали бедность визуального контента и малое количество участников: «Дидойцы (цезы)» (529 подписчиков), «Андийцы» (182 подписчика), «Ахвахцы» (66 подписчиков), «Каратинцы» (48 подписчиков) и «Годоберинцы» (20 подписчиков). В прежних переписях населения эти малые народы включались в состав аварского этноса.

Также из рассмотрения пришлось исключить 2 народа Северного Кавказа – ногайцев и татов, поскольку их прародина находилась вне указанного региона: сообщество «Ногайлар» (15371 подписчик) утверждает связь ногайцев с Ногайской Ордой, чьи кочевья располагались в нижнем Поволжье, а сообщество «Таты_online» (8535 подписчиков) идентифицирует татов как «закавказских персов», относя их к азербайджанской общности. Иногда татами называют горских евреев, говорящих на татском языке, что создает дополнительную таксономическую путаницу. При этом сообщество «Горские евреи» (3578 подписчиков) демонстрирует не азербайджанскую, а израильскую идентичность.

Таким образом, на основании контент-анализа виртуальных репрезентаций удалось выделить 15 народов Северного Кавказа. Если расположить их в порядке убывания подписчиков их крупнейших сообществ, то это будут чеченцы, осетины, адыги (адыгейцы, черкесы и кабардинцы), лезгины, ингуши, аланла (самоназвание карачаево-балкарцев), аварцы, даргинцы, табасаранцы, кумыки, абазинцы, агулы, лакцы, рутульцы, цахуры.

Интерпретируя информацию интернет-сообществ, удалось выявить следующие критерии для распределения виртуальных репрезентаций по степени лояльности к России:

1. Акцент на исторических деятелях, которые занимали либо пророссийскую, либо антироссийскую позицию.

2. Акцент на фактах исторического взаимодействия отдельных народов Северного Кавказа с российским государством, которое трактовалось либо в позитивном («добровольное вхождение»), либо в негативном ключе («геноцид», «депортация»).

Степень лояльности виртуальных репрезентаций народов Северного Кавказа можно оценить по пятибалльной шкале. Отдельным фактором лояльности является память о ветеранах Великой Отечественной войны, которая в свое время способствовала цементированию советской общности:

5 баллов (высшая или абсолютная лояльность): позитивное отношение (празднование) к дате вхождения этнического региона в состав России, героизация пророссийских активистов, т.е. сторонников российской государственности: лиц на службе российских царей, государственных деятелей советского государства, включая героев Великой Отечественной войны, героев современной России.

4 балла (высокая или относительная лояльность): героизация пророссийских активистов или празднование даты вхождения в России при сохранении памяти о травматическом взаимодействии с российским государством (чаще всего в этой связи упоминаются депортации 1944 года).

3 балла (средняя или умеренная лояльность): нейтральная, аполитичная позиция без памятных дат и героических личностей.

2 балла (низкая лояльность): героизация как антироссийских (противников российской государственности), так и пророссийских активистов, преимущественно ветеранов Великой Отечественной войны.

1 балл (нулевая или отрицательная лояльность): культивация виктимности как результата травматического взаимодействия с российским государством, героизация антироссийских активистов без акцента на опыте позитивного взаимодействия с российским государством.

Перечислим северокавказские народы в алфавитном порядке и охарактеризуем их виртуальные репрезентации. Цифра в скобках после этнонима указывает их порядковый номер в списке.

Абазинцы (1). Они представлены в виртуальном пространстве целым рядом интернет-сообществ: «Абаза адКылыра (Абазинское объединение)» (4872), «Малая Абаза (Абазашта)» (6613), «Абазины Ставрополя» (2350) и «Абазины Кабарды»

(108). Особо в этих сообществах чтится память окончания Кавказской войны «21 мая». В коммеморативных практиках эта война имеет особый временной диапазон «1763–1864». Представители ряда кавказских народов воспринимают её как национальную трагедию, которая привела к утрате ими ряда территорий и оттоку соотечественников в пределы Османской империи («мухаджирство»). Примечательно, что конвенциональная научная историография отсчитывает Кавказскую войну лишь с 1817 года, когда российским наместником на Кавказе был генерал А.П. Ермолов (Лапин 2007). 1763 год – это время закладки города Моздок (Скибицкая 2007), то есть событие скорее культурного, чем военного характера. В абазинских сообществах опубликованы фотографии с памятных мероприятий, во время которых происходило возложение траурных венков 21 мая в аулах Тапанта и Мало-Абазинск (Карачаево-Черкесия). Эти изображения датированы 2012 и 2014 годами. Среди участников выделялись лица в черных папахах, белых рубашках и черных черкесках с абазинскими национальными флагами (красное полотнище с изображением белой ладони в обрамлении семи белых пятиконечных звезд).

Аварцы (2). Наиболее репрезентативное виртуальное аварское сообщество *Bustan Avaristan* насчитывает 16484 подписчика. Однако, созданное в 2012 году, оно не обновляется с 2018 года. В новостных лентах («на стене») сообщества особо культивируется память Имама Шамиля (1797–1871), борьба которого против России даже в современных российских источниках рассматривается как «освободительная» (Идрисов, Газимагомедов 2010). Каноничным считается его фотопортрет работы Андрея Денъера, сделанный в 1859 году. Там Шамиль изображен с окладистой темной бородой в чалме, намотанной на папаху, и белой черкеске. Среди событий Кавказской войны выделено «Падение Ахульго» в 1839 году. Также чтится память предводителя антисоветского восстания Нажмудина Гоцинского (1859–1925).

Администраторы («админы») сообщества публиковали заметки относительно депортации кавказских народов: чеченцев и ингушей (23.02.44), а также балкарцев (8.03.44). Символическим выражением этих дат служит товарный вагон, колючая проволока и дата депортации. Сообщество также публиковало выдержки из коллаборационистской прессы времен Второй мировой войны (газета «Газават»). Своеобразным антигероем в сообществе называется противник Имама Шамиля российский генерал Моисей Захарович Аргутинский-Долгоруков (1797–1855), которому враги дали кличку «Донгуз Аргут». Выделение этого персонажа на фоне других генералов Кавказской войны может показаться удивительным, однако оно связано с установкой ему бронзового

монумента в 1878 году в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск) работы известного скульптора Ивана Подозерова. На несколько десятилетий этот памятник стал воплощением российских побед и российского присутствия на Кавказе, пока он не был демонтирован в 1921 году (Колосовская 2018). Из пророссийских деятелей выделен «отец ГЭС Дагестана» Гамзат Гамзатов (1938–2018) и поэт Расул Гамзатов (1923–2003).

Агулы (3). Сообщество «Агульский народ» содержит 6261 подписчика. Примечательно, что на персональных страницах двух администраторов (Х. Башунайрин, Н. Раджабов) сообщества указано место *Bruxelles* (Брюссель). Подобно абазинским сообществам, в агульском культивируется память окончания Кавказской войны «21 мая», которой также соответствует цифровой код «1763–1864». Эти даты имеют сопроводительную надпись на английском языке: *Circassian genocide* («Геноцид черкесов»). Историческую тему продолжают памятные сообщения о провозглашении Горской республики 11 мая 1918 года. Из героев культивируются противник российского влияния на Кавказе Магомед Ярагский (1771–1838) и уже упомянутый Имам Шамиль. Между тем присутствует и память о Великой Отечественной войне, которая визуализируется с помощью черно-белых фотографий ветеранов (в красноармейских гимнастерках с медалями и папахами на голове), а также цветных изображений белых стел-монументов «сельчанам» или «землякам», «павшим в боях с немецкими захватчиками» (село Тпиг Агульского района Дагестана).

Адыги (4). Сообщества, посвященные адыгам, насчитывают от 35168 («Адыге гуп») до 37665 подписчиков («Черкесский Ренессанс»). Адыги полностью отождествляются с адыгейцами, черкесами и кабардинцами, что соответствует научной литературе (Гишев 2013), но противоречит переписям населения, где эти общности рассматриваются как отдельные народы. В сообществе представлены карты древней Черкесии (*Circassia* или *Адэгэ хэку*), которая простиралась от Осетии (излучины реки Терек) до берегов Черного моря. Особым почетом в адыгских сообществах (не только «Адэгэ гуп», но и в «Адыгэ хэку») окружена память «21 мая», воспринимаемая как день «геноцида черкесов» (*Circassian genocide*). В научной литературе представление о «геноциде черкесов» фиксируется как факт этнического сознания, однако ученые и официальные лица избегают такой трактовки событий (Цветков 2011).

Сообщество содержит фотоальбомы шествий и пикетов представителей черкесской диаспоры и их сторонников по улицам турецких (Стамбул) и немецких (Берлин, Мюнхен) городов с зелеными черкесскими флагами и плакатами, требующими признания геноцида черкесов в 1864 году и запре-

та на Олимпиаду в Сочи в 2014 году. Фотографии датированы 22.05.10 и 21.05.11. Сходные шествия без ярко выраженных экстремистских лозунгов запечатлены 21 мая 2019 года в российском Нальчике. Также в сообществе есть масса плакатов, где черкесская символика (три перекрещенные стрелы) сопряжена с цифровым кодом «1763–1864» и надписью «геноцид черкесов», декорированной образами огня, капель крови или черной траурной ленты. При этом есть фотоальбом, где запечатлены воины Дикой дивизии, сражавшиеся в составе российской армии в годы Первой мировой войны, а также ветераны Великой Отечественной войны.

Кабардинцам посвящено отдельное сообщество «Кабардинцы и кабардинки», которая насчитывает 11566 подписчиков. Однако в сопутствующем тексте сказано, что это «сообщество про адыгов». В видеофайлах содержатся ролики про «день адыгского флага» (25 апреля) и «адыгский день траура» (21 мая). Таким образом, в виртуальных репрезентациях кабардинцы рассматриваются как региональная группа адыгов.

Балкарцы (аланла) (5). Им посвящено специальное сообщество «Балкарцы-И Балкарки», которое насчитывает 7392 участника. Интересны памятные даты. С одной стороны, это 8 марта 1944 года – день депортации балкарского народа, а с другой – 11 января 1827 года – день добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства. Публикуются материалы, утверждающие единство «карачаево-балкарского народа», которые имеют параллели и в научной литературе (Джантуева 2010). История «балкаро-карачаевцев» возводится к аланскому союзу племен эпохи Средневековья. Существует интернет-сообщество «Аланы», насчитывающее 15400 подписчиков. В нем отмечен «день возрождения балкарского народа» (28 марта), но также упоминается и «геноцид» («депортация») карачаевского народа 2 ноября 1943 года». В сообществе содержится дискуссия относительно того, кто является «настоящими» аланами: тюркоязычные «карачаево-балкарцы» или ираноязычные осетины? В сообществе упоминается факт наличия единого «карачаево-балкарского языка». Единство карачаевцев и балкарцев утверждают и другие весьма многочисленные группы: «Къарачайлыла» (13899 подписчиков) и «Эльбрусоид» (19595 подписчиков), причем единство двух этнических групп передается этнонимом «аланла», т.е. аланы.

Даргинцы (6). Одноименное сообщество «ВКонтакте» насчитывает 13986 подписчиков. Из героев даргинцев упомянут «кайтагский уцмий» Ахмедхан (1666–1750), который противостоял как российскому царю Петру I, так и иранскому правителю Надир-шаху. Он изображен в коническом шлеме и кольчуге на манер древнерусских витязей. Акцентируется роль даргинцев в Кавказской

войне на стороне Имама Шамиля. В частности, упомянут факт, что даргинские сторонники войны с Россией обосновались в чеченском селении Дарго. Примечательно, что если в аварских сообществах чтут противника советской власти Нажмудина Гоцинского, то в даргинских сообществах вспоминают его противника Али-Хаджи Акушинского (1847–1930), который был более лоялен к советской власти.

Ингуши (7). Самое крупное сообщество, посвященное ингушам, насчитывает 28193 подписчика. Виртуальные проекции демонстрируют глубокую интеграцию ингушей в российское общество: в сообществе демонстрируются черно-белые фотографии российских генералов ингушской национальности Бануха Базоркина (1833–1906), Сосланбека Бекбузарова (1865–1930), Тонта Укурова (1865–1934) и Сафарбека Мальсагова (1868–1944). Из памятных дат фиксируется депортация ингушей в Казахстан 23 февраля 1944 года.

Кумыки (8). Одноименное сообщество «ВКонтакте» насчитывает 8225 подписчиков. Из героев народа выделен Султан-Мут (1548–1643), который оказывал сопротивление российской экспансии на Кавказе. Его изображают в коническом шлеме, кольчуге и с круглым щитом. Другим героем назван сподвижник Имама Шамиля Ташав-Хаджи (1770–1845). Сохраняется память и героях Великой Отечественной войны кумыкского происхождения, например, о летчике Юсупе Акаеве (1922–1949). Иногда фотографии ветеранов сопровождаются цифровым кодом «1941–1945», георгиевской лентой и Орденом Отечественной войны. Героем кумыков является и Джелал Коркмасов (1877–1937), который представлен как основатель Дагестанской АССР.

Лакцы (9). Этому народу посвящено одноименное сообщество, насчитывающее 4715 подписчиков. Есть более представительное сообщество «Лакская страница», насчитывающее 5689 подписчиков. Из героев выделены участник Великой Отечественной войны офицер НКВД Гаджи Буганов (1918–1987), летчик-космонавт Муса Манаров (р. 1951) и «первый Герой России в СВО» Нурмагомед Гаджимагомедов (1996–2022). Культивируется память и правителя Казикумухского ханства Сухрай-хана II (1744–1827), который принимал участие в Кавказской войне против России. Ведутся споры относительно Саида Габиева (1882–1963), который под началом Джелала Коркмасова принимал участие в создании Дагестанской АССР.

Лезгины (10). Одноименное сообщество имеет 33030 подписчиков. Не менее представительна группа ВКонтакте «Я Лезгин», которая насчитывает 34477 участников. Из героев упомянут чтимый агулам Магомед Ярагский, который обозначен как «идеолог джихада». В сообществе «Лезгины в Исламе» (13168 подписчиков) почтение оказано

аварцам Имаму Шамилю и его предшественнику Гамзат-Беку (1789–1834).

Осетины (11). Сообщество «Осетины Аланское наследие» имеет 13972 подписчика, однако сообщество, посвященное осетинским борцам, насчитывает уже 83355 подписчиков. Из памятных дат в День России осетины отмечали «250-летие присоединения Осетии к России», т.е. речь идет о событиях 1774 года. Из выдающихся личностей читается православный миссионер Аксо Колиев (1823–1866), литератор Коста Хетагуров (1859–1906), царский генерал Дзамболат Абадиев (1857–1936), участник Гражданской войны в России Лазарь Бичерахов (1882–1952) и современный дирижер Валерий Гергиев (р. 1953).

Рутульцы (12). В посвященном им сообществе насчитывается 3836 подписчиков, причем новостная лента с 2022 года не обновлялась. Акцент на героях или памятных датах отсутствует.

Табасаранцы (13). Сообщество «Табасараны» насчитывает 6529 подписчиков. Оно не обновлялось с 2022 года. Среди изображений присутствуют фотографии участников районных соревнований на фоне плаката «Россия против террора», одетых в спортивную форму. В фотоальбомах представлены герои Великой Отечественной войны, в том числе снайпер Абдулла Сефербеков (1909–1943). Гордостью Табасарана представлен современный российский генерал Рустам Мурадов (р.1973), однако в комментариях к новости некоторые пользователи выражали в его адрес критические замечания. Также в новостной ленте появляются мотивирующие цитаты Имама Шамиля: «Не проявляйте слабость в бою, будьте терпеливы в трудностях терпение в трудности, смерть не настигнет, пока не наступит отведенный срок». Табасаранской теме посвящено более крупное сообщество *Tavaspar's*, насчитывающее 11008 подписчиков. Там содержатся сведения по истории, как правило, антироссийской направленности: о «русско-шамхальской войне 1589–1607 года», об «антиписарском восстании 1913–1914 года», о «Черекской трагедии 1942 года», а также героизация участников джихада на Кавказе в 19 веке, таких как Гази-Мухаммед, Гамзат-бек, Имам Шамиль, Хаджи Мурат и Таймас Губденский.

Цахуры (14). Одноименное сообщество насчитывает 1614 подписчиков. Содержанием новостной ленты являются цитаты из других сообществ на цахурскую тему: цахурский хинкал, Цахурская долина, Цахурский (Илисуйский) султанат. Информации о героях или памятных датах нет.

Чеченцы (15). Сообщество «Чеченский перелом» насчитывает 90684 подписчика. Из героев выделен Шейх Мансур (1760–1794), изображаемый с бородой и в чалме, намотанной на папаху. Упоминаются и чеченские герои Кавказской войны: Таймасха Гехинская (1820–1860) и Байсан-

гур Беноевский (1794–1861). Почтением окружен «абрек» Зелимхан Харачоевский (1872–1913), который именуется «борцом за свободу». Героем в сообществе считается и коллаборационист-диссидент Абдурахман Авторханов (1908–1997). 23 февраля отмечен как день памяти и скорби из-за депортации чеченского народа в 1944 году.

Таким образом, рассмотрев виртуальные репрезентации 15 народов Северного Кавказа, можно предложить следующее распределение индекса лояльности (к России) по пятибалльной шкале. Следует отметить, что речь не идет о реальных настроениях соответствующих народов, которые могут быть выявлены методом социологических опросов. Тем не менее виртуальные репрезентации могут выражать настроения молодого активного населения и с учетом информатизации общества создавать определенную тенденцию в коллективных настроениях. Низкая лояльность сама по себе отражает лишь низкую интеграцию в российское общество и не обязательно означает враждебность. Она может выражать этническое дистанцирование, стремление к укреплению автономии и обособлению от федерального центра.

Высшую степень лояльности (5 балла) проявляют виртуальные репрезентации лакцев и осетин.

Высокую степень лояльности (4 балла) проявляют сообщества аланла (карачаево-балкарцы) и ингушей.

Среднюю степень лояльности (3 балла) проявляют интернет-проекции таких народов Дагестана, как рутульцы и цахуры.

Низкую степень лояльности (2 балла) проявляют сообщества аварцев, агулов, адыгов, даргинцев, кумыков и табасаранцев.

Отрицательную лояльность (1 балл) проявляют сообщества абазинцев, лезгин и чеченцев.

Решающую роль в низкой лояльности некоторых народов Северного Кавказа играет практика коммеморации (увековечивания) событий и участников Кавказской войны, которая рассматривается через упрощенный стереотип о колониальной экспансии России и национально-освободительном характере антироссийского сопротивления. При этом часто игнорируется целый пласт лояльного к России населения («мирные горцы»), потомки которых и поныне населяют данный регион. В процессе исследования выяснилось, что помимо фиксации этнического самосознания имеют место процессы интеграции этнических групп на основе общности языка. Примечательно, что коммуникация в рамках виртуальных сообществ осуществляется преимущественно на русском языке, что позволяет сделать вывод о крепких позициях государственного языка в данном регионе. Широкую возможность для интеграции народов Северного Кавказа в состав российского общества на современном этапе предоставляет спорт, о чем свиде-

тельствуют соответствующие этно-спортивные интернет-сообщества, где изображены фотографии спортсменов на фоне государственной символики Российской Федерации.

Библиографический список

Ба Алави Мурад Мохаммед Современные медиа и их влияние на революционный процесс «Арабской весны» // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 8 (40). С. 22–29.

Бугаев А.М. История народов Северного Кавказа как составная часть их культурного наследия // Наследие веков. 2016. № 4. С. 16–22.

Гишев Н.Т. Споры вокруг этнонимов «Черкес» и «Адыгэ» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 1 (114). С. 95–99.

Джантуева Ф.Р. Процесс и этапы формирования карачаево-балкарского этноса и развитие этнической и религиозной идентичности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 1. С. 316–319.

Ермолаев В.П. Социальная сеть «ВКонтакте» как современный канал политической информации // Социум и власть. 2017. № 3(65). С. 63–73.

Идрисов М.М., Газимагомедов Х.М. Деятельность наибов Шамиля среди горцев Северо-Западного Кавказа // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3. С. 67–70.

Клюсова П.С. Медиапрезентации образов этнической культуры как способ сохранения идентичности: дисс. канд. культурологии: 24.00.01. Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург. 2020. 151 с.

Колосовская Т.А. История создания памятника генерал-адъютанту М.З. Аргутинскому-Долгорукову // Военно-исторический журнал. 2018. № 8. С. 67–72.

Лапин В.В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып.3. С. 78–89.

Морозова А.А. Мультимедийные возможности социальной сети ВКонтакте // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1. С. 200–208.

Немыкина О.И. Понятие виртуальной реальности в философском контексте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 53–63.

Республика Дагестан. Краткая справка // Глава Республики Дагестан. URL: <https://glava.e-dag.ru/brief-reference/> (дата обращения 17.06.2024).

Скибицкая И.М. Дискуссионные проблемы истории завершающего этапа Кавказской войны // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. С. 37–39.

Туаева Б.В. Этнокультурная природа Северного Кавказа (вторая половина XIX–начало XX) //

Вестник Военного университета. 2009. № 3(19). С. 1–53–159.

Цветков О.М. Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2011. № 8. С. 56–69.

References

Ba Alawi Murad Mohammed (2014), Contemporary media and its influence on revolutionary process of the Arabic Spring, *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 8 (40), pp. 22–29.

Bugayev, A.M. (2016), The History of Northern Caucasus peoples as a component part of their cultural heritage, *Nasledie vekov*, no. 4, pp. 16–22.

Gishev, N.T. (2013), Discussion about ethnonym «Cherkes» and «Adyge», *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 1 (114), pp. 95–99.

Dzhan TUYEVA, F.R. (2010), Process and stages of formation Karachai-Balkar ethnos and development of ethnical and religious identity, *Aktualnye problem gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 1, pp. 316–319.

Yermolayev, V.P. (2017), Social network “Vkontakte” as a contemporary channel of political information, *Socium I vlast*, no. 3(65), pp. 63–73.

Idrisov, M.M., Gazimagomedov, H.M. (2010), Activity of Shamil’s naibs among highlanders of North-West Caucasus, *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*, no. 3, pp. 67–70.

Klyusova, P.S. (2020), *Media-representations of ethnical culture images as a method of conservation of identity*, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Kolossovskaya, T.A. (2018), History of building the monument of general-adjutant M.Z. Argutinsky-Dolgorukov, *Voенно-Istoricheskiy zhurnal*, no. 8, pp. 67–72.

Lapin, V.V. (2007), Chronological limits of Caucasian war in the context of its historiography, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 2, vol. 3, pp. 78–89.

Morozova, A.A. (2019), Multi-media probabilities of social network “Vkontakte”, *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, no. 1, pp. 200–208.

Nemykina, O.I. (2011), Concept of virtual reality in the philosophical context, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region, Gumanitarnye nauki*, no. 1 (17), pp. 53–63.

Dagestan Republic. Short notice, *Glava Respubliki Dagestan*, URL: <https://glava.e-dag.ru/brief-reference/> (Accessed 17 June 2024).

Skibitskaya, I.M. (2007), Discussing history problem of the finish period of Caucasian war, *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, no. 6, pp. 37–39.

Tuayeva, B.V. (2009), Ethno-cultural nature of the Northern Caucasus (second part XIX – beginning XX), *Vestnik Voyennogo universiteta*, no. 3(19), pp. 153–159.

Tsvetkov, O.M. (2011), Adyg’s (Circassian) question on Caucasus, *Rossiya I musulmanskiy mir*, no. 8, pp. 56–69.

Submitted: 15.06.2024

Revised: 24.08.2024

Accepted: 01.10.2024

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI ....

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2024** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2024** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2024), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI ....

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2024** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2024** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

...

Ход исследования

...

Полученные результаты и выводы

...

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

С требованиями к оформлению статей для размещения в журнале можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Прием статей»:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>